

Ж.-Ж. Руссо

Об общественном договоре,
или принципы политического права

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Russo.O_dogovore.pdf

Текст произведения используется
в научных, учебных и культурных целях

Жан-Жак Руссо

Об общественном договоре, или принципы политического права

Предуведомление

Этот небольшой трактат извлечен мною из более обширного труда, который я некогда предпринял, не рассчитав своих сил, и давно уже оставил. Из различных отрывков, которые можно было извлечь из того, что было написано, предлагаемый ниже - наиболее значителен, и, как показалось мне, наименее недостоин внимания публики. Остальное уже более не существует.

Книга 1

Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они, а законы - такими, какими они могут быть (2). В этом Исследовании я все время буду стараться сочетать то, что разрешает право, с тем, что предписывает выгода, так, чтобы не оказалось никакого расхождения между справедливостью и пользою (3).

Я приступаю к делу, не доказывая важности моей темы. Меня могут спросить: разве я государь или законодатель, что пишу о политике. Будь я государь или законодатель, я не стал бы терять время на разговоры о том, что нужно делать, - я либо делал бы это, либо молчал.

Поскольку я рожден гражданином свободного Государства и членом суверена (4), то, как бы мало ни значил мой голос в общественных делах, права подавать его при обсуждении этих дел достаточно, чтобы обязать меня уяснить себе их сущность, и я счастлив, что всякий раз, рассуждая о формах Правления, нахожу в моих розысканиях все новые причины любить образ Правления моей страны.

Глава I. Предмет этой первой книги

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах (5). Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они (6). Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить.

Если бы я рассматривал лишь вопрос о силе и результатах ее действия, я бы сказал: пока народ принужден повиноваться и повинуетя, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, - он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но общественное состояние - это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях. Надо выяснить, каковы эти соглашения. Прежде чем приступить к этому, я должен обосновать те положения, которые я только что выдвинул.

Глава II. О первых обществах

Самое древнее из всех обществ и единственное естественное - это семья (7). Но ведь и в семье дети связаны с отцом лишь до тех пор, пока нуждаются в нем. Как только нужда эта пропадает, естественная связь рвется. Дети, избавленные от необходимости повиноваться отцу, и отец, свободный от обязанности заботиться о детях, вновь становятся равно независимыми. Если они и остаются вместе, то уже не в силу естественной необходимости, а добровольно; сама же семья держится лишь на соглашении.

Эта общая свобода есть следствие природы человека. Первый ее закон самоохранение, ее - первые заботы те, которыми человек обязан самому себе, и как только он вступает в пору зрелости, он уже только сам должен судить о том, какие средства пригодны для его самосохранения, и так он становится сам себе хозяином.

Таким образом, семья - это, если угодно, прообраз политических обществ, правитель - это подобие отца, народ - детей, и все, рожденные равными и свободными, если отчуждают свою свободу, то лишь для своей же пользы. Вся разница в том, что в семье любовь отца к детям

вознаграждает его за те заботы, которыми он их окружает, - в Государстве же наслаждение властью заменяет любовь, которой нет у правителя к своим подданным.

Гроций отрицает, что у людей всякая власть устанавливается для пользы управляемых (8): в качестве примера он приводит рабство*. Чаще всего в своих рассуждениях он видит основание права в существовании соответствующего факта. Можно было бы применить методу более последовательную, но никак не более благоприятную для тиранов.

* "Ученые розыскания о публичном праве часто представляют собою лишь историю давних злоупотреблений, и люди совершенно напрасно давали себе труд слишком подробно их изучать". - (Трактат (12) о выгодах Фр [анции] в сношениях с ее соседями г-на маркиза д'А[ржансона], напечатанный у Рея в Амстердаме). Именно это и сделал Гроций.

По мнению Гроция, стало быть, неясно, принадлежит ли человеческий род какой-нибудь сотне людей или, наоборот, эта сотня людей принадлежит человеческому роду и на протяжении всей своей книги он, как будто, склоняется к первому мнению. Так же полагает и Гоббс (9). Таким образом человеческий род оказывается разделенным на стада скота, каждое из которых имеет своего вожака, берегущего оное с тем, чтобы его пожирать.

Подобно тому, как пастух - существо высшей природы по сравнению с его стадом, так и пастыри людские, кои суть вожаки людей, - существа природы высшей по отношению к их народам. Так рассуждал, по сообщению Филона (10), император Калигула, делая из такой аналогии тот довольно естественный вывод, что короли - это боги, или что подданные - это скот.

Рассуждение такого Калигулы возвращает нас к рассуждениям Гоббса и Гроция. Аристотель прежде, чем все они (11) говорил также, что люди вовсе не равны от природы, но что одни рождаются, чтобы быть рабами, а другие господами.

Аристотель был прав; но он принимал следствие за причину. Всякий человек, рожденный в рабстве, рождается для рабства; ничто не может быть вернее этого. В оковах рабы теряют все, вплоть до желания от них освободиться (13), они начинают любить рабство, подобно тому, как спутники Улисса (14) полюбили свое скотское состояние*.

* См. небольшой трактат Плутарха, озаглавленный: О разуме бессловесных. Уступать силе - это акт необходимости, а не воли; в крайнем случае, это акт благоразумия. В каком смысле может это быть обязанностью?

Итак, если существуют рабы по природе, так только потому, что существовали рабы вопреки природе. Сила создала первых рабов, их трусость сделала их навсегда рабами.

Я ничего не сказал ни о короле Адаме, ни об императоре Ное (15), отце трех великих монархов, разделивших между собою весь мир, как это сделали дети Сатурна (16), в которых иногда видели этих же монархов. Я надеюсь, что мне будут благодарны за такую мою скромность; ибо, поскольку я происхожу непосредственно от одного из этих государей и, быть может, даже от старшей ветви, то, как знать, не оказался бы я после проверки грамот вовсе даже законным королем человеческого рода? Как бы там ни было, никто не станет отрицать, что Адам был властелином мира, подобно тому, как Робинзон (17) властелином своего острова, пока он оставался единственным его обитателем, и было в этом безраздельном обладании то удобство, что монарху, прочно сидевшему на своем троне, не доводилось страшиться ни мятежей, ни войн, ни заговорщиков.

Глава III. О праве сильного

Самый сильный никогда не бывает настолько силен, что бы оставаться постоянно повелителем, если он не превратит своей силы в право, а повиновения ему - в обязанность. Отсюда - право сильнейшего; оно называется правом как будто в ироническом смысле, а в действительности его возводят в принцип. Но разве нам никогда не объяснят смысл этих слов? Сила - это физическая мощь, и я никак не вижу, какая мораль может быть результатом ее действия.

Предположим на минуту, что так называемое право сильнейшего существует. Я утверждаю, что в результате подобного предположения получится только необъяснимая галиматья; ибо, если это сила создает право, то результат меняется с причиной, то есть всякая сила, превосходящая первую, приобретает и права первой. Если только возможно не повиноваться безнаказанно, значит возможно это делать на законном основании, а так как всегда прав самый сильный, то и нужно лишь действовать таким образом, чтобы стать сильнейшим. Но что же это за право, которое исчезает, как только прекращается действие силы? Если нужно повиноваться, подчиняясь силе, то нет необходимости

повиноваться, следуя долгу; и если человек больше не принуждается к повиновению, то он уже и не обязан это делать. Отсюда видно, что слово "право" ничего не прибавляет к силе. Оно здесь просто ничего не значит.

Подчиняйтесь властям. Если это означает - уступайте силе, то заповедь хороша, но излишняя; я ручаюсь, что она никогда не будет нарушена. Всякая власть - от Бога (18), я это признаю; но и всякая болезнь от Него же: значит ли это, что запрещено звать врача? Если на меня в лесу нападает разбойник, значит, мало того, что я должен, подчиняясь силе, отдать ему свой кошелек; но, даже будь я в состоянии его спрятать, то разве я не обязан по совести отдать ему этот кошелек? Ибо, в конце концов, пистолет, который он держит в руке, - это тоже власть.

Согласимся же, что сила не творит право и что люди обязаны повиноваться только властям законным. Так перед нами снова возникает вопрос, поставленный мною в самом начале.

Глава IV. О рабстве

Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения.

Если отдельный человек, говорит Гроций (20), может, отчуждая свою свободу, стать рабом какого-либо господина, то почему же не может и целый народ, отчуждая свою свободу, стать подданным какого-либо короля? Здесь много есть двусмысленных слов, значение которых следовало бы пояснить; ограничимся только одним из них - "отчуждать". Отчуждать - это значит отдавать или продавать (21). Но человек, становящийся рабом другого, не отдает себя; он, в крайнем случае, себя продает, чтобы получить средства к существованию. Но народу - для чего себя продавать? Король не только не предоставляет своим подданным средства к существованию, более того, он сам существует только за их счет, а королю, как говорит Рабле (22), немало надо для жизни. Итак, подданные отдают самих себя с условием, что у них заберут также их имущество? Я не вижу, что у них останется после этого.

Скажут, что деспот обеспечивает своим подданным гражданский мир. Пусть так, но что же они от этого выигрывают, если войны, которые им навязывает его честолюбие, если его ненасытная алчность, притеснения его правления разоряют их больше, чем это сделали бы их

раздоры? Что же они от этого выигрывают, если самый этот мир становится одним из их бедствий? Спокойно жить и в темницах, но разве этого достаточно, чтобы чувствовать себя там хорошо! Греки, запертые в пещере Циклопа (23), спокойно жили в ней, ожидая своей очереди быть съеденными.

Утверждать, что человек отдает себя даром, значит - утверждать нечто бессмысленное и непостижимое: подобный акт незаконен и недействителен уже по одному тому, что тот, кто его совершает, находится не в здравом уме. Утверждать то же самое о целом народе - это значит считать, что весь он состоит из безумцев: безумие не творит право (24).

Если бы каждый и мог совершить отчуждение самого себя, то он не может этого сделать за своих детей; они рождаются людьми и свободными; их свобода принадлежит им, и никто, кроме них, не вправе ею распоряжаться. До того, как они достигнут зрелости, отец может для сохранения их жизни и для их благополучия принять от их имени те или иные условия, но он не может отдать детей безвозвратно и без условий, ибо подобный дар противен целям природы и превышает отцовские права. Поэтому, дабы какое-либо самовластное Правление стало законным, надо, чтобы народ в каждом своем поколении мог сам решать вопрос о том, принять ли такое Правление или отвергнуть его; но тогда это Правление не было бы уже самовластным.

Отказаться от своей свободы - это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей. Невозможно никакое возмещение для того, кто от всего отказывается. Подобный отказ несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли - это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности. Наконец, бесполезно и противоречиво такое соглашение, когда, с одной стороны, выговаривается неограниченная власть, а с другой безграничное повиновение. Разве не ясно, что у нас нет никаких обязанностей по отношению к тому, от кого мы вправе все потребовать? И разве уже это единственное условие, не предполагающее ни какого-либо равноценного возмещения, ни чего-либо взамен, не влечет за собою недействительности такого акта? Ибо какое может быть у моего раба право, обращенное против меня, если все, что он имеет, принадлежит мне, а если его право - мое, то разве не лишены какого бы то ни было смысла слова: мое право, обращенное против меня же?

Гроций и другие видят происхождение так называемого права рабовладения еще и в войнах (25). Поскольку победитель, по их мнению, вправе убить побежденного, этот последний может выкупить свою жизнь ценою собственной свободы, - соглашение тем более законное, что оно обращается на пользу обоим.

Ясно, однако, что это так называемое право убивать порожденных ни в коей мере не вытекает из состояния войны. Уже хотя бы потому, что люди, пребывающие в состоянии изначальной независимости, не имеют столь постоянных отношений между собою, чтобы создалось состояние войны или мира; от природы люди вовсе не враги друг другу (26). Войну вызывают не отношения между людьми, а отношения вещей, и поскольку состояние войны может возникнуть не из простых отношений между людьми, но из отношений вещных, постольку не может существовать войны частной (27), или войны человека с человеком, как в естественном состоянии, где вообще нет постоянной собственности, так и в состоянии общественном, где все подвластно законам.

Стычки между отдельными лицами, дуэли, поединки суть акты, не создающие никакого состояния войны; что же до частных войн, узаконенных Установлениями Людовика IX (28), короля Франции, войн, что прекращались Божьим миром (29), - это злоупотребления феодального Правления, системы самой бессмысленной (30) из всех, какие существовали, противной принципам естественного права и всякой доброй политики.

Итак, война - это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане*, но как солдаты; не как члены отечества, но только защитники его.

* Римляне, которые знали и соблюдали право войны более, чем какой бы то ни было народ в мире, были в этом отношении столь щепетильны, что гражданину разрешалось служить в войске добровольцем лишь в том случае, когда он обязывался сражаться против врага и именно против определенного врага. Когда легион, в котором Катон-сын (31) начинал свою военную службу под командованием Попилия, был переформирован, Катон-отец написал Попилию (32), что, если тот согласен, чтобы его сын продолжал служить под его началом, то Катона-младшего следует еще раз привести к воинской присяге, так как первая уже недействительна, и он не может более сражаться против врага. И тот

же Катон писал своему сыну, чтобы он остерегся принимать участие в сражении, не принеся этой новой присяги. Я знаю, что мне могут противопоставить в этом случае осаду Клузиума (33) и некоторые другие отдельные факты, но я здесь говорю о законах, обычаях. Римляне реже всех нарушали свои законы, и у них одних были законы столь прекрасные.

Наконец, врагами всякого Государства могут быть лишь другие Государства, а не люди, если принять в соображение, что между вещами различной природы нельзя установить никакого подлинного отношения.

Этот принцип соответствует также и положениям, установленным во все времена, и постоянной практике всех цивилизованных народов. Объявление войны служит предупреждением не столько Державам, сколько их подданным. Чужой, будь то король, частный человек или народ, который грабит, убивает или держит в неволе подданных, не объявляя войны государю, - это не враг, а разбойник. Даже в разгаре войны справедливый государь, захватывая во вражеской стране все, что принадлежит народу в целом, при этом уважает личность и имущество частных лиц; он уважает права, на которых основаны его собственные. Если целью войны является разрушение вражеского Государства, то победитель вправе убивать его защитников, пока у них в руках оружие; но как только они бросают оружие и сдаются, переставая таким образом быть врагами или орудиями врага, они вновь становятся просто людьми, и победитель не имеет более никакого права на их жизнь (34). Иногда можно уничтожить Государство, не убивая ни одного из его членов. Война, следовательно, не дает никаких прав, которые не были бы необходимы для ее целей. Это - не принципы Гроция, они не основываются на авторитете поэтов, но вытекают из самой природы вещей и основаны на разуме.

Что до права завоевания, то оно основывается лишь на законе сильного. Если война не дает победителю никакого права истреблять побежденных людей, то это право, которого у него нет, не может служить и основанием права на их порабощение. Врага можно убить только в том случае, когда его нельзя сделать рабом, следовательно: право поработить врага не вытекает из права его убить (35); значит, это несправедливый обмен заставляя его покупать ценою свободы свою жизнь, на которую у победителя нет никаких прав. Ибо разве не ясно, что если мы будем основывать право жизни и смерти на праве рабовладения, а право рабовладения на праве жизни и смерти, то попадем в порочный круг?

Даже если предположить, что это ужасное право всех убивать существует, я утверждаю, что раб, который стал таковым во время войны, или завоеванный народ ничем другим не обязан своему повелителю, кроме как повиновением до тех пор, пока его к этому принуждают. Взяв эквивалент его жизни, победитель вовсе его не помиловал: вместо того, чтобы убить побежденного без всякой выгоды, он убил его с пользой для себя. Он вовсе не получил над ним никакой власти, соединенной с силою; состояние войны между ними продолжается, как прежде, сами их отношения являются следствием этого состояния, а применение права войны не предполагает никакого мирного договора. Они заключили соглашение, пусть так; но это соглашение никак не приводит к уничтожению состояния войны (36), а, наоборот, предполагает его продолжение.

Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, право рабовладения недействительно не только потому, что оно незаконно, но также и потому, что оно бессмысленно и ничего не значит. Слова "рабство" и "право" противоречат друг другу; они взаимно исключают друг друга. Такая речь: "я с тобой заключаю соглашение полностью за твой счет и полностью в мою пользу, соглашение, которое я буду соблюдать, пока это мне будет угодно, и которое ты будешь соблюдать, пока мне это будет угодно" - будет всегда равно лишена смысла независимо от того, имеются ли в виду отношения человека к человеку или человека к народу.

Глава V. О том, что следует всегда восходить к первому соглашению

Если бы я даже и согласился с тем, что до сих пор отрицал, то сторонники деспотизма не много бы от этого выиграли. Всегда будет существовать большое различие между тем, чтобы подчинить себе толпу, и тем, чтобы управлять обществом. Если отдельные люди порознь один за другим поработаются одним человеком, то, каково бы ни было их число, я вижу здесь только господина и рабов, а никак не народ и его главу. Это, если угодно, скопление людей а не ассоциация; здесь нет ни общего блага, ни Организма политического. Такой человек, пусть бы даже он и поработил полмира, всегда будет лишь частное лицо; его интерес отделенный от интересов других людей, это всегда только частный интерес. Если только этот человек погибает, то его держава распадается, как рассыпается и превращается в кучу пепла дуб, сожженный огнем.

Народ, говорит Гроций, может поставить над собою короля. По мнению Гроция, стало быть, народ является таковым и до того, как он подчиняет себя королю. Но такое действие представляет собою гражданский акт; оно предполагает решение, принятое народом. Таким образом, прежде чем рассматривать акт, посредством которого народ избирает короля, было бы неплохо рассмотреть тот акт, в силу которого народ становится народом, ибо этот акт, непременно предшествующий первому, представляет собой истинное основание общества (37).

В самом деле, не будь никакого предшествующего соглашения, откуда бы взялось - если только избрание не единодушно - обязательство для меньшинства подчиняться выбору большинства? и почему сто человек, желающих господина, вправе подавать голос за десять человек, того совершенно не желающих? Закон большинства голосов сам по себе устанавливается в результате соглашения и предполагает, по меньшей мере единожды, - единодушие.

Глава VI. Об общественном соглашении

Я предполагаю, что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни.

Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил (38), а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно.

Эта сумма сил может возникнуть лишь при совместных действиях многих людей; но - поскольку сила и свобода Каждого человека - суть первые орудия его самосохранения - как может он их отдать, не причиняя себе вреда и не пренебрегая теми заботами, которые есть его долг по отношению к самому себе? Эта трудность, если вернуться к предмету этого исследования, может быть выражена в следующих положениях:

"Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако,

только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде". Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор (39).

Статьи этого Договора определены самой природой акта так, что малейшее видоизменение этих статей лишило бы их действительности и полезности; поэтому, хотя они пожалуй, и не были никогда точно сформулированы, они повсюду одни и те же, повсюду молчаливо принимаются и признаются до тех пор, пока в результате нарушения общественного соглашения каждый не обретает вновь свои первоначальные права и свою естественную свободу, теряя свободу, полученную по соглашению, ради которой он отказался от естественной.

Эти статьи, если их правильно понимать, сводятся к одной-единственной, именно: полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины; ибо, во-первых, если каждый отдает себя всецело, то создаются условия, равные для всех; а раз условия равны для всех, то никто не заинтересован в том, чтобы делать их обременительными для других.

Далее, поскольку отчуждение совершается без каких-либо изъятий, то единение столь полно, сколь только возможно, и ни одному из членов ассоциации нечего больше требовать. Ибо, если бы у частных лиц оставались какие-либо права, то, поскольку теперь не было бы такого старшего над всеми, который был бы вправе разрешать споры между ними и всем народом, каждый, будучи судьей самому себе в некотором отношении, начал бы вскоре притязать на то, чтобы стать таковым во всех отношениях; естественное состояние продолжало бы существовать, и ассоциация неизбежно стала бы тиранической или бесполезной.

Наконец, каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности. И так как нет ни одного члена ассоциации, в отношении которого остальные не приобретали бы тех же прав, которые они уступили ему по отношению к себе, то каждый приобретает эквивалент того, что теряет, и получает больше силы для сохранения того, что имеет.

Итак, если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы найдем, что оно сводится к следующим положениям: "каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого" (40).

Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое,

состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся следовательно в результате объединения всех других, некогда именовалось Гражданскою общиной*, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом: его члены называют этот Политический организм Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти, и подданными как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются и их принимают один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле.

* Истинный смысл этого слова почти совсем стерся для людей новых времен: большинство принимает город за Гражданскую общину, а горожанина за гражданина (43). Они не знают, что город составляют дома, а Гражданскую общину граждане. Эта же ошибка в древности дорого обошлась карфагенянам. Я не читал, чтобы подданному какого либо государя давали титул *civis* (гражданин - лат.), ни даже в древности - македонцам или в наши дни англичанам, хотя эти последние ближе к свободе, чем все остальные. Одни французы совершенно запросто называют себя гражданами, потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право. Когда Бодэн собрался говорить о наших Гражданах и Горожанах (44), он совершил грубую ошибку, приняв одних за других. Г-н д'Аламбер не совершил этой ошибки, и в своей статье "Женева" (45) хорошо показал различия между всеми четырьмя (даже пятью, если считать простых иностранцев) разрядами людей в нашем городе, из которых лишь два входят в состав Республики. Ни один из известных мне французских авторов не понял истинного смысла слова "гражданин".

Глава VII. О суверене

Из этой формулы видно, что акт ассоциации (41) содержит взаимные обязательства всего народа и частных лиц и что каждый

индивидуум, вступая, так сказать, в договор с самим собой, оказывается принявшим двойное обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства по отношению к суверену (42). Но здесь нельзя применить то положение гражданского права, что никто не обязан выполнять обязательства, взятые перед самим собой, ибо велико различие между обязательствами, взятыми перед самим собою, и обязательствами, взятыми по отношению к целому, часть которого ты составляешь.

Следует еще заметить, что, поскольку каждый выступает в двойном качестве, решение, принятое всем народом, может иметь обязательную силу в области отношений всех подданных к суверену, но не может, по противоположной причине, наложить на суверена обязательства по отношению к себе самому, и что, следовательно, если бы суверен предписал сам себе такой закон, от которого он не мог бы себя освободить, - это противоречило бы самой природе Политического организма. Поскольку суверен может рассматривать себя лишь в единственном отношении, то он попадает в положение частного человека, вступающего в соглашение с самим собою (46); раз так, нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него не обязательен даже Общественный договор (47). Это, однако, не означает, что Народ, как целое, не может взять на себя таких обязательств по отношению к другим, которые не нарушают условий этого Договора, ибо по отношению к чужеземцу он выступает как обычное существо, как индивидуум.

Но Политический организм или суверен, который обязан своим существованием лишь святости Договора (48), ни в коем случае не может брать на себя таких обязательств, даже по отношению к другим, которые сколько-нибудь противоречили бы этому первоначальному акту, как, например, отчуждение какой-либо части самого себя или подчинение себя другому суверену. Нарушить акт, благодаря которому он существует, значило бы уничтожить самого себя, а ничто ничего и не порождает.

Как только эта масса людей объединяется таким путем в одно целое, уже невозможно причинить вред ни одному из его членов, не задевая целое, и тем более нельзя причинить вред целому так, чтобы члены его этого не почувствовали. Стало быть и долг, и выгода в равной мере обязывают обе договаривающиеся стороны взаимно помогать друг другу; и одни и те же люди должны стремиться использовать в этом двойном отношении все преимущества, которые дает им объединение.

Итак, поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц; следовательно, верховная власть суверена нисколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам; и мы увидим далее, что он не может причинять вред никому из них в отдельности (49). Суверен уже в силу того, что он существует, является всегда тем, чем он должен быть.

Но не так обстоит дело с отношениями подданных к суверену; несмотря на общий интерес, ничто не могло бы служить для суверена порукою в выполнении подданными своих обязательств, если бы он не нашел средств обеспечить их верность себе.

В самом деле, каждый индивидуум может, как человек, иметь особую волю, противоположную общей или несходную с этой общей волей, которой он обладает как гражданин. Его частный интерес может внушать ему иное, чем то, чего требует интерес общий. Само его естественно независимое существование может заставить его рассматривать то, что он должен уделять общему делу, лишь как безвозмездное приношение, потеря которого будет не столь ощутима для других, сколь уплата этого приношения обременительна для него, и если бы он рассматривал то юридическое лицо, которое составляет Государство, как отвлеченное существо, поскольку это - не человек, он пользовался бы правами гражданина, не желая исполнять обязанностей подданного; и эта несправедливость, усугубляясь, привела бы к разрушению Политического организма.

Итак, чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости: условие это составляет секрет и двигательную силу политической машины, и оно одно только делает законными обязательства в гражданском обществе, которые без этого были бы бессмысленными, тираническими и открывали бы путь чудовищнейшим злоупотреблениям.

Глава VIII. О гражданском состоянии

Этот переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право - желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. Хотя он и лишает себя в этом состоянии многих преимуществ, полученных им от природы, он вознаграждается весьма значительными другими преимуществами; его способности упражняются и развиваются, его представления расширяются, его чувства облагораживаются и вся его душа возвышается до такой степени, что ее ли бы заблуждения этого нового состояния не низводили часто человека до состояния еще более низкого чем то, из которого он вышел, то он должен был бы непрестанно благословлять тот счастливый миг, который навсегда вырвал его оттуда и который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо - человека.

Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе.

К тому, что уже сказано о приобретениях человека и гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. Но я уже итак сказал по этому вопросу более, чем достаточно, а определение философского смысла слова свобода не входит в данном случае в мою задачу.

Глава IX. О владении имуществом

Каждый член общины подчиняет себя ей в тот момент, когда она образуется, таким, каков он есть в это время, подчиняет ей самого себя и все свои силы, составной частью которых является и принадлежащее ему имущество. Это не означает, что вследствие такого акта владение, переходя из рук в руки, изменяет свою природу и становится собственностью в руках суверена. Но так как силы Гражданской общины несравненно больше, чем силы отдельного человека, то и ее владение фактически более прочно и неоспоримо, хотя и не становится более законным, по крайней мере, в глазах чужеземцев. Ибо государство является в отношении своих членов хозяином всего их имущества в силу Общественного договора, который в Государстве служит основой всех прав; но для других Держав Государство является таковым лишь по праву первой заимки, перешедшему к нему от отдельных лиц.

Право первой заимки, хотя оно и в большей степени является таковым, нежели право сильного, превращается в подлинное право лишь после того, как установлено право собственности. Каждый человек от природы имеет право на все, что ему необходимо; но акт положительного права, делающий его собственником какого-либо имущества, лишает его тем самым прав на все остальное. Получив свою часть, он должен ограничиться ею и не имеет больше никакого права на то, что принадлежит общине. Вот почему право первой заимки, столь непрочное в естественном состоянии, безоговорочно уважается всяким человеком, принадлежащим к гражданскому обществу. В понимании этого права уважается не столько чужое, сколько то, что не принадлежит тебе.

Вообще же, для того чтобы узаконить право первой заимки на какой-либо участок земли, необходимы следующие условия: во-первых, чтобы на этой земле еще никто не жил; во-вторых, чтобы занято было лишь столько, сколько необходимо, чтобы прокормиться; в-третьих, чтобы вступали во владение землею не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате расчистки и обработки ее этого единственного признака собственности, который при отсутствии юридических документов должен быть признаваем другими.

В самом деле, признать право первой заимки за потребностями и трудом (50) - не значит ли это распространить это право настолько, насколько оно может простираться? Можно ли не ставить границ этому праву? Достаточно ступить ногою на общий участок земли, чтобы провозгласить себя тотчас же его хозяином? Достаточно ли иметь силу,

необходимую для того, чтобы прогнать оттуда на некоторое время других людей, чтобы отнять у них право когда-либо вернуться на этот участок? Как может человек или народ завладеть огромною территорией, лишив человеческий род этой территории, иначе, как не в результате наказуемого захвата, поскольку этот акт лишает других людей мест обитания и источников существования, которые природа дает им всем в общее пользование? Когда Нуньес Бальбоа (51), став на берегу, объявил от имени Кастильской короны, что он вступает во владение Южным морем и всей Южной Америкой, было ли этого достаточно, чтобы лишить всех жителей этих стран их владений и преградить доступ в них всем государям мира? Такого рода формальные акты повторялись впоследствии неоднократно и довольно безуспешно; и католический король мог бы сразу завладеть из кабинета всем миром, но ему пришлось бы затем исключить из своих владений все то, чем ранее еще завладели другие государи.

Теперь понятно, каким образом соединенные и смежные земли частных лиц превращаются в территорию, подвластную всему народу, и каким образом право суверенитета, распространяясь с подданных на занимаемые ими участки земли, становится одновременно вещным и личным, что ставит их владельцев в большую зависимость, и самые их силы делает залогом их верности. Монархи древности, видимо, не понимали как следует этого преимущества и, называя себя лишь царями персов, скифов, македонян, считали себя не столько господами стран, сколько повелителями людей. Государи нашего времени именуют себя более хитро королями Франции, Испании, Англии и т. д. Владея таким образом землей, они могут быть вполне уверены в том, что ее обитатели у них в руках. Примечательно в этом отчуждении то, что община, принимая земли частных лиц, вовсе не отбирает у них эти земли, - она лишь обеспечивает этим лицам законное владение ими, превращая захват в подлинное право, а пользование в собственность. Теперь уже владельцы рассматриваются как хранители общего достояния (52), их права признаются всеми членами Государства и защищаются всеми силами этого Государства от чужеземца, и эти частные лица, в результате уступки, выгодной для всего общества, а еще более для них самих, приобретают, так сказать, все то, что отдали: парадокс этот как мы это увидим далее, очень легко объясняется различием прав, которые имеют суверен и собственник на одну и ту же землю.

Может также случиться, что люди начинают объединяться раньше, чем они стали чем-либо обладать, и, захватив затем участок земли, достаточный для всех, пользуются им сообща или разделяют его между собой либо поровну, либо в определенных соотношениях, устанавливаемых сувереном. Каким бы путем ни происходило это приобретение, право, которое каждое частное лицо имеет на свою собственную землю, всегда подчинено тому праву, которое община имеет на все земли, без чего не было бы ни прочности в общественных связях, ни действительной силы в осуществлении суверенитета (53).

Я закончу эту главу и эту книгу замечанием, которое должно служить основой всей системы отношений в обществе. Первоначальное соглашение не только не уничтожает естественное равенство людей, а, напротив, заменяет равенством как личностей и перед законом все то неравенство, которое внесла природа в их физическое естество; и хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву*.

* При дурных Правлениях это равенство лишь кажущееся и обманчивое; оно служит лишь для того чтобы бедняка удерживать в его нищете, а за богачом сохранять все то, что он присвоил. На деле законы всегда приносят пользу имущим и причиняют вред тем, у кого нет ничего: отсюда следует, что общественное состояние выгодно для людей лишь поскольку они все чем-либо обладают и поскольку ни у кого из них нет ничего из лишнего.

КНИГА 2

Глава I. О том, что суверенитет неотчуждаем

Первым и самым важным следствием из установленных выше принципов является то, что одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо. Ибо, если противоположность частных интересов сделала необходимым установление обществ, то именно согласие этих интересов и сделало сие возможным. Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать. Итак, обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом.

Я утверждаю, следовательно, что суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться и что суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля.

В самом деле, если возможно, что воля отдельного человека в некоем пункте согласуется с общей волей, то уж никак не возможно, чтобы это согласие было длительным и постоянным, ибо воля отдельного человека по своей природе стремится к преимуществам, а общая воля - к равенству. Еще менее возможно, чтобы кто-либо поручился за такого рода согласие, хотя такой поручитель и должен был бы всегда существовать; это было бы делом не искусства, а случая. Суверен вполне может заявить: "Сегодня я хочу того же, чего хочет или, по крайней мере, говорит, что хочет, такой-то человек". Но он не может сказать: "Я захочу также и того, чего захочется этому человеку завтра", потому что нелепо, чтобы воля сковывала себя на будущее время и потому что ни от какой воли не зависит соглашаться на что-либо противное благу существа, обладающего волею. Если, таким образом, народ просто обещает повиноваться, то этим актом он себя уничтожает; он перестает быть народом. В тот самый миг, когда появляется господин, - нет более суверена; и с этого времени Политический организм уничтожен. Это вовсе не означает, что приказания правителей не могут считаться изъявлениями общей воли в том случае, когда суверен, будучи свободен противиться им, этого не делает. В подобном случае всеобщее молчание

следует считать знаком согласия народа. Это будет объяснено ниже более пространно*.

* Для того чтобы воля была общею, не всегда необходимо, чтобы она была единодушна; но необходимо, чтобы были подсчитаны все голоса; любое изъятие нарушает общий характер воли.

Глава II. О том, что суверенитет неделим

В силу той же причины, по которой суверенитет неотчуждаем, он неделим, ибо воля либо является общею, либо ею не является; она являет собою волю народа как целого, либо - только одной его части. В первом случае это провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон. Во втором случае - это лишь частная воля или акт магистратуры; это, самое большее, - декрет.

Но наши политики (54), не будучи в состоянии разделить суверенитет в принципе его, разделяют суверенитет в его проявлениях. Они разделяют его на силу и на волю, на власть законодательную и на власть исполнительную; на право облагать налогами, отправлять правосудие, вести войну; на управление внутренними делами и на полномочия вести внешние сношения; они то смешивают все эти части, то отделяют их друг от друга; они делают из суверена какое-то фантастическое существо, сложенное из частей, взятых из разных мест. Это похоже на то, как если бы составили человека из нескольких тел, из которых у одного были бы только глаза, у другого - руки, у третьего - ноги и ничего более. Говорят, японские фокусники на глазах у зрителей рассекают на части ребенка, затем бросают в воздух один за другим все его члены - и ребенок падает на землю вновь живой и целый. Таковы, приблизительно, приемы и наших политиков: расчленив Общественный организм с помощью достойного ярмарки фокуса, они затем, не знаю уже как, вновь собирают его из кусков.

Заблуждение это проистекает из того, что они не составили себе точных представлений о верховной власти и приняли за ее части лишь ее проявления. Так, например, акт объявления войны и акт заключения мира рассматривали как акты суверенитета, что неверно, так как каждый из этих актов вовсе не является законом, а лишь применением закона, актом частного характера, определяющим случай применения закона, как мы это ясно увидим, когда будет точно установлено понятие, связанное со словом законом.

Проследивая таким же образом другие примеры подобного разделения суверенитета, мы обнаружим, что всякий раз когда нам кажется, что мы наблюдаем, как суверенитет разделен, мы совершаем ошибку; что те права, которые мы принимаем за части этого суверенитета, все ему подчинены и всегда предполагают наличие высшей воли, которой они только открывают путь к осуществлению.

Невозможно и выразить, каким туманом облеклись в результате столь неточных представлений о верховной власти выводы авторов, писавших о политическом праве, когда те пытались на основании установленных ими принципов судить о соответствующих правах королей и подданных. Каждый может увидеть в третьей и четвертой главах первой книги Гроция (55), как этот ученый муж и его переводчик Барбейрак путаются и сбиваются в своих софизмах, боясь слишком полно высказать свои мысли или же сказать о них недостаточно и столкнуть интересы, которые они должны были бы примирить. Гроций, бежавший во Францию, недовольный своим отечеством и желая угодить Людовику XIII, которому посвящена его книга, ничего не жалеет, чтобы отнять у народов все их права и сколь возможно искуснее облечь этими правами королей. К этому же, очевидно стремился и Барбейрак, посвятивший свой перевод королю Англии Георгу I (56). Но, к сожалению, изгнание Якова II (57), которое он называет отречением, принуждало его сдерживаться, прибегать к различным передержкам и уверткам, чтобы не выставить Вильгельма узурпатором (58). Если бы оба эти автора следовали истинным принципам, все трудности были бы устранены, и они оставались бы все время последовательными, но тогда они, увы, сказали бы правду и угодили бы этим только народу. Но истина никогда не ведет к богатству и народ не дает ни поста посланника, ни кафедр, ни пенсий.

Глава III. Может ли общая воля заблуждаться

Из предыдущего следует, что общая воля неизменно направлена прямо к одной цели и стремится всегда к пользе общества, но из этого не следует, что решения народа имеют всегда такое же верное направление. Люди всегда стремятся к своему благу, но не всегда видят, в чем оно. Народ не подкупишь, но часто его обманывают и притом лишь тогда, когда кажется, что он желает дурного (60).

Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая - интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц.

Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности*; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля.

* "Каждый интерес, - говорит м[аркиз] д'А[ржансон], - основывается на другом начале. Согласие интересов двух частных лиц возникает вследствие противоположности их интересу третьего" (62). Он мог бы добавить, что согласие всех интересов возникает вследствие противоположности их интересу каждого. Не будь различны интересы, едва ли можно был бы понять, что такое интерес общий, который тогда не встречал бы никакого противодействия; все шло бы само собой и политика не была бы более искусством.

Когда в достаточной мере осведомленный народ выносит решение, то, если граждане не вступают между собою ни в какие сношения, из множества незначительных различий вытекает всегда общая воля и решение всякий раз оказывается правильным. Но когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частичные ассоциации (61), то воля каждой из этих ассоциаций становится общею по отношению к ее членам и частною по отношению к Государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. Различия становятся менее многочисленными и дают менее общий результат. Наконец, когда одна из этих ассоциаций настолько велика, что берет верх над всеми остальными, в результате получится уже не сумма незначительных расхождений, но одно-единственное расхождение. Тогда нет уже больше общей воли, и мнение, которое берет верх, есть уже не что иное, как мнение частное.

Важно, следовательно, дабы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение*; таково было единственное в своем роде и прекрасное устройство, данное великим Ликургом. Если же имеются частичные сообщества, то следует увеличить их число и тем предупредить неравенство между ними, как это сделали Солон, Нума (63), Сервий (64). Единственно эти предосторожности пригодны для того, чтобы просветить общую волю, дабы народ никогда не ошибался.

* "Vera cosa e, - говорит Макиавелли, -che alcune divisioni nucono alle repubbliche, e alcune giovano: che sono dalle sette e da partigiani, si

mantengono. Non potendo adunque provvedere un fondatore d'una repubblicache non siano inimicizie in quella ha da provveder almeno che non vi siano sette" Hist. Florent., lib. VII ("Верно, - говорит Макиавелли, - что некоторые разделения причиняют вред республикам, а некоторые приносят пользу: те, что причиняют вред, связаны с наличием сект и партий; те же, что приносят пользу, существуют без партий, без сект. Следовательно, поскольку основатель республики не может предусмотреть, что в ней не будет проявлений вражды, он должен, по крайней мере, обеспечить, чтобы в ней не было сект". "Ист[ория] Флоренц[ии]", кн. VII (65) (итал.)).

Глава IV. О границах верховной власти суверена

Если Государство или Гражданская община это нечто иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждой частью наиболее удобным для целого способом. Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит, как я сказал, имя суверенитета.

Но, кроме общества как лица юридического, мы должны принимать в соображение и составляющих его частных лиц, чья жизнь и свобода, естественно, от него независимы. Итак, речь идет о том, чтобы четко различать соответственно права граждан и суверена*; а также обязанности, которые первые должны нести в качестве подданных, и естественное право, которым они должны пользоваться как люди.

* Внимательные читатели, не спешите, пожалуйста, обвинять меня здесь в противоречии. Я не мог избежать его в выражениях вследствие бедности языка; но подождите.

Все согласны (66) с тем, что все то, что каждый человек отчуждает по общественному соглашению из своей силы, своего имущества и своей свободы, составляет лишь часть всего того, что имеет существенное значение для общины. С этим все согласны; но надо также согласиться с тем, что один только суверен может судить о том, насколько это значение велико.

Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен, со своей стороны, не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого, ибо как в силу закона разума, так и в силу закона естественного ничто не совершается без причины.

Обязательства, связывающие нас с Общественным организмом, непреложны лишь потому, что они взаимны и природа их такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе. Почему общая воля всегда направлена прямо к одной цели и почему все люди постоянно желают счастья каждого из них, если не потому, что нет никого, кто не относил бы этого слова каждый на свой счет и кто не думал бы о себе, голосуя в интересах всех? Это доказывает, что равенство в правах и порожаемое им представление о справедливости вытекает из предпочтения, которое каждый оказывает самому себе и, следовательно, из самой природы человека; что общая воля, для того, чтобы она была поистине таковой, должна быть общей как по своей цели, так и по своей сущности; что она должна исходить от всех, чтобы относиться ко всем, и что она теряет присущее ей от природы верное направление, если устремлена к какой-либо индивидуальной и строго ограниченной цели, ибо тогда, поскольку мы выносим решение о том, что является для нас посторонним, нами уже не руководит никакой истинный принцип равенства.

В самом деле, как только речь заходит о каком-либо факте или частном праве на что-либо, не предусмотренном общим и предшествующим соглашением, то дело становится спорным. Это - процесс, в котором заинтересованные люди составляют одну из сторон, а весь народ - другую, но в котором я не вижу ни закона, коему надлежит следовать, ни судьи, который должен вынести решение. Смешно было бы тогда ссылаться на особо по этому поводу принятое решение общей воли, которое может представлять собою лишь решение, принятое одной из сторон и которое, следовательно, для другой стороны является только волею постороннею, частною, доведенною в этом случае до несправедливости и подверженной заблуждениям. Поэтому, подобно тому, как частная воля не может представлять волю общую, так и общая воля, в свою очередь, изменяет свою природу, если она направлена к частной цели, и не может, как общая, выносить решение ни в отношении какого-нибудь человека, ни в отношении какого-нибудь факта. Когда народ Афин, например, нарицал или смешал своих правителей, воздавал

почести одному, налагал наказания на другого и посредством множества частных декретов осуществлял все без исключения действия Правительства, народ не имел уже тогда общей воли в собственном смысле этих слов; он действовал уже не как суверен, но как магистрат. Это покажется противным общепринятым представлениям, но дайте мне время изложить мои собственные.

Исходя из этого, надо признать, что волю делает общею не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, ибо при такого рода устройении каждый по необходимости подчиняется условиям, которые он делает обязательными для других: тут замечательно согласуются выгода и справедливость, что придает решениям по делам, касающимся всех, черты равенства, которое тотчас же исчезает при разбирательстве любого частного дела, ввиду отсутствия здесь того общего интереса, который объединил и отождествлял бы правила судьи с правилами тяжущейся стороны. С какой бы стороны мы ни восходили к основному принципу, мы всегда придем к одному и тому же заключению, именно: общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами. Таким образом, по самой природе этого соглашения, всякий акт суверенитета, т. е. всякий подлинный акт общей воли, налагает обязательства на всех граждан или дает преимущества всем в равной мере; так что суверен знает лишь Нацию как целое, и не различает ни одного из тех, кто ее составляет. Что же, собственно, такое акт суверенитета? Это не соглашение высшего с низшим, но соглашение Целого с каждым из его членов; соглашение законное, ибо оно имеет основой Общественный договор; справедливое, ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага; и прочное, так как поручителем за него выступает вся сила общества и высшая власть. До тех пор, пока подданные подчиняются только такого рода соглашениям, они не подчиняются никому, кроме своей собственной воли; и спрашивать, каковы пределы прав соответственно суверена и граждан, это значит спрашивать, до какого предела простираются обязательства, которые эти последние могут брать по отношению к самим себе - каждый в отношении всех и все в отношении каждого из них.

Из этого следует, что верховная власть, какой бы неограниченной, священной, неприкосновенной она ни была, не переступает и не может

переступать границ общих соглашений, и что каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения предоставили из его имущества и его свободы; так что суверен никак не вправе наложить на одного из подданных большее бремя, чем на другого. Ибо тогда спор между ними приобретает частный характер и поэтому власть суверена здесь более не компетентна.

Раз мы допустили эти различия, в высшей степени неверно было бы утверждать, что Общественный договор требует в действительности от частных лиц отказа от чего-либо; положение последних в результате действия этого договора становится на деле более предпочтительным, чем то, в котором они находились ранее, так как они не отчуждают что-либо, но совершают лишь выгодный для них обмен образа жизни неопределенного и подверженного случайности на другой - лучший и более надежный; естественной независимости - на свободу; возможности вредить другим - на собственную безопасность; и своей силы, которую другие могли бы превзойти, на право, которое объединение в обществе делает неодолимым. Сама их жизнь, которую они доверили Государству, постоянно им защищается, и если они рискуют ею во имя его защиты, то разве делают они этим что-либо иное, как не отдают ему то, что от него получили? Что же они делают такого, чего не делали еще чаще и притом с большей опасностью, в естественном состоянии, если, вступая в неизбежные схватки, будут защищать с опасностью для своей жизни то, что служит им для ее сохранения? Верно, что все должны сражаться за самого себя. И разве мы не выигрываем, подвергаясь ради того, что обеспечивает нам безопасность, части того риска, которому нам обязательно пришлось бы подвергнуться ради нас самих, как только мы лишились бы этой безопасности?

Глава V. О праве жизни и смерти

Спрашивают: как частные лица (67), отнюдь не имея прав распоряжаться своею собственной жизнью, могут передавать суверену именно то право, которого у них нет (68). Этот вопрос кажется трудноразрешимым лишь потому, что он неверно поставлен. Всякий человек вправе рисковать своей собственной жизнью, чтобы ее сохранить. Разве когда-либо считали, что тот, кто выбрасывается из окна, чтобы спастись от пожара, виновен в покушении на самоубийство? Разве обвиняют когда-либо в этом преступлении того, кто погибает в бурю, хотя при выходе в море он уже знал об опасности ее приближения?

Общественный договор имеет своей целью сохранение договаривающихся. Кто хочет достичь цели, тот принимает и средства ее достижения, а эти средства неотделимы от некоторого риска, даже связаны с некоторыми потерями. Тот, кто хочет сохранить свою жизнь за счет других, должен, в свою очередь, быть готов отдать за них жизнь, если это будет необходимо. Итак, гражданину уже не приходится судить об опасности, которой Закону угодно его подвергнуть, и когда государь говорит ему: "Государству необходимо, чтобы ты умер", - то он должен умереть, потому что только при этом условии он жил до сих пор в безопасности и потому что его жизнь не только благодеяние природы, но и дар, полученный им на определенных условиях от государства.

Смертная казнь, применяемая к преступникам, может рассматриваться приблизительно с такой же точки зрения: человек, чтобы не стать жертвой убийцы, соглашается умереть в том случае, если сам станет убийцей. Согласно этому договору, далекие от права распоряжаться своей собственной жизнью люди стремятся к тому, чтобы ее обезопасить; и не должно предполагать, что кто-либо из договаривающихся заранее решил дать себя повесить.

Впрочем, всякий преступник, посягающий на законы общественного состояния, становится по причине своих преступлений мятежником и предателем отечества; он перестает быть его членом, если нарушил его законы; и даже он ведет против него войну. Тогда сохранение Государства несовместимо с сохранением его жизни; нужно, чтобы один из двух погиб, а когда убивают виновного, то его уничтожают не столько как гражданина, сколько как врага. Судебная процедура, приговор это доказательство и признание того, что он нарушил общественный договор и, следовательно, не является более членом Государства. Но поскольку он признал себя таковым, по крайней мере своим пребыванием в нем, то он должен быть исключен из государства путем либо изгнания как нарушитель соглашения, либо же путем смертной казни как враг общества. Ибо такой враг - это не условная личность, это - человек; а в таком случае по праву войны побежденного можно убить.

Но, скажут мне, осуждение преступника есть акт частного характера. Согласен: потому право осуждения вовсе не принадлежит суверену; это - право, которое он может передать, не будучи в состоянии осуществлять его сам. Все мои мысли связаны одна с другою, но я не могу изложить их все сразу.

Кроме того, частые казни - это всегда признак слабости или нерадивости Правительства. Нет злодея, которого нельзя было бы сделать на что-нибудь годным. Мы вправе умертвить, даже в назидание другим, лишь того, кого опасно оставлять в живых (69).

Что до права помилования или освобождения виновного от наказания, положенного по Закону и определенного судьей, то оно принадлежит лишь тому, кто стоит выше и судьи и Закона, т. е. суверену; но это его право еще не вполне ясно, да и случаи применения его очень редки. В хорошо управляемом Государстве казней мало не потому, что часто даруют помилование, а потому, что здесь мало преступников; в Государстве, клонящемся к упадку, многочисленность преступлений делает их безнаказанными. В Римской Республике ни Сенат, ни консулы никогда не пытались применять право помилования; не делал этого и народ, хотя он иногда и отменял свои собственные решения. Частые помилования предвещают, что вскоре преступники перестанут в них нуждаться, а всякому ясно, к чему это ведет. Но я чувствую, что сердце мое ропщет и удерживает мое перо; предоставим обсуждение этих вопросов человеку справедливому, который никогда не оступался и сам никогда не нуждался в прощении.

Глава VI. О законе

Общественным соглашением мы дали Политическому организму существование и жизнь; сейчас речь идет о том, чтобы при помощи законодательства сообщить ему движение и наделить волей. Ибо первоначальный акт, посредством которого этот организм образуется и становится единым, не определяет еще ничего из того, что он должен делать, чтобы себя сохранить.

То, что есть благо и что соответствует порядку (70), является таковым по природе вещей и не зависит от соглашений между людьми. Всякая справедливость - от Бога, Он один - ее источник; но если бы мы умели получать ее с такой высоты, мы бы не нуждались ни в правительстве, ни в законах. Несомненно, существует всеобщая справедливость, исходящая лишь от разума, но эта справедливость, чтобы быть принятой нами, должна быть взаимной. Если рассматривать вещи с человеческой точки зрения, то при отсутствии естественной санкции законы справедливости бессильны между людьми; они приносят благо лишь бесчестному и несчастье - праведному, если этот последний соблюдает их в отношениях со всеми, а никто не соблюдает их в своих

отношениях с ним. Необходимы, следовательно, соглашения и законы, чтобы объединить права и обязанности и вернуть справедливость к ее предмету. В естественном состоянии, где все общее, я ничем не обязан тем, кому я ничего не обещал; я признаю чужим лишь то, что мне ненужно. Совсем не так в гражданском состоянии, где все права определены Законом.

Но что же такое, в конце концов, закон? До тех пор, пока люди не перестанут вкладывать в это слово лишь метафизические понятия (71), мы в наших рассуждениях будем, по-прежнему, уж не понимать друг друга; и даже если объяснят нам, что такое закон природы, это еще не значит, что благодаря этому мы лучше поймем, что такое закон Государства.

Я уже сказал, что общая воля не может высказаться по поводу предмета частного. В самом деле, этот частный предмет находится либо в Государстве, либо вне его. Если он вне Государства, то посторонняя ему воля вовсе не является общей по отношению к нему; а если этот предмет находится в Государстве, то он составляет часть Государства: тогда между целыми и частью устанавливается такое отношение, которое превращает их в два отдельных существа; одно это часть, а целое без части - другое. Но целое минус часть вовсе не есть целое; и пока такое отношение существует, нет более целого, а есть две неравные части; из чего следует, что воля одной из них вовсе не является общею по отношению к другой.

Но когда весь народ выносит решение, касающееся всего народа, он рассматривает лишь самого себя, и если тогда образуется отношение, то это отношение целого предмета, рассматриваемого с одной точки зрения, к целому же предмету, рассматриваемому с другой точки зрения, - без какого-либо деления этого целого. Тогда сущность того, о чем выносится решение, имеет общий характер так же, как и воля, выносящая это решение. Этот именно акт я и называю законом.

Когда я говорю, что предмет законов всегда имеет общий характер, я разумею под этим, что Закон рассматривает подданных как целое, а действия как отвлечение, но никогда не рассматривает человека как индивидуум или отдельный поступок. Таким образом, Закон вполне может установить, что будут существовать привилегии, но он не может предоставить таковые никакому определенному лицу; Закон может создать несколько классов граждан, может даже установить те качества, которые дадут право принадлежать к каждому из этих классов; но он не может конкретно указать, что такие-то и такие-то лица будут включены в

тот или иной из этих классов; он может установить королевское Правление и сделать корону наследственной; но он не может ни избирать короля, ни провозглашать какую-либо семью царствующей, - словом, всякое действие, объект которого носит индивидуальный характер, не относится к законодательной власти.

Уяснив себе это, мы сразу же поймем, что теперь излишне спрашивать о том, кому надлежит создавать законы, ибо они суть акты общей воли; и о том, стоит ли государь выше законов, ибо он член Государства; и о том, может ли Закон быть несправедливым, ибо никто не бывает несправедлив по отношению к самому себе; и о том, как можно быть свободным и подчиняться законам, ибо они суть лишь записи изъявлений нашей воли.

И еще из этого видно, что раз в Законе должны сочетаться всеобщий характер воли и таковой же ее предмета, то все распоряжения, которые самовластно делает какой-либо частный человек, кем бы он ни был, никоим образом законами не являются. Даже то, что приказывает суверен по частному поводу, - это тоже не закон, а декрет; и не акт суверенитета, а акт магистратуры.

Таким образом, я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов (72), каков бы ни был при этом образ управления им; ибо только тогда интерес общий правит Государством и общее благо означает нечто. Всякое Правление* посредством законов, есть республиканское: что такое Правление, я разъясню ниже.

* Под этим словом я разумею не только Аристократию или Демократии, но вообще всякое Правление, руководимое общей волей, каковая есть Закон. Чтобы Правительство было законосообразным, надо, чтобы оно не смешивало себя с сувереном, но чтобы оно было его служителем: тогда даже Монархия есть Республика. Это станет ясным из следующей книги.

Законы, собственно - это лишь условия гражданской ассоциации. Народ, повинующийся законам, должен быть их творцом: лишь тем, кто вступает в ассоциацию, положено определять условия общежития. Но как они их определяют? Сделают это с общего согласия, следуя внезапному вдохновению? Есть ли у Политического организма орган для выражения его воли? Кто сообщит ему предусмотрительность, необходимую, чтобы проявления его воли превратить в акты и заранее их обнародовать? Как иначе провозгласит он их в нужный момент? Как может слепая толпа,

которая часто не знает, чего она хочет, ибо она редко знает, что ей на пользу, сама совершить столь великое и столь трудное дело, как создание системы законов? Сам по себе народ всегда хочет блага, но сам он не всегда видит, в чем оно. Общая воля всегда направлена верно и прямо, но решение, которое ею руководит, не всегда бывает просвещенным. Ей следует показать вещи такими, какие они есть, иногда такими, какими они должны ей представляться; надо показать ей тот верный путь, который она ищет; оградить от сводящей ее с этого пути воли частных лиц; раскрыть перед ней связь стран и эпох; уравновесить привлекательность близких и ощутимых выгод опасностью отдаленных и скрытых бед. Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведает в чем оно. Все в равной мере нуждаются в поводырях. Надо обязать первых согласовать свою волю с их разумом; надо научить второй знать то, чего он хочет. Тогда результатом просвещения народа явится союз разума и воли в Общественном организме; отсюда возникает точное взаимодействие частей и, в завершение всего, наибольшая сила целого. Вот что порождает нужду в Законодателе.

Глава VII. О законодателе

Для того чтобы открыть наилучшие правила общежития, подобающие народам, нужен ум высокий, который видел бы все страсти людей и не испытывал ни одной из них; который не имел бы ничего общего с нашею природой, но знал ее в совершенстве; чье счастье не зависело бы от нас, но кто согласился бы все же заняться нашим счастьем; наконец, такой, который, уготовляя себе славу в отдаленном будущем, готов был бы трудиться в одном веке, а пожинать плоды в другом*. Потребовались бы Боги, чтобы дать законы людям.

* Народ становится знаменитым лишь когда его законодательство начинает клониться к упадку. Неизвестно, в течение скольких веков устройство, данное Ликургом, составляло счастье спартанцев, прежде чем о них заговорили в других частях Греции.

Тот же вывод, который делал Калигула применительно к фактам, Платон возводил в принцип для определения свойств человека, призванного к гражданской деятельности или к тому, чтобы стать царем, принцип, поисками которого он занят в своей книге о Правлении (73). Но если верно, что великие государи встречаются редко, то что же тогда говорить о великом Законодателе? Первому надлежит лишь следовать

тому образцу, который должен предложить второй. Этот - механик, который изобретает машину; тот лишь рабочий, который ее собирает и пускает вход. При рождении обществ, - говорит Монтескье, сначала правители Республик создают установления, а затем уже установления создают правителей Республик (74).

Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие; переиначить организм человека, дабы его укрепить; должен поставить наместо физического и самостоятельного существования, которое нам всем дано природой, существование частичное и моральное. Одним словом, нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других. Чем больше эти естественные силы иссякают и уничтожаются, а силы, вновь приобретенные, возрастают и укрепляются, тем более прочным и совершенным становится также и первоначальное устройство; так что, если каждый гражданин ничего собою не представляет и ничего не может сделать без всех остальных, а сила, приобретенная целым, равна сумме естественных сил всех индивидуумов или превышает эту сумму, то можно сказать, что законы достигли той самой высокой степени совершенства, какая только им доступна.

Законодатель - во всех отношениях человек необыкновенный в Государстве. Если он должен быть таковым по своим дарованиям, то не в меньшей мере должен он быть таковым по своей роли. Это - не магистратура; это - не суверенитет. Эта роль учредителя Республики совершенно не входит в ее учреждение. Это должность особая и высшая, не имеющая ничего общего с властью человеческой. Ибо если тот, кто повелевает людьми, не должен властвовать над законами, то и тот, кто властвует над законами, также не должен повелевать людьми. Иначе его законы, орудия его страстей, часто лишь увековечивали бы совершенные им несправедливости; он никогда не мог бы избежать того, чтобы частные интересы не искажали святости его создания.

Когда Ликург давал законы своему отечеству, он начал с того, что отрекся от царской власти (75). В большинстве греческих городов существовал обычай поручать составление законов чужестранцам. Этому

обычаю часто подражали итальянские Республики нового времени; также поступила Женевская Республика, и она не может пожаловаться на результаты*. Рим в пору своего наибольшего расцвета увидел, как возродились в его недрах все преступления тирании, и видел себя уже на краю гибели, потому что соединил в головах одних и тех же людей знаки достоинства законодателя и власти царя.

* Те, кто смотрят на Кальвина лишь как на богослова (77), не понимают, по-видимому, всей широты его гения. Составление наших мудрых Эдиктов, в котором он принимал немалое участие, делает ему столько же чести, как и его "Наставление" (78). Какие бы перевороты ни произошли со временем в нашей вере, - до тех пор пока не угаснет среди нас любовь к отечеству и свободе, в нашей стране никогда не перестанут благословлять память этого великого человека.

Между тем даже Децемвиры никогда не присваивали себе (76) права вводить какой-либо закон своею собственною властью. "Ничто из того, что мы вам предлагаем, - говорили они народу, - не может превратиться в закон без вашего согласия. Римляне, будьте сами творцами законов, которые должны составить ваше счастье".

Вот почему тот, кто составляет законы, не имеет, следовательно, или не должен иметь какой-либо власти их вводить; народ же не может, даже при желании, лишиться себя этого непередаваемого права, ибо согласно первоначальному соглашению, только общая воля налагает обязательства на частных лиц, и никогда нельзя быть уверенным в том, что воля какого-либо частного лица согласна с общею, пока она не станет предметом свободного голосования народа. Я уже это говорил, но не бесполезно это еще раз повторить.

Итак, мы обнаруживаем в деле создания законов одновременно две вещи, которые, казалось бы, исключают одна другую: предприятие, повышающее человеческие силы, и, для осуществления его, - власть, которая сама по себе ничего не значит.

И вот еще одна трудность, заслуживающая внимания. Мудрецы, которые хотят говорить с простым народом своим, а не его языком, никогда не смогут стать ему понятными. Однако есть множество разного рода понятий, которые невозможно перевести на язык народа. Очень широкие планы и слишком далекие предметы равно ему недоступны, поскольку каждому индивидууму по вкусу лишь такая цель управления, которая отвечает его частным интересам, он плохо представляет себе те

преимущества, которые извлечет из постоянных лишений, налагаемых на него благими законами. Для того чтобы рождающийся народ мог одобрить здравые положения политики и следовать основным правилам пользы государственной, необходимо, чтобы следствие могло превратиться в причину, чтобы дух общежительности, который должен быть результатом первоначального устройства, руководил им, и чтобы люди до появления законов были тем, чем они должны стать благодаря этим законам. Так, Законодатель, не имея возможности воспользоваться ни силою, ни доводами, основанными на рассуждении, по необходимости прибегает к власти иного рода, которая может увлекать за собою, не прибегая к насилию, и склонять на свою сторону, не прибегая к убеждению.

Вот что во все времена вынуждало отцов наций призывать к себе на помощь небо и наделять своею собственной мудростью богов, дабы народы, покорные законам Государства как законам природы и усматривая одну и ту же силу в сотворении человека и в создании Гражданской общины, повиновались по своей воле и покорно несли бремя общественного благоденствия.

Решения этого высшего разума, недоступного простым людям, Законодатель и вкладывает в уста бессмертных, чтобы увлечь божественною властью тех, кого не смогло бы поколебать в их упорстве человеческое благоразумие*.

* "E veramente, - говорит Макиавелли, - mai non fu alcuno ordinatore di leggi straordinarie in un popolo, che non ricorresse a Dio, perche altrimenti non sarebbero accetate; perche sono molti beni conosciuti da uno prudente, i quali non hanno in se radgioni da potergli persuadere ad altrui" - Discorsi sopra Tito Livio, L. I. cap. XI. "В самом деле, не было ни одного учредителя чрезвычайных законов какого-либо народа, который бы не прибегнул к Богу, так как иначе они не были бы приняты; есть много благ, которые хорошо понятны мудрецам, но сами по себе недостаточно очевидны, чтобы можно было убедить в них других людей". - "Рассуждение на первую декаду Тита Ливия", кн. I, гл. XI (итал.).

Но не всякому человеку пристало возвестить глас богов и не всякому поверят, если он объявит себя истолкователем их воли. Великая душа Законодателя - это подлинное чудо (79), которое должно оправдать его призвание. Любой человек может высечь таблицы на камне или приобрести треножник для предсказаний; или сделать вид, что вступил в

тайные сношения с каким-нибудь божеством; или выучить птицу, чтобы она вещала ему что-либо на ухо; или найти другие грубые способы обманывать народ. Тому, кто умеет делать лишь это, пожалуй, удастся собрать толпу безумцев; но ему никогда не основать царства, и его нелепое, создание вскоре погибнет вместе с ним. Пустые фокусы создают скоропреходящую связь, лишь мудрость делает ее долговременной. Все еще действующий иудейский закон и закон потомка Исмаила (80), что вот уже десять веков управляет половиною мира, донныне возвещают о великих людях, которые их продиктовали, и в то же время как горделивая философия или слепой сектантский дух видят в них лишь удачливых обманщиков (81), истинного политика восхищает в их установлениях тот великий и могучий гений, который дает жизнь долговечным творениям.

Не следует, однако, заключать из всего этого вместе с Уорбертоном (82), что предмет политики и религии в наше время один и тот же; но что при становлении народов одна служит орудием другой (83).

Глава VIII. О народе

Подобно архитектору, который, прежде чем воздвигнуть большое здание, обследует и изучает почву, чтобы узнать, сможет ли она выдержать его тяжесть, мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытует предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать. Вот почему Платон отказался дать законы жителям Аркадии (84) и Киренаики (85), зная, что оба эти народа богаты и не потерпят равенства. Вот почему на Крите были хорошие законы и дурные люди, ибо Минос взялся устанавливать порядок (86) в народе, исполненном пороков.

Блистали на земле тысячи таких народов, которые никогда не вынесли бы благих законов; народы же, которые способны были к этому, имели на то лишь весьма краткий период времени во всей своей истории. Большинство народов как и людей, восприимчивы лишь в молодости; старея, они становятся неисправимыми. Когда обычаи уже установились и предрассудки укоренились, опасно и бесполезно было бы пытаться их преобразовать; народ даже не терпит, когда касаются его недугов, желая их излечить, подобно тем глупым и малодушным больным, которые дрожат при виде врача.

Это не значит, что подобно некоторым болезням, которые все переворачивают в головах людей и отнимают у них память о прошлом, и в истории Государств не бывает бурных времен, когда перевороты

действуют на народы так же, как некоторые кризисы на индивидуумов; когда на смену забвению приходит ужас перед прошлым и когда Государство, пожираемое пламенем гражданских войн, так сказать, возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости, освобождаясь из рук смерти. Так было со Спартой во времена Ликурга, с Римом после Тарквиниев, так было в наши времена в Голландии и в Швейцарии после изгнания тиранов (87).

Но такие события редки: это - исключения, причина которых всегда лежит в особой природе такого Государства. Они даже не могли бы повториться дважды в жизни одного и того же народа; ибо он может сделаться свободным тогда, когда находится в состоянии варварства, но более на это неспособен, когда движитель гражданский износился (88). Тогда смуты могут такой народ уничтожить, переворотам же более его не возродить; и как только разбиты его оковы, он и сам распадается и уже больше не существует как народ. Отныне ему требуется уже повелитель, а никак не освободитель. Свободные народы, помните правило: "Можно завоевать свободу, но нельзя обрести ее вновь".

Юность - не детство (89). У народов, как и людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков. Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества (90). Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством. Российская империя пожелает покорить Европу - и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи,

станут ее, как и нашими повелителями (91). Переворот этот кажется мне неизбежным. Все короли Европы сообща способствуют его приближению.

Глава IX. Продолжение

Подобно тому, как природа установила границы роста для хорошо сложенного человека, за пределами которых она создает уже лишь великанов или карликов, так и для наилучшего устройства Государства есть свои границы протяженности, которою оно может обладать и не быть при том ни слишком велико, чтобы им можно было хорошо управлять, ни слишком мало, чтобы оно было в состоянии поддерживать свое существование собственными силами (92). Для всякого Политического организма есть свой максимум силы, который он не может превышать и от которого он, увеличиваясь в размерах, часто отдаляется. Чем более растягивается связь общественная, тем более она слабеет; и вообще Государство малое относительно сильнее большого.

Тысячи доводов подтверждают это правило. Во-первых, управление становится более затруднительным при больших расстояниях, подобно тому, как груз становится более тяжелым на конце большего рычага. Управление становится также более обременительным по мере того, как умножаются его ступени. Ибо в каждом городе есть прежде всего свое управление, которое оплачивается народом; в каждом округе свое, также оплачиваемое народом; то же - и каждой провинции; затем идут крупные губернаторства, наместничества и вице-королевства, содержание которых обходится все дороже по мере того, как мы поднимаемся выше, и притом все это за счет того же несчастного народа, наконец, наступает черед высшего управления, которое пожирает все. Такие неумеренные поборы постоянно истощают подданных: они не только не управляются лучше всеми этими различными органами управления, они управляются хуже, чем если бы над ними был только один его орган. И уже почти не остается средств для чрезвычайных случаев, а когда приходится прибегать к этим средствам, Государство всегда оказывается на грани разорения.

Это еще не все: у Правительства оказывается не только меньше силы и быстроты действий, чтобы заставить соблюдать законы, не допускать притеснений, карать злоупотребления, предупреждать мятежи, которые могут вспыхнуть в отдаленных местах; но и народ уже в меньшей мере может испытывать привязанность к своим правителям, которых он никогда не видит; к отечеству, которое в его глазах столь же необъятно, как весь мир, и к согражданам своим, большинство из которых для него

чужие люди. Одни и те же законы не могут быть пригодны для стольких разных провинций, в которых различные нравы, совершенно противоположные климатические условия и которые поэтому не допускают одной и той же формы правления. Различные законы порождают лишь смуты и неурядицы среди подданных: живя под властью одних и тех же правителей и в постоянном между собою общении, они переходят с места на место или вступают в браки с другими людьми, которые подчиняются уже другим обычаям, а в результате подданные никогда не знают, действительно ли им принадлежит их достояние. Таланты зарыты, добродетели неведомы, по роки безнаказанны среди этого множества людей, незнакомых друг другу, которых место нахождения высшего управления сосредотачивает в одном месте. Правители, обремененные делами, ничего не видят собственными глазами. Государством управляют чиновники. И вот уже необходимы особые меры для поддержания авторитета центральной власти, потому что столько ее представителей в отдаленных местах стремятся либо выйти из подчинения ей, либо ее обмануть; эти меры поглощают все заботы общества; уже нет сил заботиться о счастье народа; их едва хватает для защиты его в случае нужды; так организм, ставший непомерно большим, разлагается и погибает, раздавленный своею собственной тяжестью.

С другой стороны, Государство, чтобы обладать прочностью, должно создать для себя надежное основание, дабы оно успешно противостояло тем потрясениям, которые ему обязательно придется испытать, и выдержать те усилия, которые неизбежно потребуются для поддержания его существования. Ибо у всех народов есть некоторая центробежная сила, под влиянием которой они постоянно действуют друг против друга и стремятся увеличить свою территорию за счет соседей, как вихри Декарта. Таким образом слабые рискуют быть в скором времени поглощены, и едва ли кто-либо может уже сохраниться иначе, как приведя себя в некоторого рода равновесие со всеми, что сделало бы давление повсюду приблизительно одинаковым.

Из этого видно, что есть причины, заставляющие Государство расширяться, и причины, заставляющие его сжиматься; и талант политика не в последнюю очередь выражается в том, чтобы найти между теми и другими такое соотношение, которое было бы наиболее выгодным для сохранения Государства. Можно сказать, вообще, что первые причины, будучи лишь внешними и относительными, должны быть подчинены вторым, которые суть внутренние и абсолютные. Здоровое и

прочное устройство - это первое, к чему следует стремиться; и должно больше рассчитывать на силу, порождаемую хорошим образом правления, нежели на средства, даваемые большой территорией.

Впрочем известны Государства, устроенные таким образом, что необходимость завоеваний была заложена уже в самом их устройстве: чтобы поддержать свое существование, они должны были непрестанно увеличиваться. Возможно, они и радовались немало этой счастливой необходимости, но она предсказывала им, однако, наряду с пределом их величины и срок неизбежного их падения (93).

Глава X. Продолжение

Политический организм можно измерять двумя способами, именно: протяженностью территории и численностью населения; и между первым и вторым из этих измерений существует соотношение, позволяющее определить для Государства подобающие ему размеры. Государство составляют люди, а людей кормит земля. Таким образом, отношение это должно быть таким, чтобы земли было достаточно для пропитания жителей Государства, а их должно быть столько, сколько земля может прокормить. Именно такое соотношение создает максимум силы данного количества населения. Ибо если земли слишком много, то охрана ее тягостна, обработка - недостаточна, продуктов - избыток; в этом причина будущих оборонительных войн. Если же земли недостаточно, то Государство, дабы сие восполнить, оказывается в полнейшей зависимости от своих соседей; в этом причина будущих наступательных войн. Всякий народ, который по своему положению может выбирать лишь между торговлей и войною, сам по себе - слабый народ; он зависит от соседей, он зависит от событий; его существование необеспеченно и кратковременно. Он покоряет - и меняет свое положение, или же покоряется - и превращается в ничто. Он может сохранить свободу лишь благодаря незначительности своей или величю своему.

Нельзя выразить в числах постоянное отношение между протяженностью земли и числом людей, достаточным для ее заселения; это невозможно сделать как по причине различий в качествах почвы, степени ее плодородия, в свойствах производимых ею продуктов, во влиянии климатических условий, так и вследствие различий, которые представляет организм людей, населяющих эту землю, из которых одни потребляют мало в плодородном краю, а другие - много на неблагоприятной земле. Следует еще принять в расчет большую или меньшую плодovitость

женщин; то, что в стране могут быть более или менее благоприятные условия для заселения, чему Законодатель может надеяться способствовать своими установлениями; но для того он должен основывать свои суждения не на том, что он видит, а на том, что предвидит, и должен исходить не столько из настоящего состояния населенности, сколько из того, каких размеров она должна естественным образом достигнуть. Наконец, в тысячах случаев особые условия местности требуют или позволяют, чтобы люди занимали больше места, чем это кажется необходимым. Так, следует расселяться реже в гористой стране, где естественные уголья, именно: леса, пастбища, требуют меньшей затраты труда; где, как показывает опыт, женщины плодотворнее, чем на равнинах, и где большая поверхность склонов оставляет для обработки лишь малую горизонтальную площадь, которая одна только и может приниматься в расчет, когда речь идет об использовании плодотворной земли. Напротив, можно селиться гуще вблизи берега моря, даже среди почти бесплодных скал и песков, потому что рыболовство может в значительной степени дополнить здесь то, что приносит земля, потому что люди здесь должны быть более сплоченными для отпора пиратам; потому что, кроме всего прочего, такую страну легче освободить от избыточного населения, создавая колонии.

Для того чтобы дать установления народу, к этим условиям следует добавить еще одно, которое, однако, не может вменить никакое другое, но без которого все другие условия бесполезны: народ должен пользоваться благами изобилия и мира. Ибо время, когда складывается Государство, подобно времени, когда строится батальон, - это момент, когда организм менее всего способен к сопротивлению и когда его легче всего уничтожить. Можно успешнее сопротивляться во время полного беспорядка, чем в момент брожения, когда каждый поглощен своим положением, а не общей опасностью. Пусть только война, голод или мятеж возникнут в этот критический момент, и Государство неминуемо падет.

Это не значит, что многие Правительства не возникали именно во время таких бурь; но тогда эти-то Правительства и разрушают государство. Узурпаторы всегда вызывают ли выбирают такие смутные времена, чтобы провести, пользуясь охватившим все общество страхом, разрушительные законы, которых народ никогда не принял бы в спокойном состоянии. Выбор момента для первоначального устройства -

это один из самых несомненных признаков, по которым можно отличить творение Законодателя от дела тирана.

Какой же народ способен к восприятию законов? Тот, который будучи уже объединен в каком-либо союзе происхождением, выгодой или соглашением, вообще еще не знала на себе подлинного ярма законов; у которого нет ни глубоко укоренившихся обычаев, ни глубоко укоренившихся предрассудков; который не боится подвергнуться внезапному нашествию; который, не вмешиваясь в споры своих соседей, может один противостоять каждому из них или воспользоваться помощью одного, чтобы отразить другого; тот народ, каждый член которого может быть известен всем и которому нет нужды возлагать на человека большее бремя, нежели то, какое он в состоянии нести; тот, который может обойтись без других народов и без которого может обойтись всякий другой народ*; тот, который не богат и не беден и может обойтись собственными средствами (94); наконец, тот, который сочетает устойчивость народа древнего с восприимчивостью народа молодого. Трудность создания законов определяется не столько тем, что нужно устанавливать, сколько тем, что необходимо разрушать. Причина же столь редкого успеха в этом деле - невозможность сочетать естественную простоту с потребностями общежития. Все эти условия, правда, трудно соединимы. Потому-то мы и видим так мало правильно устроенных Государств.

Есть еще в Европе страна, способная к восприятию законов: это остров Корсика. Мужеством и стойкостью, с каким этот славный народ вернул и отстоял свою свободу (95), он, безусловно, заслужил, чтобы какой-нибудь мудрый муж научил его, как ее сохранить. У меня есть смутное предчувствие, что когда-нибудь этот островок еще удивит Европу (96).

* Если бы из двух соседних народов один не мог обойтись без другого, то создалось бы положение очень тяжелое для одного и очень опасное для другого. Всякий мудрый народ в подобном случае постарается поскорее освободить другой от этой зависимости. Тласкаланская республика (97), лежащая внутри Мексиканской империи, предпочла обходиться без соли, чем покупать ее у мексиканцев или даже согласиться брать ее даром. Мудрые тласкаланцы увидели ловушку, скрытую под такой щедростью. Они сохранили свободу; и это малое

Государство, заключенное внутри огромной империи, явилось а конце концов орудием ее гибели.

Глава XI. О различных системах законодательств

Если попытаться определить, в чем именно состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: свободе и равенству. К свободе - поскольку всякая зависимость от частного лица настолько же уменьшает силу Государства; к равенству, потому что свобода не может существовать без него.

Я уже сказал, что такое свобода гражданская. Что касается до равенства, то под этим словом не следует понимать, что все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере; но, что касается до власти, - она должна быть такой, чтобы она не могла превратиться ни в какое насилие и всегда должна осуществляться по праву положения в обществе и в силу законов; а, что до богатства, - ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать:* это предполагает в том, что касается до знатных и богатых, ограничение размеров их имущества и влияния, что же касается до людей малых - умерение скаредности и алчности.

* Вы хотите сообщить Государству прочность? Тогда сблизьте крайние ступени, насколько то возможно; не терпите ни богачей, ни нищих. Эти два состояния, по самой природе своей неотделимы одно от другого, равно губительны для общего блага; из одного выходят пособники тирании, а из другого - тираны. Между ними и идет торг свободой народною, одни ее покупают, другие - продают.

Говорят, что такое равенство - химера, плод мудрствования, не могущие осуществиться на практике. Но если зло неизбежно, то разве из этого следует, что его не надо, по меньшей мере, ограничивать. Именно потому, что сила вещей всегда стремится уничтожить равенство, сила законов всегда и должна стремиться сохранять его.

Но эти общие цели всякого хорошего первоустройства должны видоизменяться в каждой стране в зависимости от тех отношений, которые порождаются как местными условиями, так и отличительными особенностями жителей; и на основе этих именно отношений и следует

определять каждому народу особую систему первоначальных установлений, которая должна быть лучшей, пусть, быть может, не сама по себе, но для того Государства, для которого она предназначена. Если, к примеру, почва неблагоприятна и бесплодна или земли слишком мало для жителей данной страны? Обратитесь тогда к промышленности и ремеслам, произведения которых вы будете обменивать на съестные припасы, которых вам недостает. Если же, напротив, вы занимаете богатые равнины и плодородные склоны? если выживете на хорошей земле, и у вас недостает населения? Тогда посвятите все ваши заботы земледелию, что умножает число людей, и изгоните ремесла, которые окончательно лишили бы край населения, сосредоточив в нескольких пунктах территории то небольшое число жителей, которое там есть*. Если вы занимаете протяженные и удобные берега? Тогда пустите в море корабли, развивайте торговлю и мореходство; это будет краткое, но блестящее существование. Если море омывает у ваших берегов лишь почти неприступные скалы? Тогда оставайтесь варварами и питайтесь рыбой; так вы будете жить спокойнее, лучше, быть может, и, уж наверное, счастливее. Словом, кроме правил, общих для всех, каждый народ в себе самом заключает некое начало, которое располагает их особым образом и делает его законы пригодными для него одного. Так, некогда, для древних евреев, а недавно для арабов, главным была религия, для афинян - литература, для Карфагена и Тира торговля, Родоса - мореходство, Спарты - война, а для Рима - добродетель (98). Автор "Духа Законов" показал на множестве примеров, каким путем Законодатель направляет первоустройство страны к каждой из этих целей. Устройство Государства становится воистину прочным и долговечным, когда сложившиеся в нем обычаи соблюдаются настолько, что естественные отношения и зако

ны всегда совпадают в одних и тех же пунктах, и последние, так сказать, лишь укрепляют, сопровождают, выправляют первые. Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей; если один из принципов ведет к порабощению, а другой - к свободе; один - к накоплению богатств, другой - к увеличению населения; один - к миру, другой - к завоеваниям, - тогда законы незаметно потеряют свою силу, внутреннее устройство испортится, и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права.

* "Любая из отраслей внешней торговли, - говорит м[аркиз] д'А[ржансон], - несет с собою лишь мнимую выгоду для королевства в целом; она может обогатить только нескольких частных лиц, даже несколько городов, но вся нация от этого ничего не выигрывает, и положение народа от этого не улучшается (99).

Глава XII. Разделение законов

Чтобы упорядочить целое, или придать наилучшую форму государству, следует принять во внимание различные отношения. Во-первых, действие всего Организма на самого себя, т. е. отношение целого к целому, или суверена к Государству. А это отношение складывается из отношения промежуточных членов, как мы увидим ниже. Законы, управляющие этими отношениями, носят название политических законов (100) и именуются также основными законами - не без известных причин, если это законы мудрые. Ибо если в каждом Государстве существует лишь один правильный способ дать ему хорошее устройство, то народ, нашедший этот способ, должен его держаться. Но если установленный строй плох, то зачем принимать за основные те законы, которые не дают ему быть хорошим? Впрочем, при любом положении дел народ всегда властен изменить свои законы, даже наилучшие; ибо если ему угодно причинить зло самому себе, то кто же вправе помешать ему в этом?

Второе отношение - это отношение членов между собою или же ко всему Организму. Оно должно быть в первом случае столь возможно малым, а во втором - столь возможно большим, дабы каждый гражданин был совершенно независим от всех других и полностью зависим от Гражданской общины, что достигается всегда с помощью одних и тех же средств; ибо лишь сила Государства дает свободу его членам. Из этого-то второго отношения и возникают гражданские законы.

Можно рассмотреть и третий вид отношений между человеком и Законом, именно: между послушанием и наказанием. А это отношение ведет к установлению уголовных законов, которые в сущности не столько представляют собой особый вид законов, сколько придают силу другим законам.

К этим трем родам законов добавляется четвертый, наиболее важный из всех; эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства;

они изо дня в день приобретают новые силы; когда другие законы стареют или слабеют, они возвращают их к жизни или восполняют их, сохраняют народу дух его первых установлений и незаметно заменяют силою привычки силу власти. Я разумею нравы, обычаи и, особенно, мнение общественное. Это область неведома нашим политикам, но от нее зависит успех всего остального; в этой области великий Законодатель трудится незаметно - тогда, когда кажется, что он вводит лишь преобразования частного характера, - но это лишь дуга свода, неколебимый замочный камень которого в конце концов образуют гораздо медленнее складывающиеся нравы. Из этих различных разрядов политические законы, составляющие форму Правления, есть единственный род законов, который относится к моей теме.

КНИГА 3

Прежде чем говорить о различных формах Правления, попытаемся установить точный смысл этого слова, который до сих пор не был достаточно разъяснен. (101)

Глава I. О правительстве вообще

Я предупреждаю читателя, что эту главу должно читать не торопясь, со вниманием и что я не владею искусством быть ясным для того, кто не хочет быть внимательным.

Всякое свободное действие имеет две причины, которые сообща его производят: одна из них - моральная, именно: воля, определяющая акт, другая - физическая, именно: сила, его исполняющая. Когда я иду по направлению к какому-нибудь предмету, то нужно, во-первых, чтобы я хотел туда пойти, во-вторых, чтобы ноги мои меня туда доставили. Пусть паралитик захочет бежать, пусть не захочет того человек проворный - оба они останутся на месте. У Политического организма - те же движители; в нем также различают силу и волю: эту последнюю под названием законодательной власти, первую под названием власти исполнительной. Ничто в нем не делается или не должно делаться без их участия.

Мы видели, что законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Легко можно увидеть, исходя из принципов, установленных выше, что исполнительная власть, напротив, не может принадлежать всей массе народа как законодательнице или суверену, так как эта власть выражается лишь в актах частного характера, который вообще не относится к области Закона, ни, следовательно, к компетенции суверена, все акты которого только и могут быть, что законами.

Сила народа нуждается, следовательно, для себя в таком доверенном лице, которое собирало бы ее и приводило в действие согласно указаниям общей воли, которое служило бы для связи между Государством и сувереном, и некоторым образом осуществляло в обществе как коллективной личности то же, что производит в человеке единение души и тела (102). Вот каков в Государстве смысл Правительства, так неудачно смешиваемого с сувереном, коего оно является лишь служителем.

Что же такое Правительство? Посредствующий организм, установленный для сношений между подданными сувереном,

уполномоченный приводить в исполнение законы и поддерживать свободу как гражданскую, так и политическую.

Члены этого организма именуются магистратами или "королями", т. е. правителями; а весь организм носит название "государя"* . Таким образом совершенно правы те, кто утверждают, что акт, посредством которого народ подчиняет себя правителям, это вовсе не договор. Это, безусловно, не более как поручение, должность; исполняя это поручение, они, простые чиновники суверена, осуществляют его именем власть, блюстителями которых он их сделал, власть, которую он может ограничивать, видоизменять и отбирать, когда ему будет угодно; ибо отчуждение такого права несовместимо с природой Общественного организма и противно цели ассоциации.

* Потому то в Венеции коллегия именуется "светлейший государь" (104), даже когда дож в ней не присутствует.

Итак, я называю "правительством" или верховным управлением осуществление исполнительной власти согласно законам, а государем или магистратом человека или корпус, на которые возложено это управление.

Именно в Правительстве заключены те посредствующие силы, соотношение которых и определяет отношение целого к целому, или суверена к Государству. Это последнее можно представить в виде отношения крайних членов непрерывной пропорции, среднее пропорциональное которой - Правительство (103). Правительство получает от суверена приказания, которые оно отдает народу, и, дабы Государство находилось в устойчивом равновесии, нужно, чтобы, по приведении, получилось равенство между одним произведением, или властью Правительства как такового, и другим произведением, или властью граждан, которые являются суверенными, с одной стороны, и подданными - с другой. Более того, невозможно изменить ни один из трех членов, не нарушив сразу же пропорции. Если суверен захочет управлять или магистрат давать законы, или если подданные откажутся повиноваться, тогда на смену порядку приходит беспорядок, сила и воля перестают действовать согласно, и распавшееся Государство делается, таким образом, добычей деспотизма или анархии. Наконец, подобно тому как в каждом отношении есть только одно среднее пропорциональное, так и в Государстве возможен лишь один лучший для него род Правления. Но так как множество событий могут изменить те отношения, в которых выступает народ, то различные виды Правления могут быть

хорошие не только для различных народов, но и для одного и того же народа в различные времена. Чтобы попытаться дать представление о различных отношениях, которые могут господствовать между этими двумя крайними, я возьму для примера численность народа как отношение, которое легче выразить. Предположим, что Государство состоит из десяти тысяч граждан. Суверен может рассматриваться лишь как понятие собирательное и как нечто целое; но каждый отдельный человек в качестве подданного рассматривается как индивидуум. Таким образом, суверен относится к подданному, как десять тысяч к единице, т. е. каждый член Государства обладает лишь одной десятитысячной частью верховной власти суверена, хотя он и подчинен ей полностью. Пусть народ состоит из ста ты

сяч человек; положение подданных не изменяется, и каждый из них в равной мере испытывает всю силу законов, тогда как его голос, сведенный к одной стотысячной, имеет в десять раз меньше влияния на то, как эти законы будут составлены. В таком случае, хотя подданный все время представляет собою единицу, отношение суверена к гражданину увеличивается пропорционально увеличению числа граждан. Отсюда следует, что чем больше растет Государство, тем больше сокращается свобода.

Когда я говорю, что отношение увеличивается, я разумею под этим, что оно удаляется от равенства. Таким образом, чем отношение больше в понимании геометров (105), тем меньше отношение в обычном понимании; в первом случае отношение, рассматриваемое с точки зрения количества, измеряется его частным; во втором, - рассматриваемые с точки зрения тождества, отношения оцениваются подобием.

Итак, чем менее сходны изъявления воли отдельных лиц и общая воля, т. е. нравы и законы, тем более должна возрастать сила сдерживающая. Следовательно, Правительство, чтобы отвечать своему назначению, должно быть относительно сильнее, когда народ более многочисленен.

С другой стороны, поскольку увеличение Государства представляет блюстителям публичной власти больше соблазнов и средств злоупотреблять своей властью, то тем большею силою должно обладать Правительство, чтобы сдерживать народ, тем больше силы должен иметь в свою очередь и суверен, чтобы сдерживать Правительство. Я говорю здесь не о силе абсолютной, но об относительной силе разных частей Государства.

Из этого двойного отношения следует, что непрерывная пропорция между сувереном, государем и народом не есть вовсе произвольное представление, но необходимое следствие, вытекающее из самой природы Политического организма. Из этого следует еще, что, поскольку один из крайних членов, а именно, народ, как подданный, неизменен и представлен в виде единицы, то всякий раз, как удвоенное отношение увеличивается или уменьшается подобным же образом, и что, следовательно, средний член изменяется. Это показывает, что не может быть такого устройства Управления, которое было бы единственным и безотносительно лучшим, но что может существовать столько видов Правления, различных по своей природе, сколько есть Государств, различных по величине.

Для того чтобы выставить эту систему в смешном виде, скажут, пожалуй, что, по-моему, дабы найти это среднее пропорциональное и образовать Организм правительственный, нужно лишь извлечь квадратный корень из численности народа; я отвечу, что беру здесь это число только для примера; что отношения, о которых я говорю, измеряются не только числом людей, но вообще количеством действия, складывающимся из множества причин; во всяком случае, если для того, чтобы высказать свою мысль покороче, я временно и прибегну к геометрическим понятиям, то я прекрасно знаю, что точность, свойственная геометрии, никак не может иметь места в приложении к величинам из области отношений между людьми.

Правительство есть в малом то, что представляет собой включающий его Политический организм - в большом. Это - условная личность, наделенная известными способностями, активная как суверен, пассивная как Государство. В Правительстве можно выделить некоторые другие сходные отношения, откуда возникает, следовательно, новая пропорция; в этой - еще одна, в зависимости от порядка ступеней власти, и так до тех пор, пока мы не достигнем среднего неделимого члена, т. е. единственного главы или высшего магистрата, который можно представить себе находящимся в середине этой прогрессии, как единицу между рядом дробей и рядом целых чисел.

Чтобы не запутаться в этом обилии членов, удовольствуемся тем, что будем рассматривать Правительство как новый организм в Государстве, отличный от народа и от суверена и посредствующий между тем и другим.

Между этими двумя организмами есть то существенное различие, что Государство существует само по себе, а Правительство - только благодаря суверену. Таким образом, господствующая воля государя является или должна быть общей волей или законом; его сила - лишь сконцентрированная в нем сила всего народа. Как только он пожелает осуществить какой-нибудь акт самовластный и произвольный, связь всего Целого начинает ослабевать. Если бы, наконец, случилось, что государь возымел свою личную волю, более деятельную, чем воля суверена, и если бы он, чтобы следовать этой воле, использовал публичную силу, находящуюся в его руках, таким образом, что оказалось бы, так сказать, два суверена - один по праву, а другой фактически, то сразу же исчезло бы единство общества и Политический организм распался бы.

Между тем, для того чтобы Правительственный организм получил собственное существование, жил действительной жизнью, отличающей его от организма, Государство, чтобы все его члены могли действовать согласно и в соответствии с той целью, для которой он был учрежден, он должен обладать отдельным Я, чувствительностью, общей его членам, силой, собственной волей, направленной к его сохранению. Это отдельное существование предполагает Ассамблеи, Советы, право обсуждать дела и принимать решения, всякого рода права, звания, привилегии, принадлежащие исключительно государю и делающие положение магистрата тем почетнее, чем оно тягостнее. Трудности заключаются в способе дать в целом такое устройство этому подчиненному целому, чтобы оно не повредило общему устройству, укрепляя свое собственное; чтобы оно всегда отличало свою особую силу, предназначенную для собственного сохранения, от силы публичной, предназначенной для сохранения Государства; чтобы, одним словом, оно всегда было готово жертвовать Правительством для народа, а не народом для Правительства.

Впрочем, хотя искусственный организм Правительство есть творение другого искусственного организма и хотя оно обладает, в некотором роде, лишь жизнью заимствованною и подчиненною, - это не мешает ему действовать с большею или меньшею силою или быстротою, пользоваться, так сказать, более или менее крепким здоровьем. Наконец, не удаляясь прямо от цели, для которой он был установлен, он может отклоняться от нее в большей или меньшей мере в зависимости от того способа, коим он образован.

Из всех этих различий и возникают те соотношения, которые должны иметь место между Правительством и Государством, сообразно случайным и частным отношениям, которые видоизменяют само это Государство. Ибо часто Правительство, наилучшее само по себе, станет самым порочным, если эти отношения не изменятся сообразно недостаткам Политического организма, которому они принадлежат.

Глава II. О принципе, определяющем различные формы правления

Чтобы установить общую причину этих различий, надо различать государя и Правительство, подобно тому как я выше разграничил Государство и суверен.

Магистрат может состоять из большего или меньшего числа членов. Мы указывали, что отношение между сувереном и подданными тем больше, чем многочисленнее народ: и, по очевидной аналогии, мы можем сказать то же об отношении между Правительством и магистратами.

Однако общая сила Правительства, будучи всегда силой Государства, никогда не изменяется; из чего следует, что чем больше оно затрачивает этой силы, чтобы воздействовать на своих собственных членов, тем меньше остается ему силы, чтобы воздействовать на весь народ.

Итак, чем магистраты многочисленней, тем Правительство слабее. Поскольку это положение - основное, постараемся разъяснить его получше.

Мы можем различать в лице магистрата три существенно различных вида воли. Во-первых, собственную волю индивидуума, которая стремится лишь к своей частной выгоде; во-вторых, общую волю магистратов, которая совпадает единственно с выгодой государя и которую можно назвать корпоративной волей; она является общей по отношению к Правительству и частной - по отношению к Государству, в состав которого входит данное Правительство; в-третьих, волю народа или верховную волю, которая является общей как по отношению к Государству, рассматриваемому как целое, так и по отношению к Правительству, рассматриваемому как часть целого.

При совершенных законах воля частная или индивидуальная должна быть ничтожна; корпоративная воля, присущая Правительству, должна иметь весьма подчиненное значение; и следовательно, воля общая

или верховная должна быть всегда преобладающей, быть единым правилом для всех остальных волеизъявлений.

Напротив, в силу естественного порядка вещей эти различные виды воли тем более активны, чем больше они сконцентрированы. Таким образом, общая воля всегда самая слабая, второе место занимает воля корпоративная, самое же первое из всех - воля каждого отдельного лица; таким образом, в Правительстве каждый член, во-первых, это он сам, затем магистрат и потом гражданин; последовательность прямо противоположная той, какой требует общественное состояние.

Если это так, то когда вся власть оказывается в руках одного человека, тогда частная воля и воля корпоративная полностью соединены и, следовательно, последняя достигает той наивысшей степени силы, какую она только может иметь. Но так как от степени силы воли зависит и применение силы, а абсолютная сила Правительства совершенно не изменяется, то из этого следует, что наиболее активными из Правительств является Правление единоличное.

Напротив, объединим Управление и законодательную власть; сделаем государя из суверена, а каждого гражданина сделаем магистратом; тогда корпоративная воля, слившись с общею волею, не будет активнее последней и оставит за частной волей всю ее силу. Тогда Правительство, неизменно обладая все тою же абсолютною силою, в этом случае будет обладать минимумом относительной силы, или активности.

Эти отношения бесспорны и могут быть подтверждены еще и другими соображениями. Ясно, например, что каждый магистрат более активен в своей корпорации, чем каждый гражданин в своей, и что, следовательно, частная воля имеет гораздо больше влияния на действия Правительства, чем на действия суверена; ибо каждый магистрат почти всегда облечен какою-либо функцией Управления, между тем как каждый гражданин, взятый в отдельности, не исполняет никакой функции суверенитета. Впрочем, чем больше расширяется Государство, тем более фактически увеличивается и его сила, хотя она и не увеличивается пропорционально его расширению. Но если Государство остается тем же самым, то число магистратов может сколько угодно увеличиваться Правительство фактически не приобретает от этого больше силы, потому что его сила это сила Государства, мера которой всегда одинакова. Таким образом, относительная сила или действенность Правительства уменьшается без того, чтобы увеличивалась его абсолютная или практическая сила.

Несомненно еще, что отправление дел становится тем медлительнее, чем больше людей им занимается; что, возлагая слишком много надежд на благоразумие, недостаточно надеются на счастливый поворот судьбы; что упускают благоприятные случаи и так много обсуждают, что часто теряют плоды обсуждения.

Я только что доказал, что Правительство ослабляется по мере того, как возрастает число магистратов; а выше я доказал, что чем многочисленнее народ, тем более должна, увеличиваться сила сдерживающая. Отсюда следует, что отношение между числом магистратов и Правительством должно быть обратным отношению между числом подданных и сувереном; т. е. чем больше расширяется Государство, тем больше должно Правительство сокращаться в своей численности; так, чтобы правителей уменьшилось в той же мере, в какой численность народа возрастает.

Впрочем, я говорю лишь об относительной силе Правительства, а не о правильности его действий. Ибо, напротив, чем многочисленнее магистрат, тем больше воля корпоративная приближается к общей воле; тогда как при одном-единственном магистрате эта же корпоративная воля есть, как я уже говорил, лишь воля отдельного лица. Таким образом, в одном отношении теряется то, что можно выиграть другом, и искусство Законодателя как раз и состоит в умении определить ту точку, в которой сила и воля Правительства, находясь все время в обратной пропорции, сочетается в отношении наиболее выгодном для Государства.

Глава III. Разделение правлений

В предыдущей главе мы видели, почему разные виды или формы Правительства различают по числу членов, которые их составляют; в этой главе остается показать, как производится это разделение.

Суверен может, во-первых, вручить Правление всему народу или большей его части, так чтобы стало больше граждан-магистратов, чем граждан - просто частных лиц. Этой форме Правления дают название демократии.

Или же он может сосредоточить Правление в руках малого числа, так чтобы было больше простых граждан, чем магистратов, и такая форма носит название аристократии.

Наконец, он может сконцентрировать все правление в руках единственного магистрата, от которого получают свою власть все

остальные. Эта форма наиболее обычна и называется монархией или королевским Правлением.

Следует заметить, что все эти формы или, по меньшей мере, первые две из них могут быть более или менее широкими, причем соответствующие различия довольно значительны, ибо демократия может объявить весь народ, либо охватить не более половины его. Аристократия в свою очередь может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан. Даже королевская власть может быть подвержена известному разделению. В Спарте, по ее конституции, постоянно было два царя, а в Римской империи случалось, что бывало до восьми императоров одновременно (106), причем нельзя было сказать, что империя разделена (107). Таким образом, есть точка, где каждая форма Правления сливается со следующей, и мы видим, что при наличии лишь трех названий Правление способно в действительности принимать столько различных форм, сколько есть в Государстве граждан.

Более того: поскольку один и тот же род Правления может в некоторых отношениях подразделяться еще на другие части, в одной из которых управление осуществляется одним способом, а в другой - другим; то из сочетания этих трех форм может возникнуть множество форм смешанных, из которых каждая способна дать новые, сочетаясь с простыми формами.

Во все времена много спорили о том, которая из форм правления наилучшая, - того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих.

Если в различных Государствах число высших магистратов должно находиться в обратном отношении к числу граждан, то отсюда следует, что, вообще говоря, демократическое Правление наиболее пригодно для малых Государств, аристократическое - для средних, а монархическое - для больших. Это правило выводится непосредственно из общего принципа. Но как учесть множество обстоятельств, которые могут вызвать исключения?

Глава IV. О демократии

Тот, кто создает Закон, знает лучше всех, как этот Закон должен приводиться в исполнение и истолковываться. Итак, казалось бы, не может быть лучшего государственного устройства, чем то, в котором власть исполнительная соединена с законодательной. Но именно это и делает такое правление в некоторых отношениях непригодным, так как

при этом вещи, которые должны быть разделяемы, не разделяются, и государь и суверен, будучи одним и тем же лицом, образуют, так сказать, Правление без Правительства.

Неправильно, чтобы тот, кто создает законы, их исполнял, или чтобы народ как целое отвлекал свое внимание от общих целей, дабы обращать его на предметы частные. Ничего нет опаснее, как влияние частных интересов на общественные дела, и злоупотребления, допускаемые Правительством при применении законов, - это беда меньшая, нежели подкуп законодателя - это неизбежное последствие существования частных расчетов. Тогда, поскольку искажена сама сущность Государства, никакое преобразование уже невозможно. Народ, который никогда не употребляет во зло свою власть в Правлении, не сделает этого и в отношении своей самостоятельности; народ, который всегда хорошо правил бы, не нуждался бы в том, чтобы им управляли. Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами. И легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась и форма управления. В самом деле, я думаю, что могу принять за правило следующее: когда функции Правления разделены между несколькими коллегиями, то те из них, что насчитывают наименьшее число членов, приобретают рано или поздно наибольшие вес и значение, хотя бы уже по причине того, что у них, естественно, облегчается отправление дел. Впрочем, каких только трудносоединимых вещей не предполагает эта форма Правления! Во-первых, для этого требуется Государство столь малое, чтобы там можно было без труда собирать народ, и где каждый гражданин легко мог бы знать всех остальных; во-вторых, - большая простота нравов, что предотвращало бы скопление дел и возникновение трудноразрешимых споров, затем - превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и в обладании властью; наконец, необходимо, чтобы роскоши было очень мало, или чтобы она п

олностью отсутствовала. Ибо роскошь либо создается богатствами, либо делает их необходимыми; она развращает одновременно и богача и бедняка, одного - обладанием, другого - вожделением; она предает

отечество изнеженности и суетному тщеславию; она отымает у Государства всех его граждан, дабы превратить одних в рабов других, а всех - в рабов предубеждений.

Вот почему один знаменитый писатель (108) полагал главным принципом Республики добродетель, ибо все эти условия без нее не могли бы существовать. Но поскольку этот высокий ум не делал необходимых различий, то оказалось, что у него часто нет в суждениях правильности, иногда ясности; и он не увидел того, что, поскольку верховная власть везде одинакова, - один и тот же принцип (109) должен лежать в основе всякого правильно устроенного Государства - в большей или меньшей степени, конечно, соответственно форме Правления.

Прибавим, что нет Правления, столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, как демократическое, или народное, потому что нет никакого другого Правления, которое столь сильно и постоянно стремилось бы к изменению формы или требовало больше бдительности и мужества, чтобы сохранять свою собственную. Более, чем при любом другом, при таком государственном устройстве должен гражданин вооружиться силою и твердостью и повторять всю свою жизнь ежедневно в глубине души то, что говорил один доблестный Воевода* на Польском Сейме "*Malo periculosam libertatem quam quietum servitium*"**.

Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически. Но Правление столь совершенное не подходит людям***.

* Познанский воевода, отец короля Польского (110), герцога Лотарингского.

** Предпочитаю волнения свободы покою рабства (лат.).

*** Ясно, что слово *optimates* у древних означает не "наилучшие" но "наиболее могущественные".

Глава V. Об аристократии

Здесь у нас есть две весьма различные условные личности, именно: Правительство и суверен; и, следовательно, две воли общие, одна - по отношению ко всем гражданам, другая - только к членам управления. Таким образом, хотя Правительство и может устанавливать внутренний порядок по своему усмотрению, оно никогда не может обращаться к народу иначе, как от имени суверена, т. е. от имени самого народа; этого никогда не следует забывать.

Первые общества управлялись аристократически (111). Главы семейств обсуждали в своем кругу общественные дела. Молодые люди без труда склонялись перед авторитетом опыта. Отсюда - названия: жрецы, старейшины, сенат, геронты (112). Дикари Северной Америки управляют собою так и в наши дни, и управляются очень хорошо.

Но по мере того, как неравенство, создаваемое первоначальным устройством, брало верх над неравенством естественным, богатство или могущество получали предпочтение перед возрастом, и аристократия стала выборной. Наконец, поскольку власть стала передаваться вместе с богатством от отца к детям, делая семьи патрицианскими, то и Правление сделалось наследственным, поэтому можно было увидеть двадцатилетних сенаторов.

Таким образом, есть три рода аристократии: природная, выборная и наследственная. Первая пригодна лишь для народов, находящихся в начале своего развития; третья представляет собою худшее из всех Правлений. Вторая лучше всех; это - аристократия в собственном смысле слова.

Помимо того, что оба вида власти при этом разграничиваются, такой род аристократии обладает еще и тем преимуществом, что члены ее избираются. Ибо в народном Правлении все граждане рождаются магистратами; выборная же аристократия ограничивает количество должностных лиц малым числом, и они делаются таковыми лишь путем избрания*: при таком порядке честность, просвещенность, опытность и все другие основания для предпочтения и уважения общественного суть каждое новый залог того, что управление будет мудрым.

* Очень важно установить законами форму избрания магистратов, ибо, предоставляя это делать по его воле государю, нельзя избежать превращения аристократии в наследственную, как это случилось в республиках Венецианской и Бернской (113). Поэтому первая уже давно представляет собой разложившееся Государство; вторая же еще сохраняется благодаря чрезвычайной мудрости своего Сената: это - исключение, весьма почтенное и весьма опасное.

Кроме того, собрания проходят более спокойно, дела обсуждаются лучше, отправляются более упорядоченно и без промедления; влияние Государства за его пределами лучше поддерживается почтенными сенаторами, чем толпою людей неизвестных или презируемых.

Словом, именно тот строй будет наилучшим и наиболее естественным, когда мудрейшие правят большинством, когда достоверно, что они правят им к его выгоде, а не к своей собственной. Вовсе не следует напрасно усложнять механизм, ни делать с помощью двадцати тысяч людей то, что сто человек выбранных могут сделать гораздо лучше. Следует, однако, заметить, что интересы целого здесь начинают менее направлять публичную силу на соблюдение правил общей воли, и что другое неизбежное отклонение лишает законы части их исполнительной силы.

Что до особых условий, то при аристократическом Правлении Государство вовсе не должно быть столь малым, а народ столь первобытным и прямодушным, чтобы исполнение законов следовало непосредственно за народной волею, как при доброй демократии. Народ не должен также быть столь многочисленным, чтобы начальники, разбросанные по разным местам для управления им, могли корчить из себя суверена, каждый в своем округе, и сделаться сначала независимыми, чтобы в конце концов стать повелителями

Но если аристократия требует несколькими добродетелями менее, чем народное Правление, она требует зато других добродетелей, которые свойственны ей одной, – таких, как умеренность со стороны богатых и умение довольствоваться своим положением со стороны бедных; ибо строгое равенство было бы тут, по-видимому, неуместно; оно не соблюдалось даже в Спарте.

Впрочем, если эта форма предполагает вообще некоторое имущественное неравенство, то для того, чтобы управление общественными делами поручалось тем, кто больше всех других может посвятить этому все свое время; но не для того, как утверждает Аристотель, чтобы богатым всегда показывалось предпочтение (114). Напротив, важно, чтобы избрание бедного научало иной раз народ, что достоинство людей суть более существенные основания к тому, чтобы предпочесть их, нежели богатство.

Глава VI. О монархии

До сих пор мы рассматривали государя как условное собирательное лицо, объединенное в одно целое силой закона, и как блюстителя исполнительной власти в Государстве теперь нам надлежит рассмотреть тот случай, когда эта власть сосредоточена в руках одного физического

лица реального человека, который один имеет право располагать ею в соответствии с законами. Это то, что называется монарх или король.

Совершенной противоположностью другим видам управления, при которых собирательное существо представляет индивидуум, является данный вид, при котором индивидуум представляет собирательное существо, так что то духовное единство, что образует государя, здесь является одновременно и физической единицей, в которой все способности, соединяемые Законом с такими усилиями при другом правлении, оказываются объединенными сами собою.

Так воля народа и воля государя, и публичная сила Государства, и отдельная сила Правительства - все подчиняется одной и той же движущей силе; рычаги машины находятся в одних и тех же руках; все движется к одной и той же цели. Нет никаких направленных в противоположные стороны движений, которые уничтожались бы; и нельзя представить себе никакой другой вид государственного устройства, при котором меньшее усилие производило бы большее действие. Архимед (115), спокойно сидящий на берегу и без труда спускающий на воду большой корабль, напоминает мне искусного монарха, который из кабинета управляет своими обширными Провинциями, приводит все в движение, а сам выглядит при этом неподвижным.

Но если нет никакого другого Правления, которое обладало бы большею силою, то нет и такого, при котором частная воля имела бы больше власти и легче достигала господства над всеми остальными. Правда, здесь все движется к одной и той же цели; но сия цель вовсе не есть благоденствие общества; и сама сила управления беспрестанно оборачивается во вред Государству (116).

Короли хотят быть неограниченными; и издавна уже им твердили, что самое лучшее средство стать таковыми - это снискать любовь своих подданных. Это правило прекрасное и в некоторых отношениях даже весьма справедливое. К сожалению, при дворах оно всегда будет вызывать только насмешки. Власть, возникающая из любви подданных, несомненно, наибольшая; но она непрочна и условна; никогда не удовлетворяется ею государи. Наилучшие короли желают иметь возможность быть даже злыми, если им так будет угодно, оставаясь при этом повелителями. Какой-либо увещатель от политики может сколько угодно говорить, что раз сила народа - это их сила, то им самим выгоднее всего, чтобы народ процветал, был многочисленным и грозным; они очень хорошо знают, что это не так. Их личный интерес прежде всего

состоит в том, чтобы народ был слаб, бедствовал и никогда не мог им сопротивляться. Конечно, если предположить, что подданные всегда будут оставаться совершенно покорными, то государь был бы тогда заинтересован в том, чтобы народ был могущественен, дабы это могущество, будучи его собственным, сделало государя грозным для соседей. Но так как интерес народа имеет лишь второстепенное и подчиненное значение и так как оба предположения несовместимы, то естественно, что государь всегда предпочитают следовать тому правилу, которое для них непосредственно выгодно. Это как раз то, что настойчиво разъяснял древним евреям Самуил (117), именно это с очевидностью показал Макиавелли (118). Делая вид, что дает уроки королям, он преподавал великие уроки народам. "Государь" Макиавелли-это книга республиканцев*.

* Макиавелли был порядочным человеком и добрым гражданином; но, будучи связан с домом Медичи, он был вынужден, когда отечество его угнеталось, скрывать свою любовь к свободе. Один только выбор им его отвратительного героя (119) достаточно обнаруживает его тайное намерение; а сопоставление основных правил его книги о Государе с принципами его "Рассуждения о Тите Ливии" его "Истории Флоренции" доказывает, что этот глубокий политик имел до сих пор лишь читателей поверхностных или развращенных. Римская курия (120) наложила на его книгу строжайшее запрещение. Еще бы, ведь именно папский двор Макиавелли и изобразил наиболее прозрачно.

Мы нашли, исходя из соотношений общего характера, что монархия подходит для больших государств, и мы вновь убедимся в этом, когда рассмотрим монархию как таковую. Чем многочисленнее аппарат управления, тем становится меньше и ближе к равенству отношение между государем и подданными; это отношение при демократии представляет собой единицу или составляет равенство. Это же отношение увеличивается по мере того, как Правление сосредоточивается; и оно достигает своего максимума, когда Правление оказывается в руках одного лица. Тогда расстояние между государем и народом становится слишком велико, и Государству начинает недоставать внутренние связи. Чтобы образовалась эта связь, нужны, следовательно, посредствующие состояния, необходимы князья, вельможи, дворянство, чтобы они их заполнили собою. Но ничто из сего этого не подходит малому Государству, которому все эти промежуточные степени несут разорение.

Но если трудно сделать так, чтобы большое Государство управлялось хорошо, то еще гораздо труднее достигнуть того, чтобы оно управлялось хорошо одним человеком, а каждый знает, что получается, когда король назначает заместителей.

Существенный и неизбежный недостаток, который при всех условиях ставит монархическое Правление ниже республиканского, состоит в том, что при втором из них голос народа почти всегда выдвигает на первые места только людей просвещенных и способных, которые занимают их с честью; тогда как те, кто достигает успеха в монархиях, что чаще всего мелкие смутьяны, ничтожные плуты, мелочные интриганы, чьи жалкие талантики позволяют им достичь при дворе высоких должностей, но лишь для того, чтобы, едва их достигнув, обнаружить перед народом полную свою неспособность. Народ гораздо реже ошибается в выборе такого рода, чем государь, и человек, истинно достойный, оказывается на посту министра при монархии почти столь же редко, как глупец на посту главы Правительства при республике. Поэтому, если, по некоей счастливой случайности, один из этих людей, рожденных, чтобы править, берется за кормило управления в монархии, которую уже почти привела на край пропасти кучка столь славных правителей, то всех поражает, как он мог найти выход из этого положения - и это составляет эпоху в жизни страны.

Чтобы монархическое Государство могло быть хорошо управляемо, была бы необходима соразмерность величины или протяженности его со способностями того, кто правит. Легче завоевать, чем управлять. С помощью соответствующего рычага можно одним пальцем поколебать мир; но, чтобы поддерживать его, необходимы плечи Геркулеса. Если велико только Государство, то государь почти всегда слишком для него мал. Когда, напротив, случается, что государство слишком мало для его главы, а это бывает очень редко, то оно все-таки плохо управляется, потому что глава, увлеченный обширностью своих замыслов, забывает об интересах подданных; и они оказываются не менее несчастными при правителе, злоупотребляющем избытком своих талантов, чем при правителе, ограниченном отсутствием у него таковых. Было бы хорошо, если бы королевство могло, так сказать, расширяться или сокращаться при каждом царствовании сообразно со способностями государя; тогда как таланты какого-либо Сената представляют собой величину более постоянную, и при таком устройстве Государство может иметь

неизменные границы, а управлении при этом будет вестись нисколько не хуже.

Самый ощутимый недостаток Правления одного человека это отсутствие той непрерывной преемственности, которая при двух других формах Правления образует непрерывную связь. Раз король умер, нужен другой, выборы создают опасные перерывы; они проходят бурно; и если только граждане не обладают бескорыстием, неподкупностью, почти невозможными при этой форме Правления, то возникают всяческие происки и подкупы. Трудно, чтобы тот, кому Государство продалось, не продал его в свою очередь и не возместил себе за счет слабых деньги, которые у него исторгли люди могущественные. Рано или поздно все становится продажным при подобном управлении, и то спокойствие, которым пользуются под властью королей, горше смуты междоусобиц.

Что предпринимали, дабы предотвратить эти бедствия? Делали корону наследственной в некоторых семьях и установили порядок наследования, предупреждающий всякие споры после смерти короля. Другими словами, заменив неудобствами регентств неудобства выборов, предпочли кажущееся спокойствие мудрому управлению и предпочли пойти на риск получить в качестве правителей детей, чудовищ, слабоумных, лишь бы избежать споров о том, как лучше выбирать хороших королей. Не приняли во внимание, что подвергая себя таким образом риску выбора, имеешь почти все шансы против себя. Весьма разумны были слова юного Дионисия, которому отец, упрекая его в каком-то позорном поступке, сказал: "Разве я тебе подавал когда-либо подобный пример?" "Ах! отвечал сын. - Ваш отец не был королем".

Все способствует тому, чтобы лишить справедливости и разума человека, воспитываемого, дабы он повелевал другими. Много прилагается стараний, чтобы научить юных принцев тому, что называют искусством царствовать: не видно, однако, чтобы такое воспитание шло им на пользу было бы лучше начать с обучения их искусству повиноваться. Самые великие короли, те, которых прославил история, были воспитаны вовсе не для того, чтобы царствовать; то - наука, которую никак нельзя усвоить хуже, чем после слишком долгого обучения, и которую лучше усваивают повинаясь, чем повелевая. *Nam utilissimus idem ac brevissimus bonarum malarumque rerum delectus, cogitare quid aut nolueris sub alio principe, aut volueris*".

* "Ибо самое удобное и самое быстрое средство отличить добро от зла это спросить тебя, чего ты хотел, а чего нет, если бы королем был не ты, а другой" (лат.). [Тацит. История, кн. I, 16].

Это отсутствие преемственности влечет за собою непостоянство в королевском Правлении. Приспосаблиясь то к одному, то к другому плану в зависимости от характера царствующего государя или людей, которые царствуют за него, такое Правительство не может иметь ни определенной цели, ни последовательного образа действий в течение долгого времени; изменчивость эта заставляет Государство все время колебаться между одним замыслом и другим, что не имеет места при других Правлениях, где государь всегда один и тот же. Поэтому ясно, что, если при дворе больше хитрости, то в Сенате больше мудрости, и что Республики идут к своим целям, руководясь более постоянными и последовательными планами; между тем, как каждый переворот в составе кабинета министров производит переворот в государстве, поскольку правило, общее для всех министров и почти для всех королей, заключается в том, чтобы во всяком деле поступать прямо противоположно своему предшественнику.

В этом же отсутствии преемственности можно почерпнуть опровержение весьма обычного для монархических политиков ложного умозаключения, которое состоит не только в том, что Управление обществом сопоставляется с управлением домом, а государь - с отцом семейства (ошибка, уже опровергнутая), но и в щедром наделении этого магистрата всеми добродетелями, в которых он мог бы нуждаться, и в неизменном предположении, что государь есть то, что он должен собою представлять; вследствие этого предположения королевское Правление, конечно же, становится предпочтительнее всякого другого, потому что оно бесспорно самое сильное, и, чтобы быть также наилучшим, ему недостает лишь такой воли правительственного корпуса, которая более соответствовала бы общей воле.

Но если, по словам Платона, человек, которому самой природой предназначено быть королем, есть существо настолько редкостное, то сколько же раз природе и случаю удастся возложить на него корону? И если воспитание человека, которому предназначено быть королем, непременно его портит, то чего следует ожидать от поколений людей, взращенных, чтобы царствовать? Следовательно, смешивать королевское Правление с Правлением доброго короля это значит вводить самого себя в заблуждение. Дабы увидеть, что представляет это Правление само по

себе, нужно рассмотреть, каково оно при государях недалеких или злых; ибо они либо такими взойдут на трон, либо же трон сделает их такими.

Эти трудности не ускользнули от внимания наших авторов, но они нисколько этим не смутились. Спасение, говорят они, заключается в том, чтобы повиноваться безропотно (121): Бог дает дурных королей во гневе, и их нужно терпеть как кару небесную. Рассуждение это весьма поучительно, что и говорить; но оно было бы, кажется, уместнее в слове с кафедры, нежели в книге о политике. Что сказать о таком враче, который обещает чудеса, а все его искусство в том, чтобы призывать больного к терпению? Хорошо известно, что нужно терпеть Правительство дурное, раз такова форма Правления; дело тогда заключалось бы в том, чтобы найти правление хорошее.

Глава VII. О правлениях смешанных

Собственно говоря, отдельные виды Правления в чистом виде не существуют. Единоличному правителю нужны подчиненные ему магистраты; народное Правление должно иметь главу. Таким образом, при разделении исполнительной власти всегда существует постепенный переход от большего числа к меньшему с тою разницей, что большое число может зависеть от малого или - малое от большого.

Иногда налицо разделение власти поровну; либо когда составные части находятся во взаимной зависимости, как это наблюдается в Правительстве Англии; или же когда власть каждой части независима, но неполна, как в Польше (123). Эта последняя форма - дурна, потому, что в таком случае единства в Правлении нет и нет внутренней связи в Государстве.

Который из видов Правления лучше: чистый или смешанный? (124) Вопрос этот весьма занимает политиков; и на него нужно дать такой же ответ, какой я дал выше относительно всякой формы Правления.

Простое Правление - лучшее само по себе по одному тому, что оно простое. Но если исполнительная власть не зависит в достаточной мере от законодательной, т. е. когда существует больше отношений между государем и сувереном, чем между народом и государем, то такое отсутствие соразмерности необходимо исправить, разделяя Правительство. Ибо тогда власть всех его частей над подданными не уменьшается, а разделение делает их все вместе менее сильными по отношению к суверену.

Это же затруднение устраняют иногда при помощи посредствующих магистратов, которые, оставляя Правительство в целости, служат только для уравнивания обеих властей и для поддержания их взаимных прав. Но тогда правление не будет смешанным, оно будет умеренным.

Подобными же путями можно устранить и противоположное затруднение и, если Правление чересчур слабо, учредить коллегии, чтобы его сосредоточить: это практикуется во всех демократиях. В первом случае Правление разделяют, чтобы его ослабить, а во втором - чтобы его усилить. Ибо максимум силы и слабости одинаково встречается при простых видах Правления, в то время как смешанные формы дают среднюю силу.

Глава VIII. О том, что не всякая форма правления пригодна для всякой страны

Свобода - это не плод, созревающий под всеми небесами, поэтому она доступна и не всем народам. Чем больше обдумываешь этот принцип, установленный Монтескье, тем более убеждаешься в его истинности; чем больше его оспаривают, тем больше дают случаев подтвердить его с помощью новых доказательств.

При всех Правлениях в мире та собирательная личность, которую представляет собой общество, потребляет и ничего не производит. Откуда же она получает то, что потребляет? Из труда ее членов. Излишек у частных лиц и создает то, что необходимо для удовлетворения нужд всего общества. Отсюда следует, что общественное состояние может существовать лишь тогда, когда труд людей приносит больше, чем необходимо для удовлетворения нужд их.

Однако этот излишек не одинаков во всех странах мира. В одних он значителен, в других - невелик, в иных - равен нулю, в иных - отрицательная величина. Это отношение зависит от того, насколько благодатен климат, от способа обработки, которого требует земля, от природных особенностей ее произведений, от силы ее обитателей, от того, нужно ли им потреблять больше или меньше и от многих других подобных отношений, из которых оно складывается.

С другой стороны, все роды Правления неодинаковы по своей природе; среди них есть более или менее прожорливые, и основой различий служит тот принцип, что чем больше взимаемые в обществе обложения отдаляются от своего источника, тем более они обременительны. Не величиной обложения следует измерять это бремя,

но тем путем, который должны совершить суммы, чтобы вернуться в те руки, из которых они вышли. Когда это обращение совершается быстро и оно хорошо налажено, не имеет значения, много ли или мало платят, народ всегда богат и финансы всегда в хорошем состоянии. Напротив, как бы мало народ ни давал, если это немного ему не возвращается, он, непрерывно отдавая, вскоре оказывается истощенным; Государство никогда не бывает богато, а народ всегда нищ.

Отсюда следует, что чем больше увеличивается расстояние между народом и Правительством, тем более обременительным становится обложение. Так, при демократии народ облагается меньше всего; при аристократии он облагается уже больше; при монархии он несет наибольшие тяготы. Монархия, следовательно, пригодна только для богатых народов; аристократия - для Государств средних как по богатству, так и по величине; демократия - для Государств малых и бедных (125).

В самом деле, чем больше размышляешь, тем лучше видишь, что в этом особенно сказывается разница между свободными и монархическими Государствами. В первых все служит для общей пользы; в других - силы общественные и частные взаимно противоположны, и одна из них растет только за счет ослабления другой. И, в конечном счете, деспотизм правит подданными не для того, чтобы сделать их счастливыми, но разоряет их, чтобы ими править.

Вот, следовательно, каковы в каждой стране те естественные основания, по которым можно определить форму правления, обусловливаемую особенностями климата, и даже сказать, какого рода жителей должна иметь такая отрава.

Места неблагоприятные и бесплодные, где урожай не стоит труда затраченного, чтобы его получить, должны оставаться невозделанными и пустынными или заселенными разве только дикарями. Там, где труд людей приносит только самое необходимое, могут обитать лишь варварские народы: никакой гражданский порядок не был бы там возможен. Места, где урожай, по сравнению с затраченным трудом, имеет средние размеры, подходят для свободных народов. Те места, где обильная и плодородная почва дает большие урожаи при небольшой затрате труда, требуют монархического управления, чтобы роскошь государя поглощала чрезмерные излишки у подданных; ибо лучше, чтобы этот излишек был поглощен Правительством, чем растрочен частными людьми. Есть исключения, я это знаю: но самые эти исключения

подтверждают правило тем, что рано или поздно они вызывают перевороты, восстанавливающие естественный порядок вещей.

Будем всегда отличать общие законы от тех частных причин, которые могут только видоизменять их действие. Если бы даже Юг был занят Республиками, а весь Север деспотическими Государствами, все же не будет менее справедливым то, что в силу особенностей климата деспотизм пригоден для жарких стран, варварство - для холодных, а наилучшее правление - для областей, занимающих место между теми и другими. Я понимаю также, что, принимая принцип, можно спорить о его приложениях: могут оказать, что есть холодные страны, весьма плодородные, и южные весьма бесплодные. Но это - трудность лишь для тех, кто не рассматривает сего вопроса во всех отношениях. Необходимо, как я уже сказал, принимать в расчет соотношения труда, сил, потребления и так далее.

Предположим, что из двух равных участков земли один приносит пять, а другой - десять. Если жители первого потребляют четыре, а жители второго девять, то излишек продукта в первом случае составит одну пятую, а во втором - одну десятую. Стало быть, поскольку отношение обоих этих излишков обратно отношению продуктов, то участок земли, производящий лишь пять, даст излишек вдвое больший, чем тот, что производит десять.

Но речь идет не о двойном количестве продукта; и я не думаю, что кто-либо решится вообще приравнять плодородие стран холодных к плодородию стран жарких. Тем не менее, допустим, что такое равенство существует; поставим, если угодно, на одну доску Англию и Сицилию, Польшу и Египет. Дальше к югу будут у нас Африка и Индия; дальше северу не будет больше ничего. При таком равенстве и производительности, какое различие в обработке земли! В Сицилии нужно лишь поскрести землю; в Англии - сколько трудов нужно затратить на ее обработку! А там, где нужно больше рук, чтобы получить столько же продукта, излишек неизбежно должен быть меньше.

Учтите, кроме того, что одно и то же количество людей в жарких странах потребляет гораздо меньше. Климат там требует умеренности, чтобы люди чувствовали себя хорошо: европейцы, которые хотят там жить, как у себя дома, гибнут от дизентерии и несварения желудка. "Мы, - говорил Шарден, хищные звери, волки в сравнении с азиатами. Некоторые приписывают умеренность персов тому, что их страна менее возделана; я же, напротив, полагаю, что их страна потому-то и не столь

изобилует припасами, что жителям нужно меньше. Если бы их умеренность, продолжает он, - была результатом недостатка в продуктах питания в стране, то мало ели бы только бедные тогда как это относится вообще ко всем; и в каждой провинции ели бы больше или меньше в зависимости от плодородия края, между тем как по всему царству можно наблюдать одинаковую умеренность. Они весьма довольны, своим образом жизни; они говорят, что стоит лишь взглянуть на их цвет лица, чтобы понять, насколько их образ жизни лучше того, что ведут христиане. В самом деле, цвет лица у персов матовый; кожа у них красивая, тонкая и гладкая; тогда как у их подданных - армян, что живут по-европейски, - кожа грубая, нечистая, а тела их жирны и грузны." (126)

Чем ближе к экватору (127), тем меньше надо людям для жизни. Они почти не едят мяса; рис, маис, кускус, сорго, хлеб из маниоковой муки (128) составляют обычную пищу. В Индии есть миллионы людей, прокормление которых не стоит и су в день. Даже в Европе мы видим заметную разницу, что до аппетита, между народами Севера и народами Юга. Испанец проживает неделю обедом немца. В странах, где люди более обжорливы, стремление к роскоши распространяется также на предметы питания. В Англии это проявляется за столом, ломящимся от мясных блюд; в Италии угощением служат сахар и цветы.

Роскошь в одежде представляет такие же различия. Там, где смены времен года быстры и резки, носят одежды лучшие и более простые; в странах, где одеваются лишь для украшения, в одеждах ищут больше блеска, чем пользы; сами одежды там - предмет роскоши. В Неаполе вы всегда увидите людей, прогуливающихся по Позилиппо (129) в расшитых золотом куртках, но без чулок. То же самое можно сказать о постройках, - когда не приходится бояться суровости погоды, все внимание уделяется внешнему великолепию. В Париже и Лондоне желают жить в тепле и с удобствами; в Мадриде есть великолепные салоны, но совсем нет окон, которые закрывались бы, а люди спят в крысиных норах.

Пища значительно питательнее и сочнее в жарких странах; это третье отличие, которое не может не оказать влияния на второе. Почему в Италии едят столько овощей? Потому что они там хороши, питательны, отличны на вкус. Во Франции пищей овощам служит только вода, они совсем не питательны и за столом им не придают никакой цены; между тем они занимают не меньше земли и требуют, по меньшей мере, столько же труда для их выращивания. Опытом установлено, что хлеба берберийские, к тому же уступающие французским, дают гораздо

большой выход муки, и что хлеба французские в свою очередь дают муки больше, чем на Севере. Из этого можно заключить, что подобный постепенный переход наблюдается вообще в этом же направлении от экватора к полюсу. А разве это не явный убыток - получать из равного количества продуктов меньше пищи?

Ко всем этим различным соображениям я могу прибавить еще одно, которое из них вытекает и их подкрепляет: жаркие страны менее нуждаются в обитателях, чем холодные, а прокормить их могут больше; это вызывает двойной излишек, опять-таки к выгоде деспотизма. Чем больше пространства занимает одно и то же число жителей, тем затруднительнее для них становятся восстания, потому что нельзя сговориться ни быстро, ни тайно, и потому что Правительству всегда легко открыть замыслы и прервать сообщения. Но чем более скучивается многочисленный народ, тем менее может Правительство узурпировать права суверена: вождям совещаться у себя дома столь же безопасно, как государю в его Совете, и толпа столь же быстро собирается на площадях, как войско в местах своего расположения. Преимущество, следовательно, на стороне, тиранического Правительства тогда, когда оно может действовать на больших расстояниях. С помощью опорных точек, которые оно себе создает, сила такого Правительства увеличивается на расстоянии подобно силе рычагов*. Сила же народа, напротив, действует лишь тогда, когда она сконцентрирована; она выдыхается и исчезает, распространяясь по поверхности, подобно действию рассыпанного по земле пороха, который загорается лишь крупца от крупцы. Таким образом, страны, наименее населенные, наиболее подвержены тирании: хищные звери царят лишь в пустынях.

* Это не противоречит тому, что я говорил выше (кн. II, гл. IX) о неудобствах больших Государств, ибо там речь шла о власти Правительства над его членами, а здесь речь идет о его силе по отношению к подданным. Рассеянные повсюду члены Правительства служат ему точками опоры, чтобы воздействовать непосредственно на самих этих членов. Таким образом, в одном случае длина рычага составляет его слабость, а в другом силу.

Глава IX. О признаках хорошего правления

Когда, стало быть, спрашивают в общей форме, которое из Правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть

вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов.

Но если бы спросили, по какому признаку можно узнать, хорошо или дурно управляется данный народ, то это было бы другое дело, и такой вопрос действительно может быть разрешен.

Однако его вовсе не разрешают, потому что каждый хочет сделать это на свой лад. Подданные превозносят покой в обществе, граждане - свободу частных лиц; один предпочитает безопасность владений, а другой - безопасность личности; один считает, что наилучшее Правление должно быть самым суровым, другой утверждает, что таким может быть только самое мягкое; этот хочет, чтобы преступления карались, а тот - чтобы они предупреждались; один считает, что хорошо держать соседей в страхе, другой предпочитает оставаться им неизвестным; один доволен, когда деньги обращаются, другой требует чтобы народ имел хлеб. Даже если бы мы и пришли к соглашению в этих и в других подобных пунктах, то разве подвинулись бы далеко? Раз нет точной меры для духовных свойств, то даже и придя к соглашению относительно признаков - как этого достичь в оценке?

Что до меня, то я всегда удивляюсь тому, что не обращают внимания на следующий столь простой признак или по недобросовестности не хотят его признавать. Какова цель политической ассоциации? Бережение и благоденствие ее членов. А каков наиболее верный признак, что они убережены и благоденствуют? Это их численность и ее рост. Не ищите же окрест сей признак - предмет столь многих споров. При прочих равных условиях такое Правление, когда без сторонних средств, без предоставления права гражданства, без колоний граждане плодятся и множатся, есть, несомненно, лучшее. Правление, при котором народ уменьшается в числе и оскудевает, есть худшее. Счетчики, теперь дело за вами: считайте, измеряйте, сравнивайте*.

* На основании того же принципа должно судить о веках, заслуживающих предпочтения с точки зрения благоденствия человеческого рода. Слишком много восхищались теми веками, когда наблюдался расцвет литературы и искусства, не проникая в сокрытые цели культуры этих веков, не принимая в соображение ее пагубные результаты. *Idque apud imperitos humanitas vocabatur, quum pars servitutis esset.* ("Глупцы именуют образованностью то, что уже было началом

порабощения" (лат.) - Тацит. Агрикола (130), XXI.). Неужели мы никогда не научимся видеть в принципах, которые находим мы в книгах, грубую корысть, говорящую устами их авторов. Нет, что бы о том они ни говорили, если, несмотря на внешний блеск, страна теряет население, неправда что все идет в ней хорошо, и еще недостаточно, если у одного поэта (131) сто тысяч ливров ренты, чтобы считать его век лучшим из всех. Нужно меньше обращать внимания на кажущееся спокойствие и на успокоенность правителей, чем на благосостояние подданных и в особенности наиболее многочисленных сословий.

Град разоряет несколько кантонов, но он редко приводит к голоду. Мятежи, гражданские войны весьма тревожат правителей, но они не составляют настоящих бедствий для подданных, которые могут даже получить передышку, пока идет спор о том, кому их тиранить. В действительности процветание или бедствия порождаются постоянным их состоянием, в котором обычно они находятся; когда все подавлено под игом - вот тогда все приходит в упадок, вот тогда правители, безвозбранно разоряя подданных, *ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*. (Они превращают все в пустыни и называют это миром" (лат.) - Тацит. Агрикола, XXX.). Когда распри вельмож волновали французское королевство и когда парижский коадьютор (132) ходил в Парламент с кинжалом в кармане, это не мешало тому, чтобы французский народ жил, счастливый и многочисленный, в изрядном и свободном довольстве. Некогда Греция процветала в разгар самых жестоких войн: кровь лилась там потоками, а вся страна была заселена людьми. Казалось, говорит Макиавелли (133), что среди убийств, изгнаний, гражданских войн, наша Республика стала в результате еще более могущественной; доблесть ее граждан, их нравы, их независимость более способствовали ее укреплению, чем все раздоры - ее ослаблению. Небольшое волнение возбуждает души, и процветание роду человеческому приносит не столько мир, сколько свобода.

Глава X. О злоупотреблении властью и о ее склонности к вырождению

Как частная воля непрерывно действует против общей, так и Правительство постоянно направляет свои усилия против суверенитета. Чем больше эти усилия, тем больше портится государственное устройство; а так как здесь нет другой воли правительственного корпуса, которая, противостоя воле государя, уравнивала бы ее, то рано или

поздно должно случиться, что государь подавляет в конце концов суверен и разрывает общественный договор. В этом и заключается исконный и неперменный порок, который с самого рождения Политического организма беспрестанно стремится его разрушить, подобно тому как старость и смерть разрушают в конце концов тело человека.

Есть два общих пути, по которым всякое Правительство может перерождаться, именно: когда оно сосредоточивается или когда Государство распадается.

Правительство сосредоточивается, когда число его членов уменьшается, т. е. когда оно превращается из демократии в аристократию и из аристократии в монархию. Такая склонность заложена в нем от природы*. Если бы оно обращалось вспять, т. е. шло от меньшего числа членов к большему, то можно было бы сказать, что оно ослабляется, но такое обратное движение невозможно.

* Медленное образование и развитие Венецианской Республики на ее лагунах являют примечательный пример такой последовательности; и весьма удивительно, что по прошествии двенадцати веков венецианцы, по-видимому, находятся только на второй ступени, которая началась при Serrar di Consiglio ("Закрытие Совета" (итал.) (134) в 1198 г. Что до герцогов, которые у них некогда были и которыми их попрекают, то, что бы ни гласило Squittinio della liberta veneta ("Голос о свободе Венеции" (итал.)(135), доказано, что они вовсе не были их государями.

Мне не преминут привести в качестве возражения Римскую Республику, которая, скажут, развивалась совершенно противоположным путем, переходя от монархии к аристократии и от аристократии к демократии. Я весьма далек от того, чтобы об этом думать таким образом.

Первые установления Ромула (136) были смешанным Правлением, которое быстро выродилось в деспотизм. В силу особых причин Государство погибло преждевременно, как умирает младенец до того, как достигнет зрелого возраста. Изгнание Тарквиниев явилось подлинной эпохой рождения Республики. Но она не приняла вначале постоянной формы, потому что была сделана лишь половина дела, так как не был уничтожен патрициат. Ибо поскольку при этом наследственная аристократия, которая является наихудшим из видов управления, основанных на законе, продолжая сталкиваться с демократией, этой формой Правления, неустойчивой и колеблющейся, не была упрочена, как это доказывал Макиавелли (137) с появлением Трибуната: только

тогда появились настоящее Правительство и подлинная демократия. В самом деле, тогда народ не был только сувереном, но также магистратом и судьей. Сенат был лишь подчиненною палатою, предназначенной ограничивать и концентрировать Власть: а сами Консулы, хотя и патриции, хотя и первые магистраты, хотя и военачальники с неограниченной властью на войне, были в Риме лишь выборными главами народа.

С тех пор Правление следует своей естественной склонности и явно тяготеет к аристократии. Поскольку патрициат уничтожился как бы сам собою, аристократия находилась уже не в корпорации патрициев, как это имеет место в Венеции и Генуе, а среди членов Сената, состоящего из патрициев и плебеев, и даже в корпорации Трибунов, когда они начали присваивать себе действительную власть. Ибо названия не изменяют сути вещей и если у народа появляются начальники, которые правят за него, то, как бы они не именовались, это всегда аристократия.

Злоупотребление властью при аристократическом правлении породило гражданские войны и триумвират. Сулла, Юлий Цезарь, Август (138) в действительности стали монархами, и, наконец, при деспотизме Тиберия (139), Государство распалось. Следовательно, история Рима отнюдь не опровергает выдвинутое мною положение - она его подтверждает.

В самом деле. Правление изменяет форму только тогда, когда износившиеся пружины делают его столь слабым, что оно не может сохранить свою прежнюю. Так что, если бы оно продолжало еще ослабляться, расширяясь, то его сила стала бы совершенно ничтожной, и оно просуществовало бы еще меньший срок. Следовательно, необходимо возвращаться назад и заводить пружины по мере того, как они ослабевают; иначе поддерживаемое ими Государство разрушится.

Распад Государства может произойти двумя путями.

Во-первых, когда государь больше не управляет Государством сообразно с законами и когда он узурпирует верховную власть. Тогда происходят примечательные изменения: не Правительство, а Государство сжимается; я хочу сказать, что большое Государство распадается и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном. Так что в ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые

граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться.

То же происходит и тогда, когда члены Правительства в отдельности присваивают себе власть, которую они должны осуществлять лишь сообща: это не меньшее нарушение законов и порождает еще большую смуту в Государстве: тогда получается, так сказать, столько же государей, сколько магистратов; и Государство, не менее разделенное, чем правление, погибает или изменяет свою форму.

Когда Государство распадается, то злоупотребление Властью, какова бы она не была, получает общее название анархии. В частности, демократия вырождается в охлократию (140), аристократия - в олигархию (141). Я бы добавил, что монархия вырождается в тиранию, но это последнее слово имеет два смысла и требует пояснения.

В обычном смысле слова, тиран - это король, который правит с помощью насилия, не считаясь со справедливостью и законами. В точном смысле слова тиран - это частное лицо, которое присваивает себе королевскую власть, не имея на то права. Именно так понимали слово тиран греки; они так называли и хороших и дурных государей, если их власть не имела законного основания*. Таким образом, тиран и узурпатор суть два слова совершенно синонимичные.

* Omnes enim et habentur et dicuntur tyranni, qui potestate utuntur perpetua in ea civitate quae libertate usa est" Corn. Nep. In militiad. ("Все те считались и назывались тиранами, кто пользовался постоянной властью в государстве, наслаждавшемся свободой". - Корнелий Непот. Мильтиад (лат.) (142). Правда, Аристотель (Eth. Nicom. Lib. VIII, с. X (Ником[ахова] эт[ика], кн. VIII. гл. X.)) видит отличие тирана от короля в том, что первый правит для своей личной пользы, а второй лишь для пользы своих подданных, но обычно все греческие авторы употребляли слово тиран в ином смысле, как это видно, в особенности, из Ксенофонта Гиерона (143), кроме того, если следовать за Аристотелем, оказалось бы, что никогда еще с сотворения мира не существовало ни одного короля.

Чтобы дать различные наименования различным вещам, я именую тираном узурпатора королевской власти, деспотом - узурпатора власти верховной. Тиран - это тот, кто противу законов провозглашает себя правителем, действующим согласно законам; деспот - тот, кто ставит себя

выше самих законов. Таким образом, тиран может не быть деспотом, но деспот - всегда тиран.

Глава XI. О смерти политического организма

Так, естественно и неизбежно склоняются к упадку наилучшим образом устроенные Правления. Если Спарта и Рим погибли, то какое Государство может надеяться существовать вечно? (144) Если мы хотим создать прочные установления, то не будем помышлять сделать их вечными. Чтобы достичь успеха, не следует ни пытаться свершить невозможное, ни льстить себя надеждою придать созданию людей прочность, на которую создания рук человеческих не позволяют рассчитывать.

Политический организм так же. Как и организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несет в себе самом причины своего разрушения. Но и тот и другой могут иметь сложение более или менее крепкое и способное сохранить этот организм на более или менее длительный срок. Организм человека - это произведение искусства (145). От людей не зависит продление срока их жизни; от них зависит продлить жизнь Государства настолько, сколь сие возможно, дав ему наилучшее устройство, какое только оно может иметь. И самым лучшим образом устроенное Государство когда-нибудь перестанет существовать; но позже, чем другое, если никакой непредвиденный случай не приведет его к преждевременной гибели.

Первооснова политической жизни заключается в верховной власти суверена. Законодательная власть - это сердце Государства, исполнительная власть - его мозг, сообщающий движение всем частям. Мозг может быть парализован, а индивидуум будет еще жить. Человек остается идиотом - и живет, но как только сердце перестанет сокращаться, животное умирает.

Не законами живо Государство, а законодательной властью. Закон, принятый вчера, не имеет обязательной силы сегодня; но молчание подразумевает молчаливое согласие, и считается, что суверен непрестанно подтверждает законы, если он их не отменяет, имея возможность это сделать. То, что суверен единожды провозгласил как свое желание, остается его желанием, если только он сам от него не отказывается.

Почему же столь почитают древние законы? Именно поэтому. Надо полагать, что лишь превосходство волеизъявлений древних могло сохранить их в силе столь долго; если бы суверен не признавал их

неизменно благотворными, он бы их тысячу раз отменил. Вот почему законы не только не теряют силу, но беспрестанно приобретают новую силу во всяком хорошо устроенном Государстве; уже одно то, что они древние, делает их с каждым днем все более почитаемыми; тогда как повсюду, где законы, старея, теряют силу, это доказывает, что нет там больше власти законодательной и что Государство перестает жить.

Глава XII. Как поддерживается верховная власть суверена

Суверен, не имея другой силы, кроме власти законодательной, действует только посредством законов; а так как законы суть лишь подлинные акты общей воли, то суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собрании. Народ в собрании, скажут мне, - какая химера! Это химера сегодня, но не так было две тысячи лет тому назад. Изменилась ли природа людей?

Границы возможного в мире духовном менее узки, чем мы полагаем; их сужают наши слабости, наши пороки, наши предрассудки. Низкие души не верят в существование великих людей; подлые рабы с насмешливым видом улыбаются при слове свобода.

Основываясь на том, что совершилось, рассмотрим то, что может совершиться. Я не стану говорить о Республиках древней Греции; но Римская Республика была, как будто, большим Государством, а город Рим - большим городом. По данным последнего ценза (146), в Риме оказалось четыреста тысяч граждан, способных носить оружие, а по последней переписи в империи было около четырех миллионов граждан, не считая подданных, иностранцев, женщин, детей, рабов.

Каких только затруднений не воображают себе, что связаны с необходимостью часто собирать огромное население этой столицы и ее окрестностей. А между тем немного недель проходило без того, чтобы римский народ не собирался и даже по нескольку раз. Он не только осуществлял права суверенитета, но даже часть прав по Управлению. Он решал некоторые дела, разбирал некоторые тяжбы, и весь этот народ столь же часто бывал на форуме магистратом, как и гражданином.

Восходя к начальным временам в истории народов, мы найдем, что большинство древних Правлений, даже монархических, таких как Правления македонян и франков, имели сходные Советы. Как бы там ни было, а уже один этот неоспоримый факт разрешает все трудности: заключать по существующему о возможном это значит, мне кажется, делать верный вывод.

Глава XIII. Продолжение

Недостаточно, чтобы народ в собраниях единожды утвердил устройство Государства, одоблив свод законов; недостаточно, чтобы он установил постоянный образ Правления или преуказал раз навсегда порядок избрания магистратов. Кроме чрезвычайных собраний, созыва которых могут потребовать непредвиденные случаи, надо, чтобы были собрания регулярные, периодические, созыв которых ничто не могло бы ни отменить, ни отсрочить, так, чтобы в назначенный день народ на законном основании созывался в силу Закона, без того, чтобы для этого необходима была еще какая-нибудь процедура созыва.

Но, за исключением этих собраний, правомерных уже по одному тому, что они созываются в установленный Законом срок, всякое собрание народа, которое не будет созвано магистратами, для того поставленными, и сообразно с предписанными формами, должно считаться незаконным и все там содеянное не имеющим силы, потому что даже само приказание собираться должно исходить от Закона.

Что до более или менее частой повторяемости законных собраний, то сие зависит от стольких различных соображений, что здесь невозможно преподать точные правила. Можно, в общем, сказать только одно, что чем больше силы у Правительства, тем чаще должен являть себя суверен.

Это, скажут мне, может быть хорошо для одного города; но что делать, когда их в Государстве несколько? Разделить ли верховную власть? Или же должно сконцентрировать ее в одном только городе, а все остальные подчинить ему?

Я отвечу, что не следует делать ни того, ни другого. Во-первых, верховная власть неделима и едина, и ее нельзя разделить, не уничтожив. Во-вторых, никакой город, также как и никакой народ, не может быть на законном основании подчинен другому, потому что сущность Политического организма состоит в согласовании повиновения и свободы и потому, что слова эти - подданный и суверен указывают на такие же взаимоотношения, смысл которых соединяется в одном слове - гражданин.

Я отвечу еще, что это всегда зло - объединять несколько городов в одну Общину гражданскую - и что, желая совершить такое объединение, не должно льстить себя надеждою, что удастся избежать естественно связанных с этим затруднений. Вовсе не следует ссылаться на злоупотребления в больших Государствах тому, кто считает, что Государства должны обладать малыми размерами. Но как наделить малые

Государства силой достаточной, чтобы противостоять большим? Как некогда древнегреческие города противостояли великому царю (148), и как в более близкое к нам время Голландия и Швейцария противостояли австрийскому дому (149).

Все же, если невозможно свести размеры Государства до наилучшей для него величины, то остается еще одно средство: не допускать, чтобы оно имело столицу; сделать так, чтобы Правительство имело местопребывание попеременно в каждом городе и собирать там поочередно Штаты страны.

Заселите равномерно территорию, распространите на нее всю одни и те же права, создайте в ней повсюду изобилие и оживление, - именно таким образом Государство сделается сразу и наиболее сильным и лучше всего управляемым. Помните, что стены городов возводятся из обломков домов деревень. При виде каждого дворца, возводимого в столице, я словно вижу, как разоряют целый край.

Глава XIV. Продолжение

Как только весь народ на законном основании собрался в качестве суверена, всякая юрисдикция Правительства прерывается, исполнительная власть временно отрешается, и личность последнего гражданина становится столь же священной и неприкосновенной, как личность первого магистрата, ибо там, где находится представляемый, нет более представителей. Большая часть волнений, поднимавшихся в Риме в Комициях (150), происходила от незнания этого правила или от пренебрежения им. Консулы были тогда лишь первоприсутствующими народа. Трибуны - простыми ораторами*, Сенат - вообще ничем.

* Приблизительно в том смысле, какой придают этому слову в английском Парламенте. Сходство этих должностей привело бы к столкновению Консулов и Трибунов, хотя бы и была приостановлена всякая юрисдикция.

Эти промежутки времени, когда исполнительная власть временно отрешена и государь признает или должен признать того, кто в действительности его выше, всегда были для него опасны; и эти собрания народа - защита Политического организма и узда для Правительства во все времена вселяли ужас в сердца правителей; поэтому они, чтобы отвратить граждан от таких собраний, никогда не жалеют стараний, чинят препятствия и затруднения, раздают посулы. Если же граждане скупы,

трусливы, малодушны, больше привязаны к покою, чем к свободе, то они недолго могут устоять против все возрастающих усилий Правительства. Вот каким образом, когда противодействующая сила беспрестанно возрастает, власть суверена в конце концов исчезает и большинство Общин слабеют и преждевременно гибнут.

Но между властью суверена и самовластным Правительством иногда встает посредствующая власть, о которой надо сказать отдельно.

Глава XV. О депутатах или представителях

Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан и они предпочитают служить ему своими кошельками, а не самолично, - Государство уже близко к разрушению. Нужно идти в бой? - они нанимают войска, а сами остаются дома. Нужно идти в Совет? - они избирают Депутатов и остаются дома. Наконец, так как граждан одолевает лень и у них в избытке деньги, то у них, в конце концов, появляются солдаты, чтобы служить отечеству, и представители, чтобы его продавать.

Хлопоты, связанные с торговлей и ремеслами, алчность в погоне за наживою, изнеженность и любовь к удобствам - вот что приводит к замене личного служения денежными взносами. Уступают часть своей прибыли, чтобы легче было ее потом увеличивать. Давайте деньги - и скоро на вас будут цепи. Слово финансы - это слово рабов, оно неизвестно в гражданской общине. В стране, действительно свободной, граждане все делают своими руками - и ничего - при помощи денег; они не только не платят, чтобы освободиться от своих обязанностей, но они платили бы зато, чтобы исполнять их самим. Я весьма далек от общепринятых представлений; я полагаю, что натуральные повинности менее противны свободе, чем денежные подати.

Чем лучше устроено Государство, тем больше в умах граждан заботы общественные дают ему перевес над заботами личными. Там даже гораздо меньше личных забот, ибо, поскольку сумма общего блага составляет более значительную часть блага каждого индивидуума, то последнему приходится меньше добиваться его путем собственных усилий. В хорошо управляемой Гражданской общине каждый летит на собрания; при дурном Правлении никому не хочется и шагу сделать, чтобы туда отправиться, так как никого не интересует то, что там делается, ибо заранее известно, что общая воля в них не возобладает, и еще потому, наконец, что домашние заботы поглощают все. Хорошие

законы побуждают создавать еще лучшие, дурные - влекут за собою еще худшие. Как только кто-либо говорит о делах Государства: "что мне до этого?", следует считать, что Государство погибло.

Охлаждение любви к отечеству, непрерывное действие частных интересов, огромность Государств, завоевания, злоупотребление Властью натолкнули на мысль о Депутатах или Представителях народа в собраниях нации. Это то, что в некоторых странах смеют называть Третьим сословием. Таким образом, частные интересы двух сословий поставлены на первое и второе места; интересы всего общества лишь на третьем.

Суверенитет не может быть представляем по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает. Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно. Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны - он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился.

Понятие о Представителях принадлежит новым временам; оно досталось нам от феодального Правления, от этого вида Правления несправедливого и нелепого, при котором род человеческий пришел в упадок, а звание человека было опозорено. В древних Республиках и даже в монархиях народ никогда не имел Представителей; само это слово было неизвестно. Весьма странно, что в Риме, где Трибуны были столь свято чтимы, никто даже не представлял себе, что они могли бы присвоить себе права народа, и что при столь огромной численности населения они никогда не пытались провести собственной властью хотя бы один плебисцит. Пусть судят, однако, о затруднениях, которые иногда вызывает наличие такой массы народа, по тому, что случилось во времена Гракхов (151), когда часть граждан подавала голоса с крыш.

Там, где право и свобода - все, затруднения ничего не значат. У этого мудрого народа все было поставлено на соответствующее место; он предоставил своим ликторам (152) делать то, что не осмелились бы сделать Трибуны; он не опасался, что ликторы могут захотеть его представлять.

Чтобы все же объяснить, каким образом Трибуны иногда представляли народ, достаточно постигнуть, как Правительство представляет суверен. Поскольку Закон - это провозглашение общей воли, то ясно, что в том, что относится до власти законодателей, народ не может быть представляем; но он может и должен быть представляем в том, что относится к власти исполнительной, которая есть сила, приложенная к Закону. Отсюда видно, что если рассматривать вещи как следует, мы обнаружим, что законы существуют лишь у очень немногих народов. Как бы то ни было, несомненно, что Трибуны, не обладая никакою частью исполнительной власти, никогда не могли представлять римский народ по праву своей должности, но лишь узурпируя права Сената.

У греков все, что народу надлежало делать, он делал сам; беспрерывно происходили его собрания на площади. Он жил в мягком климате; он вовсе не был алчен: рабы выполняли его работу (153), главной заботой его была собственная свобода. Не имея более тех же преимуществ, как сохранить те же права? Ваш более суровый климат порождает у вас больше потребностей*: шесть месяцев в году общественной площадью нельзя пользоваться; вашу глухую речь не расслышать на открытом воздухе; вы больше делаете для вашего барыша, нежели для свободы вашей, и гораздо меньше страшитесь рабства, нежели нищеты.

* Допустить в холодных странах роскошь и изнеженность жителей Востока значит пожелать наложить на себя их цепи; значит подвергнуться этому с еще большей неизбежностью, чем они.

Как! Свобода держится лишь с помощью рабства? Возможно. Эти две крайности соприкасаются. Все, чего нет в природе, связано с затруднениями, а гражданское общество более, чем все остальное. Бывают такие бедственные положения, когда можно сохранить свою свободу только за счет свободы другого человека и когда гражданин может быть совершенно свободен лишь тогда, когда раб будет до последней степени рабом. Таково было положение Спарты. Вы же, народы новых времен, у вас вообще нет рабов, но вы рабы сами; вы платите за их свободу своею. Напрасно вы похваляетесь этим преимуществом, я вижу здесь больше трусости, чем человечности.

Всем этим я вовсе не хочу сказать, что следует иметь рабов и что право рабовладения законно, поскольку я уже доказал противное. Я

только указываю причины того, почему народы новых времен, мнящие себя свободными, имеют Представителей и почему древние народы их не имели. Что бы там ни было, но как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет (154).

Рассмотрев все основательно, я считаю, что суверен отныне может осуществлять среди нас свои права лишь в том случае, если Гражданская община очень мала. Но если она очень мала, то она будет покорена? Нет. Я покажу ниже*, как можно соединить внешнее могущество многочисленного народа с легко осуществляемым управлением и добрым порядком малого Государства.

* Именно это я и намеревался сделать на протяжении этого произведения, когда, рассматривая внешние сношения, я добрался бы до конфедераций. Предмет этот совершенно нов, здесь должны быть еще установлены первоначальные принципы.

Глава XVI. О том, что учреждение правительства отнюдь не есть договор

Когда установлена как следует законодательная власть, требуется установить таким же образом власть исполнительную, ибо эта последняя, действующая лишь посредством актов частного характера, по самой своей сущности отличаясь от первой, естественно от нее отделена. Если бы возможно было, чтобы суверен, рассматриваемый как таковой, обладал исполнительной властью, то право и действия так смешались бы, что уже неизвестно было бы, что Закон, а что - не он, и Политический организм, так извращенный, стал бы вскоре добычею того насилия, противостоять которому он был создан.

Поскольку по Общественному договору все граждане равны, то все могут предписывать то, что все должны делать, но никто не имеет права требовать, чтобы другой сделал то, чего он не делает сам. Именно это право, необходимое, чтобы сообщить жизнь и движение Политическому организму, и дает суверен государю, учреждая Правительство.

Многие утверждали (155), что этот акт является договором между народом и теми правителями, которых он себе находит: договором, в котором оговариваются условия, на которых одна из сторон обязуется повелевать, а другая - повиноваться. Со мной согласятся, я надеюсь, что это странный способ заключать договоры. Но посмотрим, можно ли защищать такое мнение.

Во-первых, верховная власть не может видоизменяться, как не может и отчуждаться; ограничивать ее - значит ее уничтожить. Нелепо и противоречиво, чтобы суверен ставил над собою старшего; обязываться подчиняться господину значило бы вернуться к состоянию полной свободы.

Кроме того, очевидно, что такой договор народа с теми или иными лицами являлся бы актом частного характера, откуда следует, что этот акт не мог бы являть собою ни закон, ни акт суверенитета, и что, следовательно, он был бы незаконен.

Понятно также, что договаривающиеся стороны подчинялись бы в своих взаимоотношениях единственно естественному закону, без какого бы то ни было поручителя в их взаимных обязательствах, что во всех отношениях противоречит гражданскому состоянию. Тот, у кого в руках сила, всегда управляет и исполнением; стало быть, с равным успехом можно было бы дать имя договора такому действию одного человека, который сказал бы другому: "Я отдаю вам все мое достояние при условии, что вы вернете мне из него то, что вам будет угодно".

Существует только один договор в Государстве, это - договор ассоциации, и он один исключает здесь любой другой (156). Нельзя представить себе никакого публичного договора, который не был бы нарушением первого.

Глава XVII. Об учреждении правительства

В каком же смысле нужно понимать акт, которым учреждается Правительство? Я замечу прежде всего, что это акт сложный, или состоящий из двух других актов, именно: установления закона и исполнения закона (157).

Первым из них суверен постановляет, что будет существовать Правительственный корпус, установленный в той или иной форме, - и ясно, что этот акт есть закон.

Вторым - народ нарицает начальников, на коих будет возложено учреждаемое Управление. Но, нарицая их, он творит акт частного характера, не другой закон, но лишь продолжение первого и Действие правительственное.

Трудность состоит в том, чтобы понять, как возможно действие правительственное, когда нет еще Правительства; и каким образом народ, являющийся лишь сувереном или подданным, может при определенных обстоятельствах стать государем или магистратом.

И в этом раскрывается еще одно из удивительных свойств Политическому организму из тех свойств, посредством которых он примиряет действия, по видимости противоречивые. Это свойство проявляется во внезапном превращении верховной власти в демократию, таким образом, что безо всякой заметной перемены и только в силу нового отношения всех ко всем, граждане, став магистратами, переходят от общих актов к актам частного характера и от Закона к его исполнению. (Это изменение отношений вовсе не какая-нибудь чисто умозрительная тонкость, не имеющая примера в практике: оно имеет место в английском Парламенте тогда, когда Нижняя палата в определенных случаях превращается в большой комитет, чтобы лучше обсуждать дела, и следовательно из Верховного собрания, каким она была в предыдущей момент, становится обыкновенной комиссией; таким образом, она затем уже делает доклад самой себе как Палате Общин о том, что она только что определила в качестве большого комитета, и снова обсуждает в одном качестве то, что она уже решила в другом.

Таково преимущество, свойственное Правительству при демократии: оно может быть установлено посредством простого акта общей воли. После чего это временное Правительство остается у власти, если такова принятая форма, или устанавливает именем суверена образ Правления, предписываемый Законом; и все, таким образом, совершается по правилу. Невозможно учредить Правительство каким-либо иным законным способом, и не отказываясь от установленных выше принципов.

Глава XVIII. Способы предупреждать захват власти

Из этих разъяснений следует, в подтверждение главы XVI, что акт, учреждающий Правительство, - это отнюдь не договор, а закон; что блюстители исполнительной власти не господа народа, а его чиновники; что он может их назначать и смещать, когда это ему угодно, что для них речь идет вовсе не о том, чтобы заключить договор, а о том, чтобы повиноваться; и что, беря на себя должностные обязанности, которые Государство возлагает на них, они лишь исполняют свой долг граждан, не имея никоим образом права обсуждать условия.

Когда же случается, что народ учреждает Правительство наследственное, то ли монархическое - в одной семье, то ли аристократическое - в одном сословии граждан, это вовсе не означает, что он берет на себя обязательство: это временная форма, которую он

дает управлению до тех пор, пока ему не будет угодно распорядиться по этому поводу иначе.

Правда, эти изменения всегда опасны, и не следует касаться уже установленного Правительства, за исключением того случая, когда оно становится несовместимым с общим благом. Но эта осмотрительность - правило политики, а не принцип права, и Государство не в большей мере обязано предоставлять гражданскую власть своим высшим должностным лицам, чем власть военную своим генералам.

Правда также, что в подобном случае невозможно соблюсти со всею тщательностью все формальности, которые требуются для того, чтобы отличать акт правильный и законный от мятежного волнения, и волю всего народа от ропота политической фракции. Здесь, особенно в неблагоприятном случае, следует соблюсти только то, что, по всей строгости права, обязательно должно быть соблюдено. И именно из этого обязательства государь и извлекает большое преимущество для сохранения своей власти вопреки воле народа, причем, нельзя сказать, чтобы он ее узурпировал. Ибо, делая вид, что он пользуется лишь своими правами, он очень легко может их расширить и препятствовать, под предлогом сохранения общественного спокойствия, созыву собраний, предназначенных для восстановления доброго порядка; таким образом, он пользуется молчанием, нарушению которого препятствует, и беспорядками, которые вызывает, чтобы истолковать в свою пользу мнение тех, кого страх заставляет замолчать, и чтобы наказать тех, кто осмеливается говорить. Таким именно образом Децемвиры, будучи сначала избраны на год (159), а затем еще на один, пытались удержать власть в своих руках навсегда, не позволяя более собираться Комициям; и именно таким легким способом все Правительства мира, раз облеченные публичной силой, рано или поздно присваивают себе верховную власть.

Периодические собрания, о которых я говорил выше, способны предупредить или отсрочить это несчастье, особенно, когда не требуется каких-либо формальностей для их созыва; ибо тогда государь не может им воспрепятствовать, не показав себя открыто нарушителем законов и врагом Государства.

Открытие этих собраний, которые имеют целью лишь поддержание общественного договора, всегда должно производиться посредством двух предложений, которые нельзя никогда опускать и которые ставятся на голосование в отдельности.

Первое: Угодно ли суверену сохранить настоящую форму Правления.

Второе: Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено.

Я предполагаю здесь то, что, думаю, уже доказал, именно: не существует в Государстве никакого основного закона, который не может быть отменен, не исключая даже и общественного соглашения. Ибо если бы все граждане собрались, чтобы расторгнуть это соглашение с общего согласия, то можно не сомневаться, что оно было бы вполне законным образом расторгнуто. Гроций даже полагает, что каждый может отречься от Государства (160), членом которого он является, и вновь возвратить себе естественную свободу и свое имущество, если покинет страну*. Но, было бы нелепо, чтобы все граждане, собравшись вместе, не могли сделать то, что может сделать каждый из них в отдельности.

* Конечно ее нельзя покинуть, чтобы уклониться от своего долга и избавиться от служения отечеству в ту минуту, когда оно в нас нуждается. Бегство тогда было бы преступным и наказуемым; это было бы уже не отступлением, но дезертирством.

КНИГА 4

Глава I. О том, что общая воля неразрушима

До тех пор, пока некоторое число соединившихся людей смотрит на себя как на единое целое, у них лишь одна воля во всем, что касается до общего самосохранения и общего благополучия. Тогда все пружины Государства крепки и просты, его принципы ясны и прозрачны: нет вовсе запутанных, противоречивых интересов; общее благо предстает повсеместно с полной очевидностью, и, чтобы понять, и чем оно, нужен лишь здравый смысл. Мир, единение, равенство враги всяких политических ухищрений. Людей прямых и простых трудно обмануть именно потому, что они просты; приманки, хитроумные предлоги не вводят их в заблуждение: они недостаточно тонки даже для того, чтобы быть одураченными. Когда видишь, как у самого счастливого в мире народа крестьяне, сойдясь под дубом, вершат дела Государства и при этом всегда поступают мудро, можно ли удержаться от презрения к ухищрениям других народов, что делают себя знаменитыми, несчастными и ничтожными с таким искусством и со столькими таинствами?

Управляемому таким образом Государству требуется совсем немного законов, и по мере того, как становится необходимым обнародовать новые, такая необходимость ощущается всеми. Первый, кто их предлагает, лишь высказывая то, что все уже чувствуют, и не требуется ни происков, ни красноречия, чтобы стало законом то, что каждый уже решил сделать, как только уверится в том, что другие поступят так же, как он.

Людей, любящих порассуждать, обманывает то, что, видя лишь Государства, дурно устроенные с самого их возникновения, они убеждены, что в Государствах невозможно поддерживать подобного рода управления. Они смеются, воображая все те глупости, в которых ловкий мошенник или вкрадчивый говорун могут уверить жителей Парижа или Лондона. Они не знают, что Кромвель был бы заключения тюрьмы (161) жителями Берна, а герцог де Бофор - женевцами.

Но когда узел общественных связей начинает распускаться, а Государство - слабеть, когда частные интересы начинают давать о себе знать, а малые общества - влиять на большое, тогда общий интерес извращается и встречает противников; уже единодушие не царит при голосованиях; общая воля не есть более воля всех; поднимаются

пререкания, споры; и самое справедливое мнение никогда не принимается без препирательств.

Наконец, когда Государство, близкое к своей гибели, продолжает существовать лишь благодаря одной обманчивой и пустой форме, когда порвалась связь общественная во всех сердцах, когда самая низменная корысть нагло прикрывается священным именем общественного блага, - тогда общая воля немеет; все, руководясь тайными своими побуждениями, подают голос уже не как граждане, будто бы Государства никогда и не существовало; и под именем законов обманом проводят неправые декреты, имеющие целью лишь частные интересы.

Следует ли из этого, что общая воля уничтожена или извращена? Нет: она всегда постоянна, неизвратима и чиста; но она подчинена другим волеизъявлениям, которые берут над нею верх. Каждый, отделяя свою пользу от пользы общей, хорошо понимает, что он не может отделить ее полностью, но причиняемый им обществу вред представляется ему ничем по сравнению с теми особыми благами, которые он намеревается себе присвоить. Если не считать этих особых благ, то он желает общего блага для своей собственной выгоды столь же сильно, как и всякий другой. Даже продавая свой голос за деньги, он не заглушает в себе общей воли, он только уклоняется от нее. Его вина состоит в том, что он подменяет поставленный перед ним вопрос и отвечает не на то, что у него спрашивают, таким образом вместо того, чтобы сказать своим голосованием: "выгодно Государству", он говорит: "выгодно такому-то человеку или такой-то партии, чтобы прошло то или иное мнение".

Итак, закон, которому в интересах общества надлежит следовать в собраниях, состоит не столько в том, чтобы поддерживать здесь общую волю, сколько в том, чтобы она была всякий раз вопрошаема и всегда отвечала.

Я мог бы высказать здесь немало соображений о первичном праве подавать голос при всяком акте суверенитета, праве, которого ничто не может лишить граждан, и о праве подавать мнение, вносить предложения, подразделять, обсуждать, которое Правительство всячески старается оставить лишь за своими членами. Но этот важный предмет потребовал бы особого трактата: и я не могу все сказать в этом.

Глава II. О голосованиях

Из предыдущей главы видно, что способ, каким ведутся общие дела, может служить довольно надежным указателем состояния нравов и здоровья Политического организма в данное время. Чем больше согласия в собраниях, т. е. чем ближе мнения к полному единодушию, тем явственнее господствует общая воля; но долгие споры, разногласия, шумные перебранки говорят о преобладании частных интересов и об упадке Государства.

Это проявляется менее явно, когда в его состав входят два или несколько сословий, как в Риме - патриции и плебеи, чьи распри нередко волновали Комиции даже в самые лучшие времена Республики. Но это - исключение, более кажущееся, чем действительное, ибо тогда, вследствие пороков, внутренне присущих такому Политическому организму, образуются, так сказать, два Государства в одном: то, что неверно в отношении обоих вместе, верно для каждого в отдельности. И в самом деле, даже в наиболее бурные времена, плебисциты среди народа, когда Сенат не вмешивался, проходили всегда спокойно и решения их определялись значительным большинством голосов, ибо у всех граждан был лишь один интерес, у народа - лишь одна воля.

В противоположной точке, замыкающей круг, возвращается единодушие: это бывает, когда у граждан, впавших в рабство, нет больше ни свободы, ни воли. Тогда страх и лезть заменяют подачу голосов выкриками; уже больше не обсуждают: боготворят или проклинаят. Таков был позорный способ подачи мнений в Сенате при императорах. Иногда это делалось со смехотворными предосторожностями. Тацит замечает (162), что при Отоне (163) сенаторы, осыпая Вителлия (164) проклятиями, старались в то же время поднять ужасный шум, чтобы он, случайно сделавшись повелителем, не мог знать, что, собственно, сказал каждый из них.

Из этих различных соображений рождаются принципы, по которым должно устанавливать способ подсчета голосов и сопоставления мнений в соответствии с тем, насколько легко узнается общая воля и насколько Государство клонится к упадку.

Есть один только закон, который по самой своей природе требует единодушного согласия: это - общественное соглашение. Ибо вхождение в ассоциацию граждан есть самый добровольный акт в мире; поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его без его согласия (165).

Постановить, что сын рабыни рождается рабом, это значит постановить, что он не рождается человеком (166).

Следовательно, если после заключения общественного соглашения окажется, что есть этому противящиеся, то их несогласие не лишает Договор силы, оно только препятствует включению их в число его участников: это - чужестранцы среди граждан. Когда Государство учреждено, то согласие с Договором заключается уже в самом выборе местопребывания гражданина; жить на данной территории - это значит подчинять себя суверенитету*.

* Это всегда должно относиться лишь к свободному Государству. Ибо в других случаях семья, имущество, отсутствие пристанища, нужда, насилие могут удержать жителя в стране против его воли; и тогда само по себе одно его пребывание в стране уже не предполагает более его согласия на Договор или на нарушение Договора.

За исключением этого первоначального Договора, мнение большинства всегда обязательно для всех остальных: то - следствие самого Договора. Но спрашивается, как человек может быть свободен и в то же время принужден сообразоваться с желаниями, что не суть его желания? Как те, кто не согласен с большинством, могут быть свободны и одновременно подчиняться законам, на которые они не давали согласия?

Я отвечаю, что вопрос неправильно поставлен. Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них. Непременная воля всех членов Государства - это общая воля; это благодаря ей они граждане и свободны*. Когда на собрании народа предлагают закон, то членов собрания спрашивают, собственно говоря, не о том, сообразно оно или нет с общей волей, которая есть их воля. Каждый, подавая свой голос, высказывает свое мнение по этому вопросу, и путем подсчета голосов определяется изъявление общей воли. Если одерживает верх мнение, противное моему, то сие доказывает, что я ошибался и что то, что я считал общею волею, ею не было. Если бы мое частное мнение возобладало, то я сделал бы не то, чего хотел, вот тогда я не был бы свободен.

* В Генуе у входа в тюрьмы и на кандалах каторжников можно прочесть слово: *Libertas* (Свобода (лат.)). Такое применение этого девиза прекрасно и справедливо. В самом деле, лишь преступники всех

состояний мешают гражданину быть свободным. В стране, где все эти люди были бы на галерах, наслаждались бы самой полной свободой.

Это, правда, предполагает опять-таки, что все особенности общей воли воплощены в большинстве голосов. Когда этого уже нет, то какое бы решение ни было принято нет более свободы.

Показав выше, как в решениях, принимаемых всем обществом, заменяли общую волю изъявлениями воли частных лиц, я уже достаточно определил и средства, способные предупреждать такое злоупотребление; об этом я буду еще говорить ниже. Что до того, какое относительное большинство голосов достаточно, чтобы видеть здесь провозглашение общей воли, то я также излагал уже принципы, по которым можно установить и это. Разница в один-единственный голос нарушает разделение поровну: один-единственный несогласный разрушает единодушие. Но между единодушием и разделом голосов поровну есть ряд случаев, когда голоса разделяются неравно и в каждом из них можно устанавливать число, позволяющее видеть провозглашение общей воли сообразно состоянию и нуждам Политического организма.

Два общих принципа могут служить для определения этих отношений: первый - говорящий о том, что чем важнее и серьезнее решения, тем более мнение, берущее верх, должно приближаться к единогласию; второй - чем скорее требуется решить рассматриваемое дело, тем меньшей должна быть разница, требуемая при разделении голосов: для решений, которые должны быть приняты немедленно, перевес в один только голос должен быть признан достаточным (167). Первое из этих положений представляется более подходящим при рассмотрении законов, второе - при рассмотрении дел (168). Как бы там ни было, именно путем сочетания этих положений и устанавливаются те наилучшие отношения большинства и меньшинства голосов, чтобы решение считалось принятым.

Глава III. О выборах

Что до выборов государя и магистратов, представляющих собою, как я сказал, сложные акты, то здесь есть два пути, именно: избрание и жребий. И тот, и другой применялись в разных Респу́бликах, и еще в настоящее время наблюдается весьма сложное смешение обоих способов при избрании дожа Венеции.

Выборы, по жребию, - говорит Монтескье (169), - соответствуют природе демократии. Я с этим согласен, но почему это так? Жребий, -

продолжает он, есть такой способ выбирать, который никого не обижает; он оставляет каждому гражданину достаточную надежду послужить отечеству. Но причины не в этом.

Если обратить внимание на то, что избрание начальников есть дело Правительства, а не суверена, то мы увидим, почему выборы по жребию более свойственны демократии, где управление тем лучше, чем менее умножаются акты его.

Во всякой подлинной демократии магистратура - это не преимущество, но обременительная обязанность, которую по справедливости нельзя возложить на одного человека скорее, чем на другого. Один лишь Закон может возложить это бремя на того, на кого падет жребий. Ибо тогда, поскольку условия равны для всех и так как выбор не зависит от людей, нет такого рода применения Закона к частному случаю, которое нарушило бы всеобщий характер его.

При аристократическом строе государя выбирает государь, Правительство сохраняется само собою; и здесь именно уместно голосование.

Пример избрания дожа Венеции подтверждает это различие, а не опровергает его: эта смешанная форма подходит смешанному роду Правления. Ибо это заблуждение - считать форму Правления в Венеции подлинной аристократией. Если народ не принимает там никакого участия в Управлении, то именно знать и является там народом. Множество бедных варнавитов (170) никогда не имело доступа к какой-либо из магистратур, и их принадлежность к дворянству дала им всего-навсего пустое звание Превосходительства и право заседать в Большом Совете. Так как этот Совет столь же многочислен, как наш Генеральный Совет в Женеве, то его знатные члены имеют не больше привилегий, чем наши обычные граждане. Очевидно, что если не говорить о крайнем несходстве обеих Республик в целом, то горожане Женевы в точности соответствуют венецианскому патрициату; наши Уроженцы и Жители - Горожанами народу Венеции; наши крестьяне - подданным Венеции на материке; наконец, как бы мы ни рассматривали эту Республику, отвлекаясь от ее размеров, ее Правление не более аристократично, чем наше (171). Вся разница в том, что поскольку у нас нет никакого пожизненного главы, мы не испытываем необходимости прибегать к жребию.

Выборы по жребию создавали бы мало затруднений в подлинной демократии, где ввиду того, что все равны как по своим нравам, так и по

своим дарованиям, как по принципам своим, так и по состоянию своему, тот или иной выбор становится почти что безразличен. Но я уже сказал, что никогда не существовало подлинной демократии.

Когда соединяют выборы и жребий, то первым путем следует заполнять места, требующие соответствующих дарований, такие, как военные должности; второй путь более подходит в тех случаях, когда достаточно здравого смысла, справедливости, честности, как в судебных должностях; потому что в правильно устроенном Государстве качество эти свойственны всем гражданам.

Ни жребий, ни голосования совершенно не имеют место при монархическом Правлении. Поскольку монарх по праву один - государь и единственный магистрат, то выбор его заместителей принадлежит лишь ему одному. Когда аббат де Сен-Пьер предлагал увеличить число Советов короля Франции (172) и выбирать их членов посредством проводимого в них голосования, он не понимал, что предлагает изменить форму Управления.

Мне остается еще сказать о способе подачи и сбора голосов в собрании народа. Но, быть может, очерк истории устройства внутреннего управления в Риме в этом отношении более наглядно объяснит все принципы, чем я мог бы это установить. Не недостойно внимания рассудительного читателя увидеть с некоторыми подробностями, как разбирались дела общественные и частные в Совете из двухсот тысяч человек.

Глава IV. О римских комициях

У нас нет никаких вполне достоверных памятников первых времен Рима. Весьма вероятно даже, что большая часть того, что о них рассказывают - это басни*; и вообще нам как раз больше всего не хватает именно той наиболее поучительной части летописей народов, которая представляет собою историю их становления. Опыт каждодневно учит нас, по каким причинам возникают перевороты в Государствах, но так как никакой народ больше не образуется, то, дабы объяснить, как образовались народы, нам остается только строить догадки.

* Имя - "Рома", которое, как утверждают, происходит от "Ромул", - это слово греческое и означает сила, имя "Нума" - тоже греческое и означает закон. Вероятно ли, что оба первых царя этого города уже наперед носили имена, столь соответствующие тому, что они совершили?

Обычаи, которые мы находим уже установившимися, свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что они имели некогда свое начало. Из традиций, восходящих к этому началу, те, что поддерживаются самыми крупными авторитетами и подкрепляются наиболее вескими основаниями, должны считаться наиболее достоверными. Вот положения, которых стремился я держаться, когда исследовал, как самый свободный и самый могущественный народ на земле осуществлял свою верховную власть.

После основания Рима, зарождающаяся Республика, т. е. армия основателя, состоявшая из альбанов, сабинов и чужеземцев, была разделена на три класса, которые, по этому делению, приняли название триб (175). Каждая из этих триб была подразделена на десять курий, а каждая курия на декурии, во главе которых были поставлены предводители, называвшиеся курионами и декурионами.

Кроме того, из каждой трибы выделили по отряду из ста верховных или всадников, который назывался центурией, из чего видно, что эти подразделения, почти бесполезные в городе, были сначала чисто военными. Но как бы предчувствие грядущего величия заставило маленький город Рим уже тогда дать себе внутреннее управление, приличествующее столице мира.

Из этого первого разделения вскоре возникло затруднение: дело в том, что тогда как трибы альбанов* и сабинов** оставались постоянно в одном и том же состоянии, триба пришельцев*** беспрестанно увеличивалась в результате постоянного притока этих последних; и она не замедлила обогнать обе другие. Средство, которое нашел Сервий (174), чтобы устранить этот опасный беспорядок, состояло в том, чтобы изменить разделение; и разделение по племенам, которое он уничтожил, заменить другим - по тем местам города, которые занимала каждая триба. Вместо трех триб он создал четыре, из которых каждая занимала один из холмов Рима и носила его имя. Таким образом, исправляя неравенство в настоящем, он предупреждал его и на будущее; и чтобы это разделение касалось не только мест, но и людей, он запретил жителям одного квартала переходить в другой: это предотвратило смешение племен.

*Ramnenses.

**Tatienses.

*** Luceres.

Он удвоил также три уже существовавшие центурии всадников и добавил к ним двенадцать новых, но, все же, под старыми названиями, - способ простой и справедливый: так он окончательно отделил корпорацию всадников от массы народа, не вызвав недовольства этого последнего.

К этим четырем городским трибам Сервий добавил пятнадцать других, названных им сельскими трибами, потому что они были составлены из жителей деревни, разделенных на такое же число округов. Впоследствии было образовано столько же новых, и вот римский народ оказался разделенным на тридцать пять триб, - число, оставшееся неизменным до конца Республики.

Это разграничение триб города и триб деревни имели следствие, которое достойно быть отмеченным, потому что вообще нет другого такого примера и потому что Рим обязан ему и сохранением своих нравов, и ростом своих владений.

Можно было бы полагать, что городские трибы вскоре присвоят себе власть и почести и не замедлят унижить трибы сельские: оказалось совсем наоборот. Известна склонность первых римлян к сельской жизни. Эту склонность внушил им мудрый наставник, который соединил свободу с трудами сельскими и ратными и, так сказать, выдворил из деревни в город искусства, ремесла, интриги, богатство и порабощение.

И так как все, кто в Риме выделялся, обитали за городом и занимались земледелием, то уже привыкли искать лишь там главную опору Республики. Этот образ жизни, которому следовали достойнейшие из патрициев, высоко почитался всеми; простую и трудовую жизнь сельских жителей предпочитали праздной и рассеянной жизни горожан Рима; и тот, кто, обрабатывая землю, становился уважаемым гражданином, был бы лишь несчастным пролетарием в городе. Не без причины, говорил Варрон (175), наши великодушные предки создали в деревне питомник тех крепких и доблестных мужей, что защищали их в период войны и кормили в период мира. Плиний определенно говорит (176), Что сельские трибы, благодаря своему составу, пользовались особым почетом, а в городские трибы из сельских переводили тех презренных, которых хотели унижить. Сабин Аппий Клавдий (177), прибыв в Рим, чтобы там поселиться, был осыпан почестями и записан в сельскую трибу, которая впоследствии приняла имя его семьи. Наконец, вольноотпущенники входили все в городские трибы, и никогда - в деревенские, и за все время существования Республики не было ни

одного примера, чтобы кто-либо из этих вольноотпущенников достиг какой-либо магистратуры, даже став гражданином.

Это был превосходный принцип, но в применении его вошли так далеко, что это в конце концов привело к переменам и, конечно, к злоупотреблениям во внутреннем управлении.

Во-первых, Цензоры, давно уже присвоившие себе, совершенно произвольно, право переводить граждан из одной трибы в другую, позволили большинству записываться в любую из них; это, конечно, не могло привести ни к чему хорошему и отнимало у цензуры одно из важных средств воздействия. Более того, поскольку знатные и могущественные все записывались в сельские трибы, а вольноотпущенники, ставшие гражданами, оставались вместе с чернью в городских, то трибы вообще не имели теперь ни места, ни территории; но все они настолько смешались, что членов каждой можно было отличать только по спискам, так что понятие, выражаемое словом триба, перестало быть связано с определенной территорией и оказалось связанным с личностями или даже почти утратило всякое содержание.

Случалось также, что трибы города, будучи ближе к власти и часто оказываясь более сильными в Комициях, продавали Государство тем, кто не гнушался покупать голоса черни, которая заполняла собой эти трибы.

Что до курий, то поскольку первый законодатель создал их по десяти в каждой трибе, то весь народ римский, тогда живший внутри стен города, оказался состоящим из тридцати курий, из которых каждая имела свои храмы, своих богов, своих чиновников, своих жрецов и свои празднества, называвшиеся компиталиями (178) и напоминавшие тепаганалии (179), которые впоследствии появились в сельских трибах.

Так как при новом разделении Сервия это число, тридцать, не делилось поровну между установленными им четырьмя трибами, то он решил оставить это деление нетронутым; и курии, независимые от триб, сделались новым подразделением жителей Рима. Но о куриях не было и речи ни среди сельских триб, ни среди входившего в их состав населения, потому что раз трибы стали чисто гражданскими установлениями и поскольку был введен другой порядок для набора войск, то военные подразделения Ромула оказались излишними. Таким образом, хотя каждый гражданин и был записан в какую-нибудь трибу, далеко не каждый гражданин был записан в какую-нибудь курию.

Сервий произвел еще и третье разделение, которое не имело никакого отношения к обоим предыдущим, а стало по своим результатам

самым важным из всех. Он разделил весь римский народ на шесть классов, различавшихся не по месту проживания и не по людям, но по имуществу: так что в первые классы попали богатые, в последние бедные, а в средние - люди со средним достатком. Эти шесть классов состояли из ста девяноста трех подразделений, называемых центуриями, и эти подразделения распределялись так, что в один первый класс их входило более половины, а последний составляла всего одна. Таким образом, оказалось, что класс, наименее многочисленный по числу людей, включал наибольшее число центурий, а последний класс целиком считался только одним подразделением, хотя в него входило более половины жителей Рима.

Чтобы народу было труднее проникнуть в суть последствий этого последнего передела, Сервий старался придать ему вид военной реформы; он включил во второй класс две центурии оружейников и две центурии орудий войны (180) - в четвертый. В каждом классе, за исключением последнего, он отделил молодых от старых, т. е. тех, кого возраст освобождал от этого по законам, различие, которое больше, чем различие имущественное, приводило к необходимости часто повторять перепись или пересчет. Наконец он пожелал, чтобы народные собрания проходили на Марсовом поле и чтобы все те, кто по возрасту подлежали военной службе, приходили туда со своим оружием.

В последнем же классе он не провел такого разделения на молодых и старых; причина была в том, что чернь, из которой этот класс состоял, вообще не удостоивалась чести носить оружие для защиты отечества; надо было иметь домашний очаг, чтобы получить право его защищать. И в тех бесчисленных толпах наемных негодяев, которыми блещут ныне армии королей, нет, вероятно, ни одного, кто не был бы с презрением изгнан из римской когорты в те времена, когда солдаты были защитниками свободы.

В этом последнем классе отличали, впрочем, еще пролетариев от тех, кого называли *capite censi**. Первые, не совсем еще низведенные до ничтожества, давали по крайней мере Государству граждан, иногда даже солдат при крайней необходимости. Что касается до тех, которые ровно ничего не имели и которых можно было пересчитать только по головам, то их вообще сбрасывали со счетов, и Марий был первым, кто удостоил набирать их в солдаты.

* Вносимые в ценз без имущества (лат.).

Не решая здесь, было ли это третье разделение хорошо или дурно само по себе, я могу, мне кажется, утверждать, что только простые нравы первых римлян, их бескорыстие, их любовь к земледелию, их презрение к торговле и погоне за наживой могли сделать его осуществимым. Где найдется такой народ в новые времена, у которого всепоглощающая жадность, дух беспокойства, интриги, постоянные перемещения, вечные перемены в имущественном положении позволили бы подобному устройению продержаться в течение двадцати лет, не перевернув все Государство? Надо еще отметить, что нравы и цензура, более сильные, чем это устройство, исправили многие его недостатки в Риме, и что иной богатч оказался выдворенным в класс бедных за то, что слишком выставлял напоказ свое богатство.

Из всего этого легко можно понять, почему почти всегда упоминаются лишь пять классов, хотя в действительности их было шесть. Шестой, не поставлявший ни солдат в армию, ни голосующих на Марсовом поле*, и почти ни на что непригодный при Республике, редко принимался в расчет.

* Я говорю на Марсовом, поле потому, что там именно и собирались Комиции по центуриям. При двух других формах народ собирался на форуме или в ином месте, и тогда у *capite censu* было столько же влияния и власти, сколько у первых граждан.

Таковы были различные разделения римского народа. Посмотрим теперь, к какому результату это приводило в собраниях. Эти собрания, законно созываемые, назывались Комициями; они происходили обычно на римском форуме или на Марсовом поле и разделялись на Комиции по куриям, Комиции по центуриям и Комиции по трибам, сообразно той из этих трех форм, по которой они созывались. Комиции по куриям были учреждены Ромулом, по центуриям Сервием, по трибам - народными Трибунами. Ни один закон не принимался, ни один магистрат не избирался иначе, как в Комициях; и так как не было ни одного гражданина, который не был бы записан в одну из курий, одну из центурий или одну из триб, то отсюда следует, что ни один гражданин не был лишен права голоса и что народ римский был по настоящему сувереном и юридически, и фактически.

Чтобы Комиции считались созванными законно и чтобы то, что там делалось, имело силу закона, необходимы были три условия: первое - чтобы корпорация или магистрат, которые их созывали, были для того

облечены надлежащей властью; второе - чтобы собрание происходило в один из дней, дозволенных законом; третье - чтобы предзнаменования были благоприятны.

На чем основано первое правило, не требуется объяснять второе - это вопрос порядка: так, не дозволялось собирать Комиции в праздничные и базарные дни, когда деревенский люд, прибывавший в Рим по своим делам, не имел времени, чтобы провести день на форуме. Посредством третьего условия Сенат держал в узде гордый и беспокойный народ и кстати умерял пыл мятежных трибунов. Эти последние, однако, находили не одно средство освободиться от такого рода стеснений. Обсуждению на Комициях подлежали не только законы и выборы правителей. Так как римский народ присвоил себе самые важные функции Правления, то можно сказать, что судьба Европы решалась на его собраниях. Это разнообразие вопросов порождало и различные формы этих собраний, смотря по тому, о чем надлежало принять решение. Чтобы судить об этих различных формах, достаточно их сравнить. Ромул, учреждая курии, имел в виду сдерживать Сенат с помощью народа и народ с помощью Сената, господствуя в равной мере над обоими. Посредством этой формы он дал народу преобладание в численности, чтобы уравновесить этим то преобладание в могуществе и богатстве, которое он оставил за патрициями. Но, сообразно с духом монархии, он предоставил все-таки больше преимуществ патрициям, которые через своих клиентов могли влиять на распределение голосов. Это удивительное установление патронов и клиентов было шедевром политики и человеческой природы; без него патрициат, столь противный духу Республики, не мог бы существовать. Риму одному принадлежала честь дать миру этот прекрасный пример, который никогда не приводил к злоупотреблениям, причем ему все же никогда не следовали. Так как именно эта форма курий существовала при царях до Сервия и так как царствование последнего Тарквиния (181) вообще не считалось законным, то царские законы, в отличие от всех других, стали обозначаться как *leges cunctatae**. При Республике курии, все так же ограничиваясь четырьмя городскими трибами и заключая в себе уже одну Лишь римскую чернь, не могли удовлетворить ни Сенат, стоящий во главе патрициев, ни Трибунов, которые, несмотря на то, что были плебеями, стояли во главе состоятельных граждан. Поэтому курии потеряли всякое значение; падение их было таково, что тридцать ликторов, собравшись вместе, делали то, что должны были делать Комиции по куриям.

* Законы, принятые куриями (лат.).

Разделение по центуриям было столь благоприятно для аристократии, что не сразу поймешь, почему Сенат не брал постоянно верх в Комициях, которые носили это название, и посредством которых избирались Консулы, Цензоры и другие курильные магистраты (182). В самом деле, из ста девяноста трех центурий, которые составляли все шесть классов народа Рима, в первый входило девяносто восемь, а так как голоса считались только по центуриям, то один первый класс имел перевес по числу голосов над всеми остальными. Когда все эти центурии приходили к соглашению, то уже прекращали сбор голосов; то, что решало меньшинство, выдавалось за решение большинства, и можно сказать, что в Комициях по центуриям дела решались скорее в зависимости от того, у кого было больше денег, чем от того, кто собрал больше голосов.

Но эта безмерная власть умерялась двумя средствами. Во-первых, поскольку в классе богатых состояли, обычно, Трибуны и, всегда, - большое число плебеев, то они уравнивали влияние патрициев в этом первом классе.

Второе средство состояло вот в чем: вместо того, чтобы приводить центурии к голосованию в соответствии с тем, в какой они входили класс, что вынуждало бы всегда начинать с первой, выбирали одну из них по жребию, и только эта одна* участвовала в выборах, после чего все центурии, созываемые на другой день, уже по их положению в общем порядке центурий, снова проводили выборы, и они обычно только подтверждали решение, вынесенное накануне. Так, право подавать пример, определявшееся положением центурии среди других центурий, отдавалось теперь жребию, согласно принципам демократии.

* Эта центурия, избиравшаяся по жребию, называлась *prerogativa* (от *prae* - пред, спереди и *rogare* - спрашивать (лат.)), потому что она была первой, у которой отбирали голоса; и отсюда-то и произошло слово *прерогатива*.

Из этого обычая проистекало еще одно преимущество, - то, что граждане деревни имели время между двумя ступенями выборов справиться о достоинствах неокончательно избранного кандидата, так чтобы подавать свои голоса со знанием дела. Но якобы для ускорения

дела, в конце концов добились отмены этого обычая, - и те и другие выборы стали проводиться в тот же день.

Комиции по трибам были собственно Советом римского народа. Они созывались только Трибунами; здесь избирались Трибуны и здесь же проходили проводимые ими плебисциты. Сенат не только не имел здесь никакого влияния, он даже не имел права здесь присутствовать; и, принужденные повиноваться законам, в голосовании которых они не могли принять участия, сенаторы в этом отношении были менее свободны, чем самые последние из граждан. Эта несправедливость понималась совершенно неправильно, а ее одной было достаточно, чтобы сделать недействительными декреты такого целого, куда имели доступ не все его члены. Если бы даже все патриции и присутствовали на этих Комициях по праву, которое они на это имели в качестве граждан, то, обратившись тогда в простых частных лиц, они почти не влияли бы на исход такого рода голосования, которое осуществляется путем поголовного подсчета голосов, и где самый ничтожный пролетарий имеет столько же значения, как и Первый Сенатор.

Таким образом мы видим, что эти различные распределения не только создавали порядок при подсчете голосов столь многочисленного народа, но, кроме того, они никак не сводились к формам, безразличным сами по себе, каждая давала свои результаты, соответствующие тем целям, которые и заставили предпочесть эту форму всем другим.

Даже если не входить насчет этого в дальнейшие подробности, из предыдущих разъяснений вытекает, что Комиции по трибам были наиболее благоприятны для народного правления, а Комиции по центуриям - для аристократии. Что до Комиции по куриям, где одна только римская чернь составляла большинство, то, поскольку они годились лишь для того, чтобы создавать благоприятные условия для тирании и дурных замыслов, они должны были потерять всякую славу, потому что даже мятежники воздерживались от такого средства, которое слишком явно раскрывало их планы. Несомненно, что все величие римского народа воплощалось в Комициях по центуриям, которые одни только были полными, тогда как в Комициях по куриям не хватало сельских триб, а в Комициях по трибам - Сената и патрициев.

Что до способа подсчета голосов, то у первых римлян он был столь же прост, как и их нравы, хотя и не до такой степени, как в Спарте. Каждый подавал свой голос вслух, писец по очереди их записывал; большинство голосов в каждой трибе определяло результат голосования

трибы; большинство голосов среди триб определяло результат голосования народа; и так же в куриях и центуриях. Этот обычай был хорош, пока честность царила между гражданами и когда каждый стыдился подавать публично голос за несправедливое мнение или за недостойного кандидата. Но, когда народ развратился и когда голоса стали покупать, уже потребовалась тайная подача голосов, чтобы недоверием сдерживать покупателей и чтобы оставить плутам возможность не быть изменниками.

Я знаю, что Цицерон порицает эту перемену и видит в ней одну из причин падения Республики. Но хотя я и понимаю, какой вес должно иметь в данном случае авторитетное мнение Цицерона (183), я не могу с ним согласиться: я думаю, напротив, что гибель Государства ускорили тем, что не совершали достаточно часто изменений подобного рода. Как пища людей здоровых не годится для больных, так же не следует желать управлять испорченным народом посредством тех же законов, которые подходят для народа здорового. Ничто не доказывает этого правила лучше, чем долговечность Венецианской Республики, некоторое подобие которой существует еще и сейчас единственно потому, что ее законы годятся лишь для недобрых людей.

Гражданам, таким образом, стали раздавать таблички, с помощью которых каждый мог голосовать так, чтобы неизвестно было, каково его мнение. Установили также новые формальности при собрании табличек, подсчете голосов, сравнении чисел и так далее, что не помешало часто подозревать добросовестность чиновников, на коих были возложены эти обязанности*. Наконец, чтобы предотвратить частные сделки и куплю-продажу голосов, издавали особые эдикты, самая многочисленность которых свидетельствует о их бесполезности.

*Custodes, Diribitores, Rogatores suffragiorum (наблюдатели, раздатчики табличек, собиратели голосов (лат.)).

В последние времена Республики часто приходилось прибегать к чрезвычайным средствам, чтобы восполнить неудовлетворенность законов. То предвещали чудеса; но это средство, которое могло воздействовать на народ, не действовало на тех, которые им управляли; то спешно созывали собрание прежде, чем кандидаты могли успеть заключить свои сделки; то все собрание посвящали речам, когда видели, что народ обманут и готов принять дурное решение. Но, в конце концов, честолюбие успешно обходило все препятствия; и вот что представляется

почти невероятным - среди стольких злоупотреблений, этот огромный народ, следуя старинным правилам, не переставал выбирать магистратов, проводить законы, разбирать тяжбы, отправлять дела частные и общественные почти с такою же легкостью, с какою это мог бы делать сам Сенат.

Глава V. О трибунате

Когда невозможно установить точное соотношение между составными частями Государства или когда причины, устранить которые нельзя, беспрестанно нарушают эти соотношения, тогда устанавливают особую магистратуру, никак не входящую в общий организм, и она возвращает каждый член в его подлинное отношение и образует связь или средний член пропорции, либо же между государем и народом, либо между государем и сувереном, либо же между обеими сторонами одновременно, если это необходимо.

Этот организм, который я назову Трибунатом, есть блюститель законов и законодательной власти. Он служит иногда для того, чтобы защищать суверен от Правительства, как это делали в Риме народные Трибуны; иногда - чтобы поддерживать Правительство против народа, как это делает теперь в Венеции Совет Десяти; иногда же - чтобы поддерживать между ними равновесие, как это делали Эфоры (184) в Спарте.

Трибунат вовсе не есть составная часть Гражданской общины и не должен обладать никакой долей ни законодательной, ни исполнительной власти. Но именно его власть еще больше, ибо, не будучи в состоянии ничего сделать, Он может всему помешать. Он более священен и более почитаем как защитник законов, чем государь, их исполняющий, и чем суверен, их дающий. Это очень ясно видно в Риме, когда гордые патриции, всегда презиравшие весь народ, принуждены были склоняться перед простым чиновником народа, который не имел ни покровительства, ни юрисдикции.

Трибунат, разумно умеряемый, - это наиболее прочная опора доброго государственного устройства; но если он получает хоть немногим более силы, чем следует, он опрокидывает все. Что до слабости, то она не в его природе, и если только представляет он из себя кое-что, он никогда не может значить менее, чем нужно.

Он вырождается в тиранию, когда узурпирует исполнительную власть, которую он должен лишь умерять, и когда хочет издавать законы,

которые должен лишь блюсти. Огромная власть Эфоров не представляла опасности, пока Спарта сохраняла свои нравы, но она ускорила их начавшееся разложение. Кровь Агиса (185), убитого этими тиранами, была отмщена его преемником; преступление и наказание Эфоров равным образом ускорили гибель Республики, и после Клеомена (186) Спарта уже была ничем. Рим нашел свою погибель на том же пути; и чрезвычайная власть трибунов, шаг за шагом узурпируемая, послужила, в конце концов, с помощью законов, созданных для сохранения свободы, охранною грамотою императорам, которые ее уничтожили. Что же до Совета Десяти в Венеции, то - это кровавое судилище, одинаково ужасное и для патрициев и для народа; и оно, вместо того, чтобы защищать своим высоким авторитетом законы, служит, после полного вырождения оных, лишь для того, чтобы наносить в потемках удары, которые не смеют даже замечать.

Трибунат ослабляется, как и Правительство, при увеличении числа его членов. Когда Трибуны римского народа, сначала в числе двух, затем пяти, хотели удвоить это число, то Сенат им не противился, твердо уверенный, что сможет сдерживать одних с помощью других: это и не преминуло случиться.

Лучшее средство предупредить узурпацию столь опасного корпуса, средство, о котором не помышляло до сих пор ни одно Правительство, было бы не делать этот корпус постоянным, но определять промежутки, в течение которых он прекращал бы свое существование. Эти промежутки, которые не должны быть настолько велики, чтобы дать время злоупотреблениям утвердиться, могут устанавливаться Законом, так чтобы их легко можно было в случае необходимости сокращать посредством чрезвычайных указов.

Это средство, мне кажется, не представляет затруднений, потому что, как я сказал, трибунат, не составляя части государственного устройства, может быть устранен без ущерба для этого последнего; и оно мне кажется действенным, потому что магистрат, вновь введенный, отправляется вовсе не от той власти, которую имел его предшественник, но от власти, которую дает ему Закон.

Глава VI. О диктатуре

Негибкость законов, препятствующая им применяться к событиям, может в некоторых случаях сделать их вредными и привести через них к гибели Государство, когда оно переживает кризис. Соблюдение порядка и форм требует некоторого времени, в котором обстоятельства иногда отказывают. Может представиться множество случаев, которых законодатель вовсе не предвидел, и это весьма необходимая предусмотрительность: понять, что не все можно предусмотреть. Не нужно поэтому стремиться к укреплению политических установлении до такой степени, чтобы отнять у себя возможность приостановить их действие. Даже Спарта давала покой своим законам. Но лишь самые большие опасности могут уравновесить ту, которую влечет за собою изменение строя общественного; и никогда не следует приостанавливать священную силу законов, если дело не идет о спасении отечества. В этих редких и очевидных случаях забота об общественной безопасности выражается особым актом, который возлагает эту обязанность на достойнейшего. Это поручение может быть дано двумя способами, в соответствии с характером опасности. Если, чтобы ее устранить, достаточно увеличить действенность Правительства, то Управление сосредоточивают в руках одного или двух из его членов, и, таким образом, изменяют не власть законов, а только форму их применения. Если же опасность такова, что соблюдение закона становится препятствием к ее предупреждению, то назначают высшего правителя, который заставляет умолкнуть все законы и на некоторое время прекращает действие верховной власти суверена. В подобном случае то, в чем заключается общая воля, не вызывает сомнений, и очевидно, что первое желание народа состоит в том, чтобы Государство не погибло. Следовательно, прекращение действия законодательной власти отнюдь ее не уничтожает. Магистрат, который заставляет эту власть умолкнуть, не может заставить ее говорить; он господствует над нею, не будучи в состоянии быть ее представителем. Он может творить все, исключая законы.

Первое средство применялось римским Сенатом, когда он формулою посвящения возлагал на Консулов обязанность принимать меры для спасения Республики. Второе - когда один из двух Консулов назначал Диктатора*: обычай этот был принят Римом по примеру Альбы.

* Это назначение совершалось ночью и тайно, как будто стыдились поставить человека выше законов.

В первые времена Республики к диктатуре прибегали весьма часто, потому, что Государство не было еще настолько устойчивым, чтобы оно могло поддерживать себя одною лишь силою своего внутреннего устройства.

Так как нравы тогда делали излишними множество предосторожностей, которые были бы необходимы в другое время, то не боялись ни того, что Диктатор злоупотребит своею властью, ни что он попытается удержать ее сверх установленного срока. Казалось, напротив, что столь огромная власть была бременем для того, кто ею был облечен, настолько он торопился от нее освободиться, как если бы это было делом слишком трудными слишком опасным: заменять собою законы.

Поэтому не опасность дурного употребления, а опасность вырождения этой высшей магистратуры заставляет меня осуждать неумеренное пользование ею в первые времена Республики. Ибо если так щедро назначали на эту должность для проведения выборов, освящения храмов, выполнения вещей чисто формальных, то можно было уже опасаться, как бы она не стала менее грозной в случае подлинной необходимости, и как бы постепенно не привыкли видеть в диктатуре пустое звание, если его используют лишь при пустых церемониях.

К концу Республики римляне, став более осмотрительными, избегали диктатуры столь же неразумно, как прежде неразумно ею злоупотребляли. Отрадно было убедиться, что опасения их были мало основательны; что самая слабость столицы была залогом ее безопасности при всяких посягательствах магистратов, которые пребывали в самом лоне; что Диктатор мог в известных случаях защищать свободу общественную, никогда не имея возможности посягнуть на нее; и что надетые на Рим оковы, очевидно, были выкованы вовсе не в самом Риме, а в его армиях. То слабое сопротивление, которое оказали Марий - Сулле и Помпей - Цезарю, ясно показало, чего можно было ожидать от внутренней власти, обращенной против внешней силы. Эта ошибка заставила их совершить крупные промахи: так, например, когда не назначили диктатора в деле Катилины (188). Ибо, поскольку вопрос шел лишь о самом городе, и самое большее о какой-нибудь итальянской провинции, то с тою неограниченной властью, которую законы давали диктатору, он мог бы легко рассеять заговор; а заговор тот был подавлен

лишь благодаря счастливому стечению случайностей, на что никогда не должно было полагаться человеческое благоразумие.

Вместо этого Сенат ограничился передачей всей своей власти Консулам. Так и случилось, что Цицерон, чтобы действовать успешно, был вынужден превзойти свою власть в существенном пункте; и если первые взрывы ликования заставили одобрить его поведение, то впоследствии с полным основанием у него потребовали отчета за кровь граждан, пролитую вопреки законам: этого упрека нельзя было бы сделать Диктатору. Но красноречие Консула пленило всех; и сам он, хотя и римлянин, любил больше собственную славу, чем отечество, и не столько искал наиболее законного и наиболее верного способа спасти Государство, сколько средства приписать себе все заслуги в этом деле*. Поэтому его справедливо осыпали почестями как освободителя Рима и столь же справедливо наказали как нарушителя законов. Как бы блестяще ни было его возвращение из ссылки, это была уже, несомненно, милость.

* Именно в этом он и не мог быть убежден, если бы предложил назначить Диктатора, так как не смел назвать самого себя и не мог быть уверен, что его коллега назовет его.

Впрочем, каким бы способом ни было дано это важное поручение, важно ограничить его продолжительность весьма кратким сроком, который ни в коем случае не может быть продлен. Во время кризисов, которые и заставляют учреждать диктатуру. Государство вскоре бывает уничтожено или спасено, и, раз настоятельная необходимость миновала, диктатура делается тиранической или бесполезной.

В Риме Диктаторы, оставаясь таковыми лишь на шесть месяцев, отказывались большей частью от этой должности еще до истечения срока. Если бы срок был больше, они, быть может, попытались бы еще его продлить, как поступили Децемвиры с годичным сроком. У Диктатора было лишь время, чтобы распорядиться в отношении того крайнего случая, который сделал необходимым его избрание; у него не было времени помышлять о других планах.

Глава VII. О цензуре

Подобно тому, как провозглашение общей воли совершается посредством Закона, так и объявление суждения всего общества производится посредством цензуры. Общественное мнение есть своего

рода Закон, служителем которого выступает Цензор; он лишь применяет этот закон, по примеру государя, к частным случаям.

Цензорский трибунал, таким образом, вовсе не является судьей народного мнения, - он лишь объявляет его; и как только он от него отходит, его решения уже безосновательны и не имеют действия.

Бесполезно проводить различие между нравами какого-либо народа и тем, что он почитает, ибо все это восходит к одному и тому же принципу и неизбежно смешивается. У всех народов мира не сама природа, а их взгляды определяют, что им любо. Исправьте взгляды людей, и нравы их сами собою сделаются чище. Любят всегда то, что прекрасно, или то, что находят таковым; но в этом-то суждении и ошибаются; следовательно, именно это суждение и следует выправлять. Кто судит о нравах, судит о чести, а кто судит о чести, тот выводит свой закон из общего мнения.

Взгляды народа порождаются его государственным устройством. Хотя Закон и не устанавливает нравы, но именно законодательство вызывает их к жизни: когда законодательство слабеет, нравы вырождаются. Но тогда приговор цензоров уже не может сделать того, чего не сделала сила законов.

Отсюда следует, что цензура может быть полезна для сохранения нравов, но никогда - для их восстановления. Учреждайте Цензоров, пока законы в силе; как только они потеряли силу - все безнадежно; ничто, основанное на законе, больше не имеет силы, когда ее не имеют больше сами законы. Цензура оберегает нравы, препятствуя порче мнений, сохраняет их правильность, мудро прилагая их к обстоятельствам, иногда даже уточняет их, когда они еще неопределенны. Обычай иметь секундантов на дуэлях, доведенный до умопомрачения во Французском королевстве, был здесь уничтожен единственно следующими словами одного из королевских эдиктов: "Что до тех, которые имеют трусость звать секундантов..." Этот приговор, предупреждая приговор общества, сразу же определил его. Но когда те же эдикты захотели объявить, что и драться на дуэли это трусость, - что весьма верно, но противоречит общему мнению, то общество подняло на смех это решение, о котором у него уже составилось свое суждение. Я сказал в другом месте*, что так как мнение общественное не может подвергаться принуждению, то не требовалось ни малейшего намека на это в коллегии, учрежденной, чтобы его представлять. Нельзя вдоволь надивиться на то, с каким искусством этот движитель, полностью утраченный у людей новых времен,

действовал у римлян, а еще лучше у лакедемонян. Когда человек дурных нравов высказывал верное мнение в Совете Спарты, то Эфоры, не принимая его в расчет, поручали какому-нибудь добродетельному гражданину высказать то же соображение. Какая честь для одного, какое предостережение для другого, хотя ни тот, ни другой не получили ни похвалы, ни порицания! Какие-то пьяницы с Самоса** осквернили трибунал Эфоров: на другой день публичным эдиктом самосцам было разрешено быть негодяями. Когда Спарта выносила приговор относительно того, что честно или бесчестно, то Греция не оспаривала ее приговоры.

* Я лишь указываю в этой главе то, что я более пространно рассмотрел в Письме к г-ну д'Аламберу (190).

** Они были с другого острова, который в этом случае запрещают нам назвать принятые в нашем языке приличия (191).

Глава VIII. О гражданской религии

У людей сначала не было ни иных царей, кроме богов, ни иного Правления, кроме теократического. Они рассуждали как Калигула, и рассуждали тогда правильно. Требуется длительное извращение чувств и мыслей, чтобы люди могли решиться принять за господина себе подобного и льстить себя надеждою, что от этого им будет хорошо.

Из одного того, что во главе каждого политического общества ставили бога, следовало, что было столько же богов, сколько народов. Два народа, друг другу чуждых и почти всегда враждебных, не могли долго признавать одного и того же господина; две армии, вступая в битву друг с другом, не могли бы повиноваться одному и тому же предводителю. Так из национального размежевания возникало многобожие, и отсюда теологическая и гражданская нетерпимость, что, естественно, одно и то же, как это будет показано ниже.

Если греки воображали, что находят своих богов у варварских народов, так это потому, что они, точно так же, воображали себя природными суверенами этих народов. Но в наши дни весьма смехотворной выглядит такая ученость (192), которая доказывает тождественность богов различных народов; как будто Молох (193), Сатурн и Кронос могли быть одним и тем же богом; как будто Ваал (194) финикийян, Зевс греков и Юпитер латинян могли быть одним и тем же;

как будто могло остаться что-либо общее у фантастических существ, носивших различные имена!

Если же спросят, почему во времена язычества, когда у каждого Государства была своя вера и свои боги, не было никаких религиозных войн, то я отвечу, что так было именно потому, что каждое Государство, имея свою веру, равно как и свое Правление, не отличало собственных богов от собственных законов. Политическая война была также религиозной; области каждого из богов были, так сказать, определены границами наций. Бог одного народа не имел никаких прав на другие народы. Боги язычников вовсе не были богами завистливыми; они разделили между собою власть над миром. Даже Моисей и народ древнееврейский иногда склонялись к этой мысли, говоря о боге Израиля. Они считали, правда, за ничто богов хананеян (195), народов проклятых, обреченных на уничтожение, место которых они призваны были занять. Но посмотрите, как говорили они о божествах соседних народов, нападать на которых им было запрещено: Разве владение тем, что принадлежит Хамосу (196), вашему богу? - говорил Иефай аммонитянам (197), - не положено вам по закону? Мы по тому же праву обладаем землями, которые наш Бог-победитель приобрел для себя*. Это означало, как мне кажется, полное признание равенства между правами Хамоса и правами бога Израиля.

Но когда евреи, подчиненные царям вавилонским, а впоследствии царям сирийским, захотели упорствовать в непризнании какого-либо иного бога, кроме своего, то этот отказ уже рассматривался как бунт против, победителя и навлек на евреев те преследования, о которых можно прочесть в их истории и которым примера мы не видим нигде до возникновения христианства**.

* Nonne ea quae possidet Chamos deus tibi jure debentur? Таков текст Вульгаты (199) . Отец де Каррьер перевел: "Не полагаете ли вы, что имеете право владеть тем, что принадлежит Хамосу, богу вашему?" Мне неизвестно, как сильно выражается это в древнееврейском тексте, но я вижу, что в Вульгате Иефай положительно признает право бога Хамоса и что французский переводчик ослабляет это признание посредством слов по-вашему, чего нет в латинском тексте.

** Совершенно очевидно, что Фокейская война (200), называемая священной войной, не была войной религиозной. Она имела целью наказание святотатцев, а не подчинение инаковерующих.

Всякая религия была, следовательно, неразрывно связана с законами того Государства, которое ее предписывало, а раз так, то не было иного способа обратить народ в свою веру, как поработить его, ни иных миссионеров, кроме как завоеватели; а так как обязательство изменить веру было законом для побежденных, то нужно было победить, а затем уже говорить об этом. Вовсе не люди сражались за богов, но, как у Гомера, боги сражались за людей; каждый просил победы у своего бога и платил за нее новыми алтарями. Римляне, прежде чем брать какой-нибудь город, приказывали местным богам его покинуть; и если они оставили тарентинцам их разгневанных богов, то лишь потому, что считали тогда этих богов подчиненными своим и принужденными воздавать им почести. Они оставляли побежденным их богов подобно тому, как оставляли им их законы. Венец Юпитеру Капитолийскому (198) был часто единственной данью, которую они налагали.

Наконец, поскольку римляне вместе со своею властью распространяли и свою веру и своих богов и так как они часто сами принимали богов побежденных народов в число своих собственных, предоставляя и тем и другим право гражданства, то у народа этой обширной империи незаметно оказалась масса богов и верований, почти одинаковых повсюду; и вот каким образом язычество стало в известном тогда мире единственной и единой религией.

При этих-то обстоятельствах Иисус и пришел установить на земле царство духа; а это, отделяя систему теологическую от системы политической, привело к тому, что Государство перестало быть единым, и вызвало междоусобные распри, которые с тех пор уже никогда не переставали волновать христианские народы. А так как эта новая идея царства не от мира сего никак не могла уместиться в головах язычников, то они всегда смотрели на христиан, как на настоящих мятежников, которые, под личиною покорности, искали лишь удобного момента, чтобы сделаться независимыми повелителями, и ловко захватить власть, которой они, пока были слабы, выказывали лишь притворное уважение. Такова была причина гонений.

То, чего боялись язычники, свершилось. Тогда все изменило свой облик; смиренные христиане заговорили иным языком, и вскоре стало видно, как это так называемое царство не от мира сего обернулось, при видимом земном правителе (201), самым жестоким деспотизмом в этом мире.

Однако, поскольку постоянно существовали также и государь и гражданские законы, то, в результате такого двоевластия, возник вечный спор относительно разграничения власти, что и сделало совершенно невозможным в христианских государствах какое-либо хорошее внутреннее управление, и никогда нельзя было понять до конца, кому - светскому господину или священнику положено повиноваться.

Все же многие народы, и даже в Европе или в ее соседстве, захотели сохранить или восстановить прежнюю систему но не имели успеха. Дух христианства заполонил все. Религия так и осталась или вновь сделалась независимой от суверена и утратила необходимую связь с организмом Государства. У Магомета были весьма здравые взгляды; он хорошо связал воедино всю свою политическую систему, и пока форма его Правления продолжала существовать при халифах (202), его преемниках. Правление это было едино и тем именно хорошо. Но арабы, сделавшись народом процветающим, образованным, воспитанным, изнеженным и трусливым, были покорены варварами: тогда снова началось размежевание между обеими властями. Хотя оно и менее явственно у магометан, чем у христиан, но оно все же есть у первых, в особенности, в секте Али (203); и есть государства, как Персия, где оно дает себя чувствовать и поныне.

У нас в Европе короли Англии нарекли себя главами Церкви (204); так же поступили и русские цари (205). Но, с помощью этого титула, они сделались не столько господами Церкви, сколько ее служителями; они приобрели не столько право ее изменять, как власть ее поддерживать; они в ней не законодатели, они в ней лишь государи. Везде, где духовенство составляет корпорацию*, оно - повелитель и законодатель в своей области. Существует, следовательно, две власти, два суверена и в Англии и в России так же, как и в других местах.

* Следует заметить, что духовенство превращает в единый Корпус не столь его официальные собрания, как во Франции, сколь общение Церквей. Общение и отлучение от него являются общественным соглашением духовенства, соглашением, с помощью которого оно всегда будет повелителем народов и королей. Все священники, которые пребывают между собою в общении, суть граждане, пусть даже они живут на противоположных концах света. Это изобретение - шедевр политики. Ничего подобного не существовало среди языческих

священнослужителей; поэтому они никогда не составляли Корпуса духовенства.

Из всех христианских авторов философ Гоббс - единственный, кто хорошо видел и зло, и средство его устранения, кто осмелился предложить соединить обе главы орла и привести все к политическому единству, без которого ни Государство, ни Правление никогда не будут иметь хорошего устройства. Но он должен был видеть, что властолюбивый дух христианства несовместим с его системой и что интересы священника будут всегда сильнее, чем интересы Государства. Не столько то, что есть ужасного и ложного в политических воззрениях Гоббса, как то, что в них есть справедливого и истинного, и сделало их ненавистными**.

** Смотрите, между прочим, в одном из писем Гроция к брату, от 11апреля 1043 г., что этот ученый человек одобряет и что порицает в книге de Cuve ("О гражданине" (лат.) (207). Правда, склонный к снисходительности, он, по-видимому, прощает автору то, что он сказал хорошего, за то, что он сказал дурного, но не все столь снисходительны.

Я полагаю, что, рассматривая под этим углом зрения исторические факты, легко можно было бы опровергнуть противоположные взгляды Бейля (206) и Уорбертона, из которых один утверждает, что никакая религия не полезна для политического организма, а другой уверяет, напротив, что христианство - это самая твердая его опора. Можно было бы доказать первому, что не было создано ни одно Государство без того, чтобы религия не служила ему основой; а второму - что христианский закон в сущности более вреден, чем полезен, для прочного государственного устройства. Чтобы меня поняли до конца, я должен лишь придать немного более точности тем слишком неопределенным религиозным идеям, которые имеют отношение к моей теме.

Религия по ее отношению к обществу, которое может пониматься в широком значении, или в более узком (208), разделяется на два вида, именно: религию человека и религию гражданина. Первая - без храмов, без алтарей, без обрядов, ограниченная чисто внутреннею верою во всевышнего Бога и вечными обязанностями морали, - это чистая и простая религия Евангелия, истинный теизм и то, что можно назвать естественным божественным правом. Другая, введенная в одной только стране, дает ей своих богов, своих собственных патронов и покровителей. У нее свои догматы, свои обряды, свой внешний культ, предписываемый

законами; исключая ту единственную нацию, которая ей верна, все остальное для нее есть нечто неверное, чуждое, варварское; она распространяет обязанности и права человека не далее своих алтарей. Таковы были все религии первых народов, которые можно назвать божественным правом гражданским или положительным.

Существует еще третий род религии, более необычайный и странный; эта религия, давая людям два законодательства, двух правителей, два отечества, налагает на них взаимоисключающие обязанности и мешает им быть одновременно набожными и гражданами. Такова религия Лам, такова религия японцев, таково римское христианство (209). Эту последнюю можно назвать религией священнической. Отсюда происходит такой род смешанного и необщественного права, которому нет точного названия.

Если рассматривать эти три рода религии с точки зрения политической, то все они имеют свои недостатки. Третий род ее столь явно плох, что забавляться, доказывая это, значило бы попусту терять время. Все, что нарушает единство общества, никуда не годится; все установления, ставящие человека в противоречие с самим собою, не стоят ничего.

Вторая хороша тем, что соединяет в себе веру в божество и любовь к законам и тем, что, делая отечество предметом почитания для граждан, она учит их, что служить Государству - это значит служить Богу-покровителю. Это - род теократии, при которой вообще не должно иметь ни иного первосвященника, кроме государя, ни иных священнослужителей, кроме магистратов. Тогда умереть за свою страну - это значит принять мученичество; нарушить законы - стать нечестивцем; а подвергнуть виновного проклятию общества - это значит обречь его гневу богов: "Sacer estod"*.

* Да будет проклят! (лат.).

Но она плоха тем, что будучи основана на заблуждении и лжи, она обманывает людей, делает их легковверными, суеверными и топчет подлинную веру в Божество в пустой обрядности. Она еще более плоха тогда, когда, становясь исключительной и тиранической, она делает народ кровожадным и нетерпимым; так что он живет лишь убийством и резней и полагает, что делает святое дело, убивая всякого, кто не признает его богов. Это, естественно, ставит такой народ в состояние войны со всеми остальными, весьма вредное для собственной безопасности.

Остается, следовательно, религия человека, или христианство, но не нынешнее, а Евангелия, которое совершенно отлично от первого. Согласно этой религии, святой, возвышенной и истинной, люди, чада единого Бога, признают себя все братьями; а общество, которое их объединяет, не распадается даже с их смертью.

Но эта религия, не имея никакого собственного отношения к Политическому организму, оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой; и от этого одна из главнейших связей отдельного общества остается неиспользованною. Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному.

Нам говорят, что народ из истинных христиан составил бы самое совершенное общество, какое только можно себе представить. В этом предположении я вижу только одну большую трудность: общество истинных христиан не было бы уже человеческим обществом.

Я даже утверждаю, что это предполагаемое общество не было бы, при всем его совершенстве, ни самым сильным, ни самым прочным. Вследствие того, что оно совершенно, оно было бы лишено связи; разрушающий его порок состоял бы в самом его совершенстве.

Каждый исполнял бы свой долг: народ был бы подчинен законам; правители были бы справедливы и воздержанны, магистраты - честны, неподкупны; солдаты презирали бы смерть; не было бы ни тщеславия, ни роскоши. Все это очень хорошо, но посмотрим, что дальше.

Христианство - это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего. Он исполняет свой долг, это правда; но он делает сие с глубоким безразличием к успеху или неудаче его стараний. Лишь бы ему не за что было себя упрекать, а там - для него не важно, хорошо или дурно обстоит все здесь, на земле. Если Государство процветает, он едва решается вкушать от общественного благоденствия; он боится возгордиться славою своей страны. Если Государство приходит в упадок, он благословляет руку Божию, обрушившуюся на его народ.

Чтобы в обществе царил мир и чтобы не нарушалась гармония, следовало бы, чтобы все граждане без исключения были равно добрыми христианами. Но если, к несчастью, найдется хоть один-единственный честолюбец, один-единственный лицемер, какой-нибудь Катилина, например, какой-нибудь Кромвель, то он, конечно же, легко справится со

своими благочестивыми соотечественниками. Христианское милосердие с трудом допускает, чтобы можно было худо думать о ближнем своем. Как только такому человеку, с помощью какой-либо хитрости, удастся их обмануть и завладеть частью публичной силы, - он уже укрепился в своем положении; Богу угодно, чтобы его уважали; вскоре является и власть; Богу угодно, чтобы ей повиновались. Блюститель этой власти злоупотребляет ею? Это - розга, которою Бог наказывает своих детей. Совестно было бы изгнать узурпатора; нужно было бы нарушить покой общественный, пустить в ход насилие, пролить кровь. Все это плохо вяжется с кротостью христианина, и после всего разве не безразлично, быть ли свободным или рабом в этой юдоли скорби? Главное - попасть в рай; а покорность воле Божьей - это лишь еще одно средство к тому. Случится ли какая внешняя война? Граждане охотно идут на бой; ни один между ними не помышляет о бегстве; они исполняют свой долг, но без страсти к победе; они скорее умеют умирать, чем побеждать. Окажутся они победителями или побежденными, какое это имеет значение? Разве Провидение не знает лучше, что им надобно? Представьте себе, какую выгоду может извлечь неприятель гордый, неистовый, страстный из их стоицизма! Поставьте лицом к лицу с ними те благородные народы, которые снедала неукротимая любовь к славе и к отечеству; предположите, что ваша Христианская Республика стоит против Спарты или Рима. Набожные христиане будут разбиты, раздавлены, уничтожены, прежде чем успеют опомниться, или будут обязаны спасением лишь тому презрению, которое будет питать к ним их враг. Прекрасна была, по-моему, клятва солдат Фабия: они клялись не умереть или победить; они поклялись вернуться победителями и сдержали клятву. Никогда не принесли бы подобную клятву христиане: они подумали бы, что этим искушают Бога.

Но я ошибаюсь, когда говорю "Христианская Республика": каждое из этих слов исключает другое. Христианство проповедует лишь рабство и зависимость. Его дух слишком благоприятен для тирании, чтобы она постоянно этим не пользовалась. Истинные христиане созданы, чтобы быть рабами; они это знают, и это их почти не тревожит; сия краткая жизнь имеет в их глазах слишком мало цены.

Христианские войска превосходны, говорят нам. Я это отрицаю. Пусть мне покажут таковые. Что до меня, то я вообще не знаю никаких христианских войск. Мне приведут в пример Крестовые походы. Не вступая в споры о доблести крестоносцев, замечу, что это вовсе не были

христиане, это были солдаты первосвященника; это были граждане церкви. Они сражались за ее духовную страну, которую она неизвестно как превратила в земную. Строго говоря, это опять сводится к язычеству. Поскольку Евангелие не устанавливает никакой национальной религии, среди христиан невозможна священная война.

При языческих императорах христианские солдаты были храбры; все христианские авторы уверяют нас в этом, и я им верю: это было соревнование в чести с языческими войсками. Как только императоры стали христианами, это соревнование прекратилось, и когда крест изгнал орла, не стало и всей римской доблести.

Но, оставляя в стороне политические соображения, вернемся к праву и установим принципы по этому важному пункту. Право над подданными, которое получает суверен по общественному соглашению, никак не распространяется, как я сказал, далее границ пользы для всего общества*. Следовательно, подданные обязаны суверену отчетом в своих воззрениях лишь постольку, поскольку эти воззрения важны для общины. А для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляет бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим (210). Каждый может иметь, кроме этого, какие ему угодно мнения, и суверену вовсе не положено их знать. Ибо, поскольку он не обладает никакими полномочиями в ином мире, то какова бы ни была судьба его подданных в грядущей жизни, - это не его дело, лишь бы они были хорошими гражданами в этой.

* В Республике, - говорит м[аркиз] д'А[ржансон], - каждый совершенно свободен, в том, что не вредит остальным (212). Вот неизменная граница, ее нельзя определить более точно. Я не могу отказать себе в удовольствии сослаться иногда на эту рукопись, хотя и неизвестную публике, чтобы воздать должное памяти славного и уважаемого человека, который, даже став министром, сохранил сердце истинного гражданина и прямые и здравые взгляды на образ правления в своей стране.

Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правило общежития, без которых невозможно

быть ни добрым гражданином, ни верным подданным^{**}. Не будучи в состоянии обязать кого бы то ни было в них верить, он может изгнать из Государства всякого (211), кто в них не верит, причем не как нечестивца, а как человека, неспособного жить в обществе, как человека, неспособного искренне любить законы, справедливость и жертвовать в случае необходимости жизнью во имя долга. Если же кто-либо, признав уже публично эти догматы, ведет себя, как если бы он в них не верил, пусть он будет наказан смертью; он совершил наибольшее из преступлений: он солгал перед законами.

^{**} Цезарь защищая Катилину (213) , пытался установить догмат смертности души. Чтобы его опровергнуть, Катон и Цицерон не стали забавлять их философствованием; они ограничились указанием на то, что Цезарь говорил как дурной гражданин и выдвигал систему взглядов, гибельную для Государства. И Сенату римскому, в самом деле, надлежало принять решение именно относительно этого, а не по богословскому вопросу.

Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев. Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов, - вот догматы положительные. Что касается отрицательных догматов, то я ограничусь одним-единственным: это нетерпимость. Она входит в те религиозные культы, которые мы исключили.

Те, кто отличают нетерпимость гражданскую от нетерпимости теологической, по-моему, ошибаются. Оба эти вида нетерпимости не отделимы друг от друга. Невозможно жить в мире с людьми, которых считаешь проклятыми; любить их, значило бы ненавидеть Бога, который их карает; безусловно необходимо, чтобы они были обращены в нашу веру или чтобы они подверглись преследованиям. Всюду, где допущена религиозная нетерпимость, невозможно, чтобы она не имела никакого воздействия на то, что относится к гражданскому порядку*. А как только нетерпимость получает возможность такого воздействия, суверен более не суверен, даже в земной жизни. С этих пор священнослужители, это настоящие повелители, а короли суть лишь их чиновники.

* Брак, например, являясь гражданским договором, дает гражданские права, без коих невозможно даже само существование общества. Предположим, что какому-либо духовенству удастся присвоить себе одному право осуществлять этот акт, - право, которое оно неизбежно должно узурпировать при всякой нетерпимой религии. Разве не ясно в этом случае, что, возвышая власть Церкви, оно сделает бесполезной власть государя, которому тогда достанутся лишь те подданные, коих соблаговолит отдать ему духовенство? Поскольку духовенство будет господином над тем, венчать или не венчать людей, смотря по тому, признают или не признают они то или иное учение: смотря по тому, примут или отвергнут они ту или иную форму исповедания; смотря по тому, будут ли они ей более или менее преданы; то разве не ясно, что, поступая благоразумно и не уступая, оно одно будет распоряжаться распределением наследств, должностей, гражданами, самим Государством, которое не сможет существовать, если оно будет состоять только из незаконнорожденных? Но, скажут, в этом увидят злоупотребление; вызовут на суд, издадут декреты, обратятся к светской власти. Какое убожество! Духовенство, если оно будет обладать сколько-нибудь, - я не говорю даже мужеством, - здравым смыслом, не будет противиться и пойдет своим путем. Оно спокойно позволит жаловаться, вызывать в суд, издавать декреты, арестовывать и в конце концов останется господином положения. Это, мне думается, небольшая жертва, - уступить часть, если ты уверен, что завладеешь всем (214).

Теперь, когда нет уже и не может быть религии одного только народа, которая исключала бы все остальные, должно терпеть все религии, которые и сами терпимы к другим, если только их догматы ни в чем не противоречат долгу гражданина. Но кто смеет говорить: "вне Церкви нет спасения", тот должен быть изгнан из Государства, если только Государство это не Церковь, и государь это не Первосвященник. Такой догмат хорош лишь при теократическом Правлении; при всяком другом он пагубен. Причина, по которой, как говорят, Генрих IV перешел в католичество (215), должно была бы побудить отречься от этой веры всякого честного человека, и, особенно, всякого государя, умеющего рассуждать.

Глава IX. Заключение

После того, как я установил истинные принципы политического права и попытался заложить основания Государства, мне следовало бы

укрепить оное посредством его внешних отношений: это включало бы международное право, торговлю, право войны и завоеваний; публичное право, союзы, переговоры, договоры и так далее. Но все это составляет уже новый предмет, чересчур обширный, чтобы мой взгляд мог его охватить. Мне следует рассматривать то, что более близко ко мне.

КОММЕНТАРИИ

То центральное место, которое занимает этот трактат в творчестве Руссо, как социального и политического мыслителя, делает излишним его характеристику в данной справке. Историю публикации трактата освещает переписка Руссо с его постоянным издателем М. Реем в Амстердаме (см. "Lettres inedites de J.-J. Rousseau a Marc-Michel Rey, publ. Par. J. Bosscha. Amsterdam - Paris, 1858, а также переписка Руссо с другими лицами (С. G., t. VII). Библиографию изданий содержит книга Сенелье (J. Senelier. Bibliographie generale des oeuvres de J.-J. Rousseau. Paris, 1950). На русский язык "Общественный договор" переводился в конце XVIII в., однако этот перевод не был опубликован; затем "Общественный договор" переводился В. Ютаковым в 1903 г., С. Нестеровой (1906), Френкелем (1906) и Л. Немаковым (1907). Основными критическими изданиями являются издания Ч. Вогана (J.-J. Rousseau. Political writings, v. II, p. 1-134) и отдельное издание 1918 г.; наиболее подробный комментарий: J. Beaulavon (1918), M. Halbwachs (1943) и Р. Дерате в Собр. соч. Руссо в библиотеке "Плеяда", т. III, Париж, 1964.

1. Этот небольшой трактат извлечен мною из более обширного труда... Речь идет о "Политических установлениях", о которых Руссо в письме к Мульту от 18 января 1762 г. сообщал, что предпринял эту работу десять лет тому назад, т. е. примерно в 1752 г. (С. G., t. VII, p. 63-64). До нас дошел только первый набросок "Общественного договора", попытки же рассматривать отдельные наброски и отрывки как части первоначального сочинения оказались несостоятельными (см. J.-J. Rousseau. Contrat social, ed. E. Dreyfus-Brissas. Paris, 1903).

2. Я хочу исследовать, ...если принимать людей такими, каковы они, а законы - такими, какими они могут быть. - Это определение отчетливо указывает на отличие целей Руссо от задач Монтескье, который в своем "Духе законов", как отмечено в "Эмиле" (кн. V, п. 377), довольствовался изучением права так называемого позитивного, т. е. известного из практики и существующих в разных государствах видов правлений, в то время как Руссо делает предметом своего исследования само политическое право, в его теоретическом виде, и законы - в их

идеальном, т. е. нормативном виде. При этом он намерен опираться на нравственность и логику, а не на историю и юриспруденцию. "Я ищущу права и основания (*droit et raison*) и не оспариваю фактов", - говорит он в первом наброске "Общественного договора" (см. стр. 318 в изд. 1969 г.).

3. ...чтобы, не оказалось никакого расхождения между справедливостью и пользой. - В этой формулировке проявляется представление Руссо об изначальном характере справедливости. Но зародыш ее, присущий человеку, может развиваться только в общественном, гражданском состоянии. Именно сочетание справедливости и пользы должно позволить Общественному организму (*Corps social*) укрепить свою внутреннюю связь и прочность.

4. Поскольку я рожден гражданином, свободного Государства и членом суверена... - Речь идет о Женевской Республике, сыном гражданина которой родился Руссо. Говоря о том, что он является членом суверена, Руссо мог иметь в виду и народ Женевы в целом и ее Генеральный Совет, куда входили только две полноправных категории жителей.

5. Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Противопоставление это в сущности метафизично, ибо в дообщественном состоянии человек не был свободен уже из-за крайнего подчинения своего силам природы. В "Эмиле" (кн. II, п. 35) Руссо разъясняет, что существует два вида зависимости человека: зависимость от вещей (лежащая в самой их природе), и зависимость от других людей (создаваемая обществом). Первая, не заключая в себе никаких элементов нравственных, якобы не вредит свободе и не порождает в человеке никаких пороков; вторая же, не будучи упорядоченною (а это нельзя сделать в общественном состоянии по отношению к какой-либо частной воле), порождает все пороки. Положение о том, что человек рождается свободным, противостоит тезису идеологов "старого порядка", например Боссюе, о том, что "все люди рождаются подданными".

6. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они. - Понятие о рабской зависимости фигурирует здесь в переносном смысле, что видно опять-таки из более распространенного изложения этой мысли в "Эмиле" (кн. II, п. 27). Руссо утверждает, что свобода и власть человека простираются лишь до тех пор, куда простираются его природные силы; остальное - это рабство, иллюзии, тщеславие. Самое господство бывает рабским, когда оно основано на человеческих предрассудках (именно таково в данном случае

значение понятия *opinion*), ибо в этом случае человек зависит от предрассудков тех, которыми управляет с помощью предрассудков. "Что бы руководить ими как тебе угодно, ты должен вести себя - как им угодно". Так, правитель оказывается подданным своих министров, те своих секретарей, хозяева - своих слуг. Поэтому важнейшее благо не власть, а свобода. См. также "Письма с Горы", письмо VIII.

7. Самое древнее из всех обществ и единственное естественное - это семья. - В этом определении Руссо явно отступил от позиций, которые он занимал в статье "О политической экономии" и в первом наброске "Общественного договора" (см. стр. 319 в изд. 1969 г.), где он выступает в качестве решительного противника патримониальной теории, видевшей происхождение общества в семье и выводившей власть монарха из власти отцовской. Это изменение взглядов Руссо может объясняться тем, что в трактовке семьи в окончательном тексте "Общественного договора" он делает упор на роль соглашения в ее сохранении и упрочении и в этом смысле видит в ней древнейшую модель общества. Ранее же отношение Руссо к договорной теории происхождения общества было гораздо более сдержанным. В своей новой аргументации Руссо опирается на Бодэна, утверждавшего, что руководство делами семьи представляет "подлинную модель управления Государством" ("Шесть книг о Государстве", кн. I, гл. II), и на Локка ("Опыт о гражданском управлении", гл. V, 4, 14, 23).

8. Гроций отрицает, что у людей всякая власть устанавливается для пользы, управляемых... - См. Гуго Гроций. О праве войны и мира. Книга первая, гл. III, VIII, 1-16. Этот философ утверждал, что положение о решающей роли интересов подданных при установлении власти не является всеобщей истиной, поскольку некоторые правительства сами по себе существуют ради правителя, как, например, правление хозяина, при котором польза раба чужда и случайна для хозяйства (Г. Гроций, указ. соч., стр. 132).

9. Так же полагает и Гоббс. - Имеется в виду в особенности его книга "Левиафан" (ч. II, гл. XVIII), в которой этот философ исходит из того, что члены общества, обязавшись по общественному договору повиноваться монарху, не могут без его разрешения ни изменять форму правления, ни осуждать действия этого монарха, ни наказывать его, равно как и посягать на его право судить их, объявлять войну и заключать мир, назначать министров и т. д. (см. Т. Гоббс. Избр. произв. в двух томах, т. 2, стр. 197-209).

10. Филон Александрийский, или Филон-иудей (ок. 20 г. до н. е. - 54 г. н. е.) - видный представитель еврейского эллинизма. Участвовал в посольстве, направленном еврейской общиной Александрии к римскому императору Гаю Цезарю Калигуле (37-41 гг. н. е.) в поисках защиты от преследований за отказ воздвигнуть его статуи в синагогах. Посольство это было отвергнуто императором, и Филон написал тогда посвященное этой коллизии защитительное сочинение, прочитанное в римском сенате после смерти Калигулы.

11. Аристотель прежде, чем все они... - См. его "Политику", кн. I, гл. V, где утверждается: "Природа, в видах сохранения, создала определенные существа, чтобы повелевать, и другие, чтобы повиноваться". В противоположность Руссо Г. Гроций полностью солидаризировался с этой концепцией; больше того, он фактически шел еще дальше, добавляя к этому положению Аристотеля, что "так точно и некоторые народы по свойственному им образу мыслей предпочитают лучше подчиняться, нежели господствовать", и приводит ряд примеров, трактуемых им в этом дум (Г. Гроций. О праве войны и мира, кн. I, гл. III, стр. 129" Отрывок из книги Аристотеля, резюмированный Руссо, цитируется Пуфендорфом ("О праве естественном и праве международном", кн. III, гл. II, п. 8).

12. ...Трактат... - В первом издании после этого слова стояло "рукописный" и в связи с этим отсутствовало указание на место издания. Оно было осуществлено в 1765 г. в Амстердаме под ил званием: "Соображения о древнем и нынешнем Правлении Франции". Маркиз Р. Л. д'Аржансон (1694-1757) занимал в 1744-1747. годах пост министра иностранных дел, но был удален вследствие происков фаворитки, маркизы Помпадур.

13. ...вплоть до желания от них освободиться... - В этом утверждении проявляется свойственная Руссо недооценка силы и упорства сопротивления рабов, обусловленная, возможно, недостаточной изученностью в XVIII в. истории классовой борьбы эпохи античности.

14. ...спутники Улисса... - Улисс - латинское имя Одиссея. Имеются в виду его спутники, о которых в кн. X поэмы Гомера "Одиссея" повествуется, что на острове Эя волшебница Цирцея превратила часть их в свиней. Однако здесь ничего не говорится о том, что они полюбили свое скотское состояние.

15. ...ни о короле Адаме, ни об императоре Ное... - Иронически титулуя королем первого человека, согласно библейской традиции

вылепленного богом из глины, Руссо, возможно, намекает на книгу Р. Филмера "Патриарх". Французский переводчик книги Пуфендорфа - Барбейрак в одном из своих примечаний пишет, что Филмер выводит неограниченную власть современных монархов из верховной власти Адама. Ной - библейский патриарх, спасшийся со своей семьей во время всемирного потопа и давший затем основание новому роду. Развивая свой намек, Руссо именует Ноя императором, а под тремя великими монархами, возможно, подразумевает его сыновей - Хама, Сима и Иафета.

16. ...дети Сатурна... - Сатурн - римское имя греческого бога Кроноса, младшего из Титанов, отца Зевса.

17. ...Робинзон... - Имеется в виду герой романа "Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо из Йорка" (1719) английского писателя Даниэля Дефо (1660-1731).

18. Всякая власть - от Бога... - Воспроизведение текста из Евангелия: "Ибо нет власти не от Бога" ("Послание к римлянам апостола Павла", 13). Утверждая, что повиноваться следует только властям законным, и определяя закон как выражение общей воли членов данного общества, Руссо тем самым фактически отрицает традиционную богословскую аргументацию божественного происхождения, а следовательно, незыблемого характера прерогатив всякого монарха.

19. Это одна из центральных по значению глав всего трактата. Написана она, вероятно, в период разработки главного вопроса - о природе общественного договора, - одной из последних, ибо нет следов ее происхождения в первом наброске трактата и по сравнению с самим заголовком и замыслом разработана она совсем в другом плане. Предполагалось, очевидно, вначале историческое рассмотрение вопроса об античном рабстве (в плане "Духа законов" Монтескье, который гл. II кн. XV своего труда посвятил взглядам римских законников на происхождение рабства). Но вместо спора с Аристотелем и другими авторами древности, Руссо ополчается на Гроция, Гоббса и Пуфендорфа. Задача главы - опровергнуть тезис первого из них о том, что вовсе не является истиной, будто суверенитет всегда и без исключения принадлежит народу. Тем самым Руссо готовит читателя к восприятию гл. I кн. II - О неотчуждаемости суверенитета.

20. ...говорит Гроций. - Имеются в виду следующие слова этого философа: "Каждый человек волен отдаться кому угодно в личную зависимость"...". Так разве же не волен свободный народ также

подчиниться кому угодно "...", не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти" (см. Гуго Гроций. О праве войны и мира. Кн. I, гл. III, VIII, стр. 128).

21. Уже один из первых оппонентов - п. Люзак в "Письме анонима к Ж. Ж. Руссо" (1766) - выступил против того, что последний свел понятие об "отчуждении" только к двум случаям - дать или продать, и заявил, что оно означает всякую передачу права, почему и может осуществляться многими путями и способами.

22. ...как говорит Рабле... - Имеется в виду роман "Гаргантюа и Пантагрюэль" великого французского писателя-гуманиста Ф. Рабле (1483-1555), изобразившего потребности короля в крайне преувеличенном виде.

23. ..в пещере Циклопа... - Имеется в виду "Одиссея" Гомера, в девятой песне которой содержится этот эпизод. Циклоп - одноглазый великан в греческой мифологии.

24. ...безумие не творит право. - См. Ш. Монтескье. "О духе законов", кн. XV, гл. II.

25. Гроций и другие видят происхождение... права рабовладения еще и в войнах. - См. Г. Гроций. О праве войны и мира, кн. III, гл. VII, "О праве на пленных", где он писал: "По природе, т. е. независимо от человеческих действий, или в первобытном состоянии природы, никто из людей не является рабом... В этом смысле можно принять за истину изречение юристов, что рабское состояние противно природе. Однако, когда рабство возникает в силу акта человека, т. е. вследствие договора или правонарушения, оно не противоречит естественной справедливости. Провозглашая, что взятые в войне, формально объявленной (solenellment, что ошибочно передано в цитируемом выше нашем новейшем переводе, как "торжественная (!?) война"), все пленные становятся рабами в силу международного права, Гроций присоединяется к мнению тех античных авторов, которые маскировали подлинные цели этого порабощения заботой о жизни пленных и в связи с этим само наименование раба (servus) выводили из обычая сохранять им жизнь (servare), вместо того чтобы убивать.

26. ...от природы люди вовсе не враги друг другу. - Это утверждение прямо направлено против концепции Т. Гоббса (см. "О гражданине", гл. I и "Левиафан", ч. II, гл. XIII), которая подвергается еще более острой и открытой критике в незавершенной работе Руссо "Состояние войны" (см. J.-J. Rousseau. Political writings, with introduction and notes by C. E. Vaughan, v. I. Cambridge, 1915, p. 281-308).

27. ...не может существовать войны частной... - Этот тезис Руссо направлен одновременно как против концепции войны каждого против каждого в естественном состоянии, развивавшейся Гоббсом, так и против политической практики осуждаемого здесь Руссо феодализма.

28. ...Установлениями Людовика IX... - Людовик IX - французский король из династии Капетингов (1226-1270), по прозвищу Святой. Подразумеваемые здесь преобразования способствовали укреплению центральной власти и преодолению проявления феодальной раздробленности и анархии.

29. ...что прекращались Божьим миром... - Под этим названием (*Rex Dei* или *Treuga Dei*) известны постановления, принимавшиеся первоначально в порядке самозащиты католической церковью, а затем воспринятые в своих интересах и королевской властью в ряде стран в средние века: запрещение вести военные действия в определенные дни и периоды (праздники и посты) и отношении духовенства, монастырей и церквей, затем женщин, купцов и т. д.

30. ...системы самой бессмысленной... - В данном случае Руссо, как и многие его современники, под феодальным правлением (*gouvernement feodal*), по-видимому, подразумевает существование иерархии политической власти и сохранение широких прерогатив в руках более крупных владетельных сеньоров, соперничество и борьба которых принимает форму характерных для этой эпохи феодальных междоусобиц. Говоря о том, что эта система противна всякому упорядоченному внутреннему управлению, Руссо употребляет термин *politie*, ведущий свое происхождение от древнегреческой терминологии в которой оно означало "внутреннее устройство". Боясь, чтобы термин этот не был смешан с *politique* (политика) Руссо предупреждал издателя "Общественного договора" Рея, в письме к нему от 23 декабря 1761 г., о недопустимости подобной ошибки. В дальнейшем изложении Руссо многократно пользуется этим понятием, но уже выраженным в словах французского языка (*police*) и значение которого восходит к древнегреческой "политике" в смысле "правление", "внутреннее управление", как это передавали по-русски в XVIII в. - "уставы благочиния".

31. ...Катон-сын начинал свою военную службу... - Речь идет о Марке Порции Катоне Лицинии, который служил в 173 г. до н. е. в римских легионах в Лигурии (южное побережье современной Франции и граничащие с ним области Италии), умер в 152 г. до н. е.

32. ...Катон отец написал Попилию... - Отец Марка Порция Катона Лициния Марк Порций Катон Старший, или Цензор (234-149 гг. до н. е.). Попилий - Марк Попилий Лений, будучи консулом в 173 г. до н. е. успешно вел войну в Лигурии.

33. ...осаду Клузиума... - Клаузиум - главный город Этрурии, где в 225 г. н. е. галлы одержали победу над римлянами.

34. ...победитель не имеет более никакого права на их жизни. - Ср. Ш. Монтескье. О духе законов, кн. X, гл. III, "О праве завоевания", в которой уже были высказаны эти мысли (Избр. произв., стр. 275-277).

35. Ср. Монтескье. "О духе законов", кн. XV, гл. II.

36. ...не приводит к уничтожению состояния войны... - Этот вывод вносит существенный корректив в сказанное Руссо выше о том, что якобы рабы начинают любить свое рабское состояние.

37. ...основание общества. - Руссо возражает против теории двойного договора - пакта ассоциации и акта подчинения народа правителю, выдвинутой Пуфендорфом ("О праве естественном и о праве международном", кн. VII, гл. II). Для Руссо подлинным договором является лишь первый из них.

38. ...люди не могут создавать новых сил... - В этом рассуждении явственно ощущается влияние на мышление Руссо в области социологии механицистских тенденций философской мысли XVIII в.

39. Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор. Подобная трактовка концепции договорного происхождения государства была направлена против прочно укоренившегося до того отождествления понятия о суверенитете с правами единоличного и неограниченного государя (англ. *soverein*, франц. - *souverain*, итал. - *sovrano*), т. е. как атрибута правительственной, королевской власти, но ни в коем случае не народа.

40. В первом наброске: "неотъемлемой", буквально неотчуждаемой (*inalienable*).

41. ...акт ассоциации... - В первом наброске: "акт первоначальной конфедерации".

42. ...к суверену. - В этом коренное отличие понятия об этом акте у Руссо и у Гоббса, видевшего в этом серию взаимных соглашений между частными лицами (*mutual covenants one with other*), и у тех теоретиков, кто видел здесь акт подчинения народа избранным им правителям. У Руссо же люди образуют сами две договаривающиеся стороны, ибо они рассматриваются с двух точек зрения - как члены суверена и как частные

лица, подданные Государства. Собравшись, народ образует то целое (суверен) с которым он и заключает соглашение.

43. ...а горожанина - за гражданина. - Здесь Руссо опирается на главу шестую книги первой "Шести книг о Государстве" Бодэна; она называется "О гражданине и о различии между под данным, гражданином, чужеземцем, городом, городской общиной и Государством". Бодэн здесь утверждает, что "город (ville) - это городская община (cité), как это некоторые пишут, то в большей мере чем дом составляет семью". Понятие о гражданской общине (site) оформляется у Бодэна на почве развития во Франции городов-коммун и при использовании представления античности о полисе греков и civitas римлян (см., например Цицерон. De officiis, I, 17, 53).

44. Когда Бодэн собрался говорить о наших Гражданах и горожанах... Имеется в виду то место главы VI первой книги Бодэна о государстве, в котором говорится: "В Женеве Гражданин не может быть ни Синдиком города, ни членом Совета XXV а Горожанин может ими быть", в то время как в действительности дело обстояло как раз наоборот.

45. Имеется в виду статья "Женева" в VII томе "Энциклопедии" (1757), на которую Руссо ответил "Письмом к д'Аламберу о зрелищах" (Избр. соч., т. I, стр. 65-178).

46. Этот аргумент уже был учтен Гоббсом ("О гражданине" гл. VI, п. 14).

47. ...не обязателен даже Общественный договор - Вот это признание за народом, как сувереном, ничем не ограниченного права изменять законы своего государства, даже самые лучшие и лежащее в их основе первоначальное соглашение, а следовательно, изменять и форму правления - и вызвало в Женеве ярость ее буржуазной олигархии. Ведь принципы и статьи Конституции Женевы по Акту о посредничестве 1738 г. подчеркивали, что она представляет собою договор между правящими и управляемыми и может быть пересмотрена лишь с взаимного "согласия обеих сторон".

48. "Святость Общественного договора и законов" фигурирует ниже среди позитивных принципов гражданской религии (кн. IV, гл. VIII, стр. 254).

49. ...никому из них в отдельности. - В отличие от Правительства, имеющего дела с отдельными гражданами. Суверен т. е. народ как целое, знает только ту их совокупность, общие интересы которой отражает и выражает общая воля, проявляющаяся в законе, трактующем предмет

общего характера, затрагивающий всегда равно всех граждан и никогда никого из них и отдельности.

50. ...за потребностями и трудом... - Наличие этих условий делает у Руссо, в отличие от Локка ("О государственном управлении", кн. II, гл. V), понятие о трудовой собственности конкретным и недвусмысленным.

51. Когда Нуньес Бальбоа... - Васко Нуньес де Бальбоа (1475-1517) испанский мореплаватель, авантюрист, конкистадор.

52. ...как хранители общего достояния... - Эта мысль будет воспринята идеологами демократических групп в период буржуазной революции 1789 г. в процессе борьбы со стяжательскими тенденциями и спекулятивными действиями городской и сельской буржуазии.

53. Ср. Гоббс. О Гражданине, гл. XII, п. 7.

54. Но наши политики... - Здесь Руссо имеет в виду не Монтескье, как это обычно считают, а Гроция, Барбейрака и Бурламаки, считавших, что суверенитет должен быть разделен между отдельными лицами или органами, в то время как для Руссо неделимая суть его сводится к осуществлению права законодательства, а многие из тех прерогатив, в которых названные ученые видели также "части" суверенитета, Руссо относит не к нему, а к компетенции верховной исполнительной власти.

55. Каждый может увидеть в третьей и четвертой главах первой книги Гроция. - Речь идет о сочинении Гроция "О праве войны и мира".

56. Георг I (1714-1727) - английский король, ранее - курфюрст Ганноверский (под именем Георга Людвига - 1698-1714).

57. Яков II (1685-1688) - английский король из династии Стюартов, пытавшийся восстановить абсолютную королевскую власть. Реакционная политика Якова II вызвала недовольство, и в 1688 г. заговорщики пригласили на престол его зятя - Вильгельма Оранского, штатгаудера Нидерландов. Последний с помощью нидерландского флота высадился в Англии и низложил Якова II. Эти события получили в буржуазной историографии название "Славной революции".

58. ...чтобы не выставить Вильгельма узурпатором. - Речь идет об охарактеризованной выше т. н. "Славной революции" 1688 г., фактически представлявшей собой дворцовый переворот, осуществленный в Англии новым дворянством и буржуазией.

59. По мнению некоторых исследователей, при написании этой и следующей главы большую роль сыграла статья Дидро "Естественное право", опубликованная в V т. "Энциклопедии". Налицо даже текстуальная близость некоторых формулировок, хотя в то же время

несомненно стремление Руссо прийти к собственному пониманию и определению сущности общей воли.

60. ...ок желает дурного. - Руссо применяет здесь к общей воле известное рассуждение Сократа о поведении индивидуумов, согласно которому никто не является злым по собственной воле, которая всегда имеет верное направление, а в понимании ее.

61. ...частичные ассоциации... - Гоббс называет их "подчиненные объединения".

62. См. д'Аржансон "Соображения о древнем и нынешнем правлении Франции", гл. II. Как это часто бывает у Руссо, цитата приведена не совсем точно.

63. Нума Помпилий - по преданию, второй из семи римских царей. С его именем связан ряд правовых и религиозных реформ.

64. Сервий Туллий (578-534 гг. до н. е.) - шестой римский царь, сын одного из богов и рабыни Тарквиния Приска, который сделал его своим зятем. Сервию Туллию приписывается реформа, разделившая население столицы, включая плебеев, на основании имущественного ценза, на 193 центурии, а все население и всю территорию Рима на 4 городских и 26 сельских округов, или триб. Он был убит своим зятем Тарквинием Гордым. Имена Нумы и Сервия объединены с Солоном как автором реформ, отнюдь не предупредивших рост политического неравенства между отдельными группами граждан.

65. Макиавелли. История Флоренции, кн. VII.

66. См. Локк. О гражданском правлении, гл. VIII.

67. Спрашивают: как частные лица... - Это ответ на вопрос, поставленный Локком (см. "О гражданском правлении", гл. IX)

68. ...то право, которого у них нет. - Самоубийство с точки зрения Руссо не есть использование права. См. письмо милорда Эдуарда в "Новой Элоизе" Руссо (часть III, письмо XXII. Избр. соч., т. II, стр. 325-331). Ср. Локк, назв. соч., гл. III

69. ...кого опасно оставлять в живых. - Этот ход рассуждения приводит к выводу о том, что право наказания и его пределы может определяться только правом законной защиты общества. Эту точку зрения несколько позже разовьют итальянские просветители: Ч. Беккариа, в его ставшей знаменитой книге "О преступлениях и наказаниях" и Г. Филанджери.

70. То, что есть благо и соответствует порядку... - В данном, более широком аспекте понятие о порядке (ordre) ведет свое происхождение от

философии Платона. Об этом говорит, в частности, следующее далее указание на божественное происхождение справедливости.

71. Возможно, Руссо имеет в виду даваемое Монтескье определение закона как отношений, неизбежно вытекающих из природы вещей ("О духе законов", кн. I, гл. I. - Избр. произв., стр. 136)

72. ..я называю Республикою всякое Государство, управляемое посредством законов... - Эта позиция Руссо оказала в дальнейшем сдерживающее влияние на формирование республиканской идеи во Франции, так как затрудняла усвоение классовой природы монархии. Проявилось это, в частности, в линии поведения М. Робеспьера в дни политического кризиса лета 1791 г, когда впервые возникло массовое демократическое республиканское движение, к которому он, однако, не примкнул.

73. ...в своей книге о Правлении. - Это название скорее может обозначать сочинение Платона "Государство", однако место, которое имеет в виду Руссо, находится в диалоге "Политик", гл. X-XIII и XXIX-XXXII (Платон. Сочинения, ч. VI. М., 1879, стр. 69-71, 98-100, 127).

74. ...создают правителей Республик. - См. Монтескье. Размышления о причинах величия и падения римлян, гл. I (Избр. произв., стр. 50).

75. ...от царской власти. - В первом наброске Руссо употребил по традиции термин "souverainete", связанный с "souverain" - государь, верховный правитель. Но поскольку он вложил в это понятие новое содержание, именуя сувереном только народ в его совокупности, то он заменил его другим понятием "royaute" (королевская, царская власть).

76. ...Децемвиры никогда не присваивали себе... - Децемвиры - коллегия из десяти лиц (отсюда ее название), избиравшаяся у римлян для различных поручений. Руссо имеет в виду наиболее известную, созданную в 451 г. до н. е., выработавшую законы, выгравированные на десяти медных досках. Ввиду недостаточности этих законов, избранные в 450 г. децемвиры сделали необходимые дополнения ("Законы 12 таблиц"), но не сложили с себя чрезвычайных полномочий по истечении их срока и вели себя диктаторски, что и вызвало их отрешение от власти.

77. Те, кто смотрят на Кальвина лишь как на богослова... - Кальвин (1509-1564) - один из главных представителей движения буржуазной реформации. С 1541 г. он стал во главе теократического правления протестантской Женевы, подавляя оппозицию суровыми мерами, вплоть до смертной казни. При нем преследовались театр, танцы и иные

светские развлечения. Суровый дух кальвинизма имел известное влияние на формирование взглядов Руссо, а фигуру самого Кальвина здесь он явно идеализирует. Изменяя в целом свой взгляд на настоящее и прошлое Женевы, под влиянием событий 1762 г., Руссо увидел по-иному образ Кальвина, о котором напишет во втором из своих "Писем с Горы", что это был, конечно, великий человек, но в конце концов это был человек, и "что особенно скверно - богослов; у него было честолюбие гения, чувствующего свое превосходство и возмущающегося, если это оспаривают".

78. ...его "Наставление". - Имеется в виду сочинение Кальвина "Наставление в христианской вере" (1536), представляющее собой как бы свод воззрений протестантизма.

79. ...подлинное чудо... - Фигура законодателя близка в глазах Руссо к традиционному образу пророка. См. кн. II. гл. II первого наброска "Общественного договора" и "Письма с Горы", письмо III.

80. ...иудейский закон и закон потомка Исмаила... - Потомок Исмаила Магомет; арабы рассматривают себя как потомков Исмаила и его 12 сыновей. Иудейский закон - законодательство Моисея, высокую оценку которому Руссо дает во II гл. "Соображений об образе правления в Польше" и в одном из дошедших до нас набросков ("О евреях").

81. ...горделивая философия или слепой сектантский дух видят в них лишь угодливых обманщиков... - Имеются в виду как общая концепция сущности религии, свойственная Просвещению в целом, так и отмеченные этими чертами отдельные произведения, например, пьеса Вольтера "Магомет", в которой он трактуется именно как лицемер.

82. Уорбертон, Уильям (1698-1779) - епископ Глочестерский, автор трактатов "Союз Церкви и Государства" (1736) (французский перевод 1742 г.) и "Божественное законодательство Моисея" (1737-1741).

83. ...одна служит орудием другой. - Это мысль Макиавелли ("Рассуждение на первую декаду Тита Ливия", кн. I, гл. XI).

84. Аркадия - область в Древней Греции, в центре Пелопоннеса, с мягким климатом и условиями, благоприятными для животноводства, что и сделало в древности Аркадию символом легко добываемого достатка.

85. Киренаика - плодородная страна на севере Африки, где греческие колонисты в VII в. до н. е. основали первые поселения с центром в г. Кирене. Впоследствии, в 321 г. Кирена создала союз пяти государств под покровительством Птолемея - македоно-греческих правителей Египта.

86. ...Минос взялся установить порядок... - Минос - мифический царь острова Крита. Ему приписывается создание морского господства Крита и древнекритское законодательство, в разработке которого ему помогал Зевс, являвшийся его отцом.

87. Речь идет об изгнании представителей испанских и австрийских Габсбургов из Нидерландов в ходе буржуазной революции 1566-1609 гг. и из Швейцарии на протяжении XIV и начала XV в.

88. движитель гражданский износился. - Ср. Макиавелли. Указ. соч., кн. I, гл. XVI и XVII.

89. Юность - не детство. - Как показывает хранящийся в Женевской городской библиотеке экземпляр первого издания этого трактата с пометками Руссо, он вписал эти слова, чтобы устранить противоречие между положением о том, что большинство народов восприимчивы (*dociles*) лишь в молодости, и следующим за этими словами утверждением о том, что подчинять народы законам надо в пору юности или зрелости.

90. ...еще не созрел для уставов гражданского общества. - Этот отрывок один из наиболее сложных для понимания. В значительной мере он направлен против идеализации деятельности и всего образа Петра Великого Вольтером, в посвященной ему книге и в книге о Карле XII, причем Руссо впадает в противоположную крайность. Главный упрек Руссо состоит в том, что правитель этот "начал создавать из своих подданных немцев и англичан, в то время когда надо было формировать русских" - обусловлен тем, что Руссо видел первое правило деятельности законодателя в создании или укреплении национального характера.

91. Предположения эти носят произвольный характер, и Вольтер был прав в их критике (см. его "*Idees republicaines*", XXXVII).

92. Проблема эта была поставлена Аристотелем в его "Политике" (VII, 4, 1326 а-в), затем вновь Монтескье в "Духе законов" (кн. VIII).

93. ...срок неизбежного их падения. - Тут усматривали реминисценции из Макиавелли ("Рассуждение на десятую главу Тита Ливия", 1, 6) и из Монтескье ("Размышления о причинах величия и падения римлян", гл. IX).

94. ...собственными средствами... - Мысль эта, возможно, восходит к взглядам Аристотеля ("Политика", VII, гл. IV, 1326 а-в).

95. ...вернул и отстоял свою свободу... - Речь идет о борьбе жителей Корсики против Генуи и Франции, успешно возобновленной ими в первой половине XVIII в.

96. ...этот островок еще удивит Европу. - В этом пророчестве хотели видеть предсказание появления Наполеона Бонапарта, родившегося на Корсике семь лет спустя, в 1769 г. Но, конечно, Руссо имел в виду нечто совсем иное, а именно: он видел в неиспорченности корсиканцев духовной и материальной цивилизацией, в лучших сторонах их натуры, проявившихся в борьбе за независимость, в энергии их предводителя Паскуале Паоли источник тех свежих, созидательных сил, которые могут позволить этому небольшому народу осуществить у себя идеал свободы и справедливости.

97. Тласкаланская республика... - была признана испанцами во время их завоевания Мексики.

98. ...для Рима - добродетель. - Идеалистическая мысль эта сформулирована Руссо под явным влиянием Монтескье, писавшего об этой, свойственной каждому из государств, своей особой цели: "Так у Рима была цель - расширение пределов государства, у Лакедемона - война, у законов иудейских - религия, у Марсея - торговля, у Китая - общественное спокойствие, у родосцев - мореплавание" ("О духе законов", кн. XI, гл. V. - Избр. произв., стр. 289). Как видим, на историю Рима Монтескье смотрел более реалистично, нежели Руссо, постоянно ее идеализирующий.

99. ...от этого не улучшается. - Как это часто бывает у Руссо, цитата эта из книги д'Аржансона "Соображения о древнем и нынешнем Правлении Франции" неточна. Вот текст этого места: "Та или иная отрасль торговли, приобретаемая ценою денег, приносит лишь мнимую выгоду Королевству в целом и лишь обогащает несколько городов или частных лиц, которые уже и так находятся в довольстве".

100. Ср. Монтескье. О духе законов (кн. I, гл. III).

101. См. "Письма с Горы", письмо V, в котором Руссо поясняет суть понятия о Правительстве в монархии и республике.

102. ...единение души и тела. - Сравнение это взято из философии картезианства. Для Декарта существовали не только два принципа - душа и тело, но и третий, посредствующий, представляющий собой союз этих двух.

103. ...среднее пропорциональное которой - Правительство. - Попытка Руссо определить место и роль высшей исполнительной власти при помощи математических аналогий отражает влияние господствующих тенденций века и носит явно механицистский характер, своеобразным

образом сочетающийся со свойственным ему уподоблением государства и правительству двум - большему и меньшему - организациям.

104. ...коллегию именуют "светлейший государь..." - Речь идет о так называемом Большом Совете ("коллегия мудрых"). На этом примере видно также, что для Руссо существует не только единоличный, но и коллегиальный государь.

105. ..в понимании геометров... - Во времена Руссо область отношений и пропорций относили к компетенции геометров.

106. ..бывало до восьми императоров одновременно... - Имеется в виду период резкого обострения кризиса Римской империи в III в. н. е., когда императоров назначал сенат и возводила на трон преторианская гвардия.

107. ...что империя разделена. - Римская империя была окончательно разделена при императоре Феодосии в 395 г. н. е. на Западную, с центром в г. Риме, и Восточную, столицей которой стал Константинополь (Византия).

108. Это - Монтескье (см. "О духе законов", кн. III, гл. III)

109. ...один и тот же принцип... - это суверенитет, верховенство народа.

110. Станислав Лещинский (1705-1709) - польский король ставленник короля шведского Карла XII. Руссо мог взять эту цитату из "Замечаний о правлении Польши" С. Лещинского, французский перевод которых появился в 1740 г. Близкое по смыслу место отсюда приводит Руссо в "Письмах с Горы" (письмо IX, стр. 392) и вспоминает о них в своих позднейших "Соображениях об образе Правления в Польше". Мабли приписывает слова эти не отцу, а деду С. Лещинского. ("О правлении и о законах Польши", partie I, ch. 1. - Oeuvres, t. VIII. Londres, 1789, p. 67-68).

111. Первые общества управлялись аристократически. - Руссо здесь отходит от античной традиции (Аристотель Политика, III, 10, 7), видевшей древнейшую форму в монархии.

112. Слово "жрецы" - "pretres" - происходит от латинского "presbyter" "старейший" (заимствовано из греческого). "Старейшины" - "les anciens" от латинского "anteanus", от "ante" - "вперед", "перед", т. е. "первоприсутствующие". "Сенат" - "senat" - от латинского "senex", "senes" "совет старейших". Геронты - от греческого слова "gerontes" - "старцы" название старейших членов племени, составлявших его совет.

113. Совсем иной, отрицательный отзыв о Бернской республике дает Руссо в своих "Соображениях об образе Правления в Польше" (гл. XI).

114. Здесь явное заблуждение Руссо; преобладание богачей Аристотель видел в олигархии ("Политика", III, VII, 1279в), в аристократии же он, верный патриархальным традициям античного полиса, считал возможным осуществить наиболее совершенную гражданскую организацию общества при условии численного и политического преобладания "среднего класса" ("Политика", IV, II, 1295 в).

115. Архимед (ок. 287-212 гг. до н. е.) - великий греческий математик и физик.

116. Хотя в предыдущей главе Руссо и объявил худшим из видов правления, основанных на законе, наследственную аристократию, но теперь читателю становится ясно, что эта пальма первенства должна остаться за наследственной монархией. Недаром в "Полисинодии аббат де Сен-Пьер" он приходит к выводу о том, что "у всех народов, имеющих короля, абсолютно необходимо установить такую форму Правления, которая могла бы без него обходиться" (см. J.-J. Rousseau. Political writings, v. I, p. 399).

117. Имеется в виду текст Библии из Первой Книги Царств, 8, именуемой также первой книгой пророка Самуила, последнего судьи Израиля, которому Бог, в наказание за отступничество его народа, открыл картину того произвола и угнетения, которому его соотечественников подвергнет новый царь, поставленный над ними в виде кары.

118. .. показал Макиавелли. - В следующих за этим строках и в примечании, которое было включено составителями в издание его "Сочинений" 1782 г., Руссо дает этому противоречивому деятелю положительную характеристику, довольно резко расходящуюся с его позднейшей репутацией. Точка зрения Руссо имеет своих предшественников, например в лице Спинозы (см. его "Политический трактат", гл. V, 7), и более отдаленных в лице профессора права XVI в. в Оксфорде А. Жентили ("De Legationibus", кн. III, гл. 9), соответствующую выдержку откуда приводил П. Бейль в своем знаменитом "Словаре" (ст. "Макиавелли"). Весьма существенно, что сходную позицию занимал Дидро, который в статье "Макиавеллизм" в т. IX "Энциклопедии" (1765, стр. 793) писал, что когда автор "Государя" создавал этот свой трактат, то он им словно хотел сказать своим согражданам: "читайте хорошенько это

произведение. Если вы когда-либо согласитесь иметь повелителя, он будет таким, каким я вам его нарисовал: вот хищный зверь, которому вы отдаетесь".

119. В "Государе" Макиавелли изображает Цезаря Борджиа (ок. 1476-1507), известного своими чудовищными преступлениями, ценой которых он захватил власть в ряде отдельных феодальных владений, на которые тогда распадалась Италия.

120. Римская курия... - В оригинале "la cour de Rome", т. е. римский двор, но в тексте речь явно идет о Ватикане, который один только присвоил себе право налагать запрет на ту или иную книгу. Но в то же время имеется в виду и двор папы как светского государя.

121. ...повиноваться безропотно... - Именно к этому призы вал, например, Боссюе, считавший единственно возможным со стороны подданных "почтительные представления", но без ропота, без мятежей; Кальвин в своем "Institution de la religion chretienne" (1560, t. IV, ch. XX, 24), известном Руссо, писал, что "мы должны настолько соблюдать порядок, установленным Богом, что нам надлежит почитать даже тиранов, находящихся у власти".

122. Явное указание на посвященную этому вопросу кн. XI. гл. VI "О духе законов" Монтескье.

123. Здесь речь идет не *oliberum veto*, как это часто предполагают, а о неограниченных полномочиях министров и других высших должностных лиц в сфере их деятельности.

124. В древности этот вопрос обсуждали Платон ("Законы", кн. III и IV), Аристотель и Полибий.

125. ...демократия - для Государств малых и бедных. Руссо неоднократно сетовал на недостаточную определенность терминов, к которым ему приходилось прибегать. Именно так получилось с терминами "демократия" и "монархия". Подразумевая и в том, и в другом случае верховенство народа-суверена по отношению к исполнительной власти, Руссо видел в монархии республику с постоянным президентом, для более оперативного действия исполнительной власти в стране больших размеров. Но даже такие страстные поклонники Руссо, как А. Н. Радищев, не могли не стать жертвой недоразумения, считая, что этот философ, "не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие" (Полн. собр. соч., т. III, М.-Л., 1952, стр. 47).

126. См. Chardin. Voyages en Perse, v. III, Amsterdam, 1735, p. 76, 83-84.

127. ...к экватору... - в оригинале *la lingé*.

128. ...маис, кускус, сорго, хлеб из маниоковой муки... - Слово "кускус" арабского происхождения, означает шарики из мяса и муки жареные в масле: было заимствовано неграми Африки, которые по сходству называли так зерна маиса (кукурузы). Хлеб из маниоковой муки (*casseve*) готовится некоторыми народами Южной Америки из корней кустарника маниоки (исп.) после удаления отсюда ядовитых веществ.

129. Позилиппо - горный кряж к северо-западу от Неаполя, покрытый виноградниками, впоследствии его предместье.

130. Агрикола, Гней Юлий (39-93) - римский политический деятель и полководец, тесть Тацита.

131. Имеется в виду Вольтер.

132. Кoadьютор - помощник или заместитель епископа (викарный епископ). Речь идет о занимавшем этот пост известном своим распутством кардинале Жане де Ретц.

133. Это не цитата, а пересказ отрывка из "Введения" к "Истории Флоренции" Макиавелли.

134. "*Serrar di Consiglio*", точнее "*Serrata del maggiore Consiglio*" "Закрытие Совета" - один из актов, оформлявших аристократическо-олигархический строй Венеции, в котором теперь принадлежность к этому Совету стала наследственной привилегией семей так называемых *нобилей*, чьи имена впоследствии были внесены в особую золотую книгу.

135. "*Squittinio della liberta veneta*" - анонимный памфлет, изданный в 1612 г. и имевший целью доказать права императоров на Венецианскую республику.

136. Речь идет о древнейших преданиях, а не об исторических фактах.

137. См. Макиавелли. Рассуждение на первую декаду Тита Ливия, кн. I, гл. II и III.

138. Август, Гай Юлий Октавиан - первый римский император (63 г. до н. е.-14 г. н.е.).

139. Тиберий, Клавдий, римский император (14-37 г. н. е.).

140. Охлократия - этот греческий термин (от "*ochlos*" - чернь) впервые, кажется, употреблен Полибием.

141. Олигархия (иначе олигократия), по терминологии Аристотеля государство, в котором власть принадлежит ограниченному числу фамилий.

142. Корнелий Непот (95-25 гг. до н. е.) - римский историк, главным из многочисленных сочинений которого является серия биографий знаменитых людей, предвосхитивших некоторые приемы "Сравнительных жизнеописаний" Плутарха. Мильтиад - афинский полководец и политический деятель, прославившийся победой над персами при Марафоне в 490 г. до н. е.

143. "Гиерон"- диалог греческого историка Ксенофонта, в котором описываются средства, какими государь может осчастливить свою страну. Гиерон Старший, царь Сиракузский, в Сицилии правил в 478-467 гг. до н. е.

144. См. Монтескье. О духе законов, кн. XI, гл. VI, где аналогичное рассуждение кончается словами "погибли Рим, Лакедемон и Карфаген".

145. Ср. с Гоббсом ("Левиафан", гл. XXVI).

146. Ценз - В древнем Риме со времени нового государственного устройства Сервия Туллия проводилась имущественная перепись населения граждан и распределение их на пять классов. На основе этой переписи - ценза - осуществлялись раскладка податей, распределение граждан по центуриям в войска, давалось право участия в выборах, право быть избранным, занимать известные должности. Перепись населения касалась только римских граждан.

147. Эта глава, как и последняя глава третьей книги с красноречивым названием "Способы предупреждать захват власти", направлена против Совета Двадцати пяти в Женеве - органа власти буржуазной олигархии и подготавливает непосредственное разоблачение последней в "Письмах с Горы" Руссо.

148. ...великому царю... - имеются в виду, вероятно, походы на Грецию персов при царе Дарии I Гистаспе (550-485 гг. до н. е.).

149. ...австрийскому дому. - Речь идет о династии Габсбургов.

150. Комиции - народные собрания в Древнем Риме.

151. Гракхи - народные трибуны (в 133 г. до н. е. Тиберий и в 123 г. Гай), безуспешно пытавшиеся провести в жизнь аграрные и другие реформы в интересах плебеев.

152. Ликторы - служители (преимущественно из вольноотпущенников), которые давались высшим магистратам для услуг и приведения в исполнение наказаний. Они носили при себе пучки розог.

153. ...рабы выполняли его работу... - Это приближение к пониманию рабовладельческого характера греческой демократии.

154. В дальнейшем эта позиция полного и безоговорочного отрицания Руссо представительной системы несколько видоизменилась. В главе VII своего проекта реформ образа правления в Польше (1772) Руссо признает, что "законодательная власть не может проявляться сама по себе и не может действовать иначе, как через депутатов" (J.-J. Rousseau. Oeuvres, completes, t. III. Paris, 1964, p. 926). Поэтому речь может и должна идти лишь о более частой смене этих депутатов и о предъявлении им императивных мандатов, т. е. наказов избирателей, чтобы не допустить той бесконтрольности, которую Руссо клеймил в практике английского парламентаризма.

155. Многие утверждали... - В сущности это были все авторы, трактовавшие со времен средних веков общественный договор как акт подчинения. Они изображали его как формальное и взаимное обязательство подданных повиноваться, а государя - править в общих интересах. Эта концепция в XVIII в. стала общим местом; мы находим ее и в "Энциклопедии" (статья "Политическая власть", т. I), и в "Рассуждении о неравенстве" Руссо. Но, в силу различных соображений, ее не принимали Гоббс и Локк.

156. Имеется в виду тезис Пуфендорфа ("О праве естественном и о праве международном", кн. VII, гл. II, 8) о том, что за актом ассоциации следовал акт подчинения.

157. Здесь Руссо использует аргументы, при помощи которых Гоббс ("О гражданине", гл. VII) показывает, как политический организм переходит от первоначальной демократии к аристократии или к монархии.

158. ...временная форма... - К этому абзацу с особенной энергией привлекал внимание членов Совета Двадцати пяти прокурор Женевы Троншен, упирая на то, что Руссо рассматривает существующие формы политической организации как опытные и потому сугубо временные.

159. Этот раздел главы - о периодических собраниях - явился для Генерального прокурора Женевы Троншена основным материалом для обвинения Руссо в стремлении к ниспровержению всех существующих правительств (С. G., t. VII, p. 373).

160. См. Гроций. О праве войны и мира, кн. II, гл. V, 24, где провозглашается такого рода право за каждым подданным при условии,

что он его осуществит в одиночку, а не в группе и не тогда, когда Государство в нем нуждается (мысль, высказанная Руссо в примечании).

161. В Берне тюрьма, где отбывали наказание осужденные за наиболее тяжелые преступления, называлась "Schallen haus" или "Schallenwerk", т. е. дом, заведение с колокольчиками, вероятно потому, что арестантам вешали, посылая их на общественные работы, на шею колокольчики; в Женеве же исправительная тюрьма носила прозвище "дисциплина" - ("La discipline"), что значило в ту эпоху "бичевание" и "плеть". Поэтому слова Руссо "mis aux sonnettes et, a la discipline" означают в обоих случаях, учитывая эту игру слов, - заключить в тюрьму или подвергнуть исправительным работам.

162. См. Тацит. История, I, 85.

163. Отон, Марк Сальвий (32-69 гг. н. е.) в 69 г. н. е. был на короткое время провозглашен императором.

164. Вителлий, Авл - был в 69 г. н. е. провозглашен войсками императором, но в том же году убит солдатами Веспасиана. Речь идет о периоде, когда Вителлий был еще только претендентом на власть.

165. Ср. Пуфендорф. Указ, соч., кн. VII, гл. II, 7.

166. Ср. Бурлаки. Принципы политического права, ч. I, гл. V, 13. Женева, 1751, стр. 34.

167. Ср. "Соображения об образе Правления в Польше", гл. IX.

168. ...при рассмотрении дел. - Из этого явствует, что Руссо допускает и такой случай, когда суверен, наряду с функциями законодательными, хотя бы частично вершит и дела правительственные.

169. См. Монтескье. О духе законов, кн. II, гл. II.

170. ...бедных варнавитов (Barnabots)... - Варнавитами в Венеции называли обедневшую часть знати, жившую в квартале, носившем имя св. Варнавы.

171. ...ее Правление не более аристократично, чем наше. - Руссо этим хотел оказать, что поскольку в Венеции власть сосредоточилась в руках узкой группы знати (фактически уравнивая тем самым многих ее представителей в правах с обычными гражданами), то род ее правления, строго говоря, ближе к олигархическому, чем к аристократическому.

172. Речь идет о сочинении Сен-Пьера "Рассуждение о Полисинодии" (1718). Как и из сочинений этого автора о вечном мире, Руссо сделал и из этой его работы извлечение, а также написал свое "Суждение" о ней (см. (J.-J. Rousseau. Oeuvres, completes, t. III. Paris, 1964, pp. 617-634, 635-645).

173. По Преданию, Ромулом были учреждены три трибы, считавшиеся благодаря древности происхождения своих членов патрицианскими. Традиция отождествляет первые две с племенами, жившими вблизи Альбанских гор у Рима (альбаны, Ramnenses), вторую с племенем сабинов (по имени их царя Татия Tatienses). Третья триба (Luceres), отождествляемая с племенем этрусков, жившим севернее первых двух, именуется чужестранцами, отличавшимися языком и многими другими чертами.

174. Сервий Тулий, шестой римский царь (VI век до н. е.) установил деление населения Римского государства не по племенному, а по имущественному принципу (на основании ценза). Сервий Туллий был свергнут Тарквинием Гордым.

175. Варрон. О сельском хозяйстве, III, 1. Это место цитируется Сигониусом ("О древнем гражданском праве римлян", I, 3, стр. 15), откуда, вероятно, и взял его Руссо.

176. Плиний. Естественная история, XVIII, 3.

177. Сабин, Аппий Клавдий - переселился в Рим в 504 г. до н. е., положил начало клавдийской трибе, прозван так по народности сабинов, к которой принадлежал.

178. Компиталии - праздник 2 мая в честь ларов - добрых духов, покровителей домашних очагов и улиц города. Название идет от слова *compita* перекресток.

179. Паганалии (от *pag* - крестьянская община) - религиозный праздник, учрежденный Сервием Туллеем, отмечавшийся 24 января.

180. ...орудий войны (*instruments de guerre*)... - так назывались саперы в войсках Рима.

181. ...последнего Тарквиния. - Тарквиний по прозвищу "Гордый", седьмой и последний царь Рима (534-510 гг. до н. е.).

182. ...курильные магистраты. - Права магистратов в Древнем Риме различались в зависимости от их ранга. Некоторые обладали правом обращения к народу, другие - правом наложения взысканий и т. д. Магистраты делились на высших и низших, на имевших присвоенное курильное кресло и не имевших, на обыкновенных и чрезвычайных.

183. Цицерон. О законах, II, 15. Возможно, что Руссо пользуется тут изложением этой мысли у Монтескье в "Духе законов", кн. II, гл. II. - Избр. произв., стр. 172.

184. Эфоры - высшие должностные лица в Спарте, введенные (по преданию) Ликургом.

185. Агис III - спартанский царь, задумавший восстановить Ликургово устройство Спарты, однако в 241 г. до н. е. он был убит.

186. Клеомен - спартанский царь (235-220 гг. до н. е.), сын Леонида II, боровшегося против реформ Агиса IV: по его указу были убиты четыре эфора и отменен эфорат. После его падения последний был вновь восстановлен.

187. См. Макиавелли. Рассуждение на первую декаду Тита Ливия, кн. I, гл. XXXIV и XXXV.

188. Катилина, Луций Сергий (108-62 гг. до н. е.) - представитель патрицианского рода, пытавшийся путем заговора подготовить захват власти, но безуспешно. Цицерон, избранный консулом на 63 год, вел против Катилины борьбу в сенате.

189. Черновой текст трактата, посланный Руссо издателю М. Рею в Амстердам в декабре 1760 г., не содержал этой главы, она была добавлена позже (письмо ему же от 23 декабря 1761 г., С. G., t. VII, p. 2). Первоначальный, более краткий текст этой главы, еще даже без заглавия, мы находим на обороте листов главы о законодателе первого наброска "Общественного договора", с которой у нее есть логическая связь. Это скорее всего и говорит о времени написания главы о гражданской религии в процессе подготовки окончательного текста трактата.

190. Имеется в виду "Письмо к д'Аламберу о зрелищах" (Ж. Ж. Руссо. Избр. соч., т. I, стр. 65-177).

191. Эпизод этот Руссо взял у Плутарха, рассказывающего его более подробно и приписывающего его жителям острова Хиоса. В более обширном примечании, сделанном Руссо от руки в его печатном экземпляре, он говорит, что не мог привести это название. Объясняется это, вероятно, игрой слов, связанной с тем, что во французском произношении название этого острова (Chio) звучит так же, как название опухоли такой части тела, которая, по мнению Руссо, не могла быть названа в печати.

192. такая ученость - Эта точка зрения представлена как несомненная в статье де Жокура "Миф" (Fable) в "Энциклопедии" (т. VI, 1756, стр. 343). Руссо знал специально посвященные этой теме книги, например "Историю манихейства" Бособра, но скорее всего говорит о тех авторах, которые популяризовали эти воззрения, как это делал Фонтенель ("О происхождении мифов", 1724) и в особенности Юм ("Естественная история религии", франц. перевод 1759-1760 гг.).

193. ...Молох... - Молох - в Библии так назван бог аммонитян, которому приносились человеческие жертвы.

194. Ваал (или владыка) - первоначально у хананеян божество, покровительствующее определенному месту, бог племени и, кроме того, верховное божество. Ваал сходен с Зевсом и Юпитером по своему главенствующему положению в системе верований данного народа.

195. Хананеяне - библейский термин, далекий от исторической определенности. Так именовались сначала жители прибрежных ("низменных") земель в отличие от горных частей Палестины, Финикии и страны филистимлян. Кроме финикиян сюда входили моавитяне, аммонитяне, идумеи и другие народы.

196. Хамос - бог аммонитян.

197. ..говорил Иефай аммонитянам... - Иефай - в Библии один из судей израильских, избранный в предводители против аммонитян и победивший их. Цитируемые его слова - Библия. Книга Судей, гл. II.

198. Юпитер Капитолийский. - Назван так по месту нахождения храма, воздвигнутого в Древнем Риме в его честь на Капитолийском холме, где были крепость и святилище.

199. Вульгата - латинский перевод Библии.

200. Фокейская война, - Фокея - колония Афин в Ионии, была захвачена персами при Дарии Гистаспе, потом, приняв сторону царя Сирии Антиоха III в его войне с римлянами, была последними завоевана и разграблена.

201. ...видимом земном правителе... - выражение, заимствованное у Монтескье ("О духе законов", кн. XXIV, гл. V); имеется в виду папа римский.

202. Халифы - или калифы - представители или наместники пророка, титул, присвоенный себе преемниками Магомета, отсюда название их государства халифат.

203. Али, Ибн Абу Талиб (род. ок. 600-601 гг. н. е.) - племянник и зять Магомета, халиф с 656 г. Те, кто признавал его законным преемником пророка, образовали секту шиитов, которая внесла в ислам элементы мистики и пантеизма, распространилась в Персии (Иран) и Индии.

204. ...нарекли себя главами Церкви... - Имеется в виду так называемая "королевская реформация" в Англии, когда Генрих VIII актом о супрематии объявил себя в 1533 г. главой англиканской церкви.

205. ...русские цари. - Петр I учредил в 1721 г. Синод для руководства делами церкви и веры, находившийся под контролем верховной светской власти, возглавляемой монархом.

206. Пьер Бейль, чей "Словарь" хорошо знал Руссо, был его непосредственным предшественником и, вероятно, учителем в критике христианства с политико-государственной точки зрения, вопреки утверждению о невозможности для христиан создать жизнеспособное государство, Монтескье шел за Гоббсом, писавшим, что государство и христианская республика - это одно и то же, а Руссо - за Бейлем, когда писал, что эти понятия исключают друг друга.

207. См. Гоббс. О гражданине, гл. XVII, 28 и гл. VI, 11. Далее в оригинале: "il porait pardonner a l'auteur le bien en faleur du mal".

208. ...в широком значении, или в более узком... - Имеются в виду два аспекта религии: один чисто идеологический, другой - политический, см. письмо Руссо к Л. Устери от 18 июля 1763 г. (С. G., t. X, p. 37) и "Письма в Горы", письмо I.

209. Подразумевается римско-католическая церковь.

210. Ср. "Письмо к Кристофу де Бомону", в котором такого рода неправомерные притязания государства Руссо объясняет предположением о том, что верования людей определяют их мораль и что от их представлений о будущей жизни зависит их поведение в этой. Но в обществе каждый его член вправе только знать - считает ли другой для себя обязательным быть справедливым, а суверен вправе изучать мотивы, на которых каждый основывает это обязательство.

211. Руссо, в принципе убежденный сторонник свободы совести и полной терпимости, стоя в общефилософском плане на позициях деизма, а не материализма, вслед за Локком отказывает атеистам в гражданских правах, как бы видя в них тех, кто не хочет присоединиться к общественному договору (см. кн. IV, гл. II), и потому не имеющих права оставаться в среде данного гражданского общества.

212. Когда в 1765 г. Рей издал "Соображения" д'Аржансона, то в них не оказалось цитируемых здесь Руссо строк. Возможно, это объясняется неисправностью рукописи, которую печатали уже после смерти автора, о чем говорится в предисловии издателя.

213. Когда заговор Катилины (см. выше, прим. 188) потерпел поражение. Цезарь выступил против смертной казни для него.

214. Страница книги с этим примечанием была уже отпечатана, когда издатель Рей получил от Руссо письмо с требованием снять его.

Выполняя волю автора, он отпечатал заново эту часть книги, и лишь несколько ее экземпляров разошлись в первоначальном виде.

215. Речь идет о продиктованном политическими мотивами переходе Генриха IV в 1593 г. в католичество. Руссо намекает на связанный с этим эпизод, изображенный в написанной епископом Роденским Гардуэном де Префиксом "Истории короля Генриха Великого" (1661, стр. 200).